
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ГУРІИ

(ИЗЪ ПРОШЛОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ)

ОЧЕРКЪ.

Санктпетербургъ.

1872.

ГУРЛИ

(ИЗЪ ПРОШЛОЙ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ)

ОЧЕРКЪ.

Санктпетербургъ

1872.

Типографія Э. Арнгольда, Литейная, 59.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Въ бурную весеннюю почь родилась Гурли. Дождь хлесталъ въ окна, вѣтеръ вылъ, и на улицѣ грязь была непроходимая. Отецъ Гурли былъ подъ судомъ. Хотя коммиссія сколько не судила,—осудить отца не могла, вышелъ онъ изъ подъ суда совершенно опрабданнымъ; но это убило его энергію и разстроило матеріальныя средства. Онъ нанималъ дешевую и потому скверную квартиру,—сырую, холодную, топить много не было средствъ; въ цѣломъ домѣ не было угла, гдѣ бы спрятаться отъ сквознаго вѣтра: онъ дулъ и въ подъоконники, и подъ полъ. Жена простудилась и заболѣла. Постоянныя тревоги за будущее и долгое сидѣніе за работою истощили ея силы. Роды были тяжелыя. Гурли дорого досталась своей мамѣ. Отецъ крѣпко любилъ свою Машу: такъ онъ называлъ жену. Онъ взялъ ее прямо отъ куколъ: ему самому тогда стукнуло двадцать, какъ онъ выражался. Выпущенъ онъ былъ изъ морскаго корпуса и кромѣ офицерскаго жалованья нечего не получалъ, а въ приданное получилъ три цѣнныя вещи: два шелковыхъ платья и одну ложку серебряную. Зналъ онъ, что тамъ далеко живетъ его отецъ; зналъ, что онъ богатъ; разсказывали ему, когда онъ былъ ребенкомъ, что деньги мѣдныя возятъ отцу мѣшками съ оброчныхъ крестьянъ. Да суровъ былъ этотъ отецъ: запретилъ денегъ просить, не велѣлъ домой глазъ показывать. Когда его выпустили изъ корпуса, отецъ Гурли закутилъ, потомъ товарищи его затащили къ Сѣдому Ворону, такъ назывался отецъ Маши, матери Гурли. Тамъ онъ увидѣлъ свою Машу, полюбилось ему

на нее глядѣть, по сердцу пришлось съ нею рѣчь вести. Бросилъ онъ товарищей и сталъ къ Машѣ ходить; предложили ему жениться, онъ и женился. Пошли дѣти, и сталъ онъ голову ломать, какъ семью содержать. Онъ былъ честенъ и побочными путями добывать денегъ не умѣлъ. Напрасно иногда пробовали приносить ему подарки съ задняго крыльца: ихъ со стыдомъ уносили назадъ. Службой онъ дорожилъ и прикладывалъ къ ней все свое умѣнье, все свое старанье. «Это кусокъ хлѣба моимъ дѣтямъ», говорилъ онъ.

Попавши подъ судъ за правое дѣло, онъ упалъ духомъ, и на долго исчезла его веселость, которая забавляла Машу. Въ это тяжелое для него время родилась Гурли. Когда ему пришли сказать, что дочка, слава Богу, жива и здорова, только слаба крѣпко, онъ поникъ головой. «Еще одна люлька, еще одна мамка, еще одной нищей больше на свѣтѣ», прошепталъ онъ. У него уже было пятеро дѣтей. Потомъ онъ пошелъ къ женѣ.

«Надо мамку, Маша?» спросилъ онъ, нѣжно цалуя ея руки.

— Да, я больна, отвѣчала мать Гурли.

«Какую же искать?»

— Ту, которая дешевле всѣхъ возьметъ.

«Кого же въ кумовья звать?»

— Какіе теперь кумовья, — свои окрестятъ; да позови кладбищенскаго священника, соборнымъ закуску хорошую нужно подать, а гдѣ ее взять?

Отецъ снова сталъ цаловать ея руки.

«Какъ же мы назовемъ ее?» спросилъ онъ снова.

— Какъ нибудь пусть назовутъ. Она махнула рукой и закрыла глаза. Утомленная вынесенными страданіями, она сдѣлалась равнодушна.

На другой день отецъ, окончивши служебныя занятія, пошелъ мѣсить грязь на другой конецъ города, отыскивая дешевую мамку.

Грустный, усталый воротился онъ домой: еще въ первый разъ не принесъ онъ подарка своей Машѣ за рожденную дочь.

Окрестили Гурли и принесли къ мамѣ. «Какъ же ее назвали»? спросила мать у маленькой Ани, которая была кумой.

— Гурли, мама, отвѣчала Аня, —перековеркаши мудреное имя, данное кладбищенскимъ священникомъ.

Съ тѣхъ поръ дѣвочка и назвалась Гурли. Нашлась и де-

шевая мамка: это была худая, блѣдная женщина съ странными глазами. Мать была больна; отецъ занятъ службой. Гурли положили въ старую корзинку, поставили ее въ дѣтской на лежанкѣ и поступила она въ полное распоряженіе этой женщины. Никто не справлялся какой нравъ, какія привычки; никто не узнавалъ, какъ кормитъ, какъ ухаживаетъ она за ребенкомъ. У ней былъ звучный голосъ и пѣла она надъ Гурли, заунывныя пѣсни. Никогда никто у ней не видѣлъ работы въ рукахъ; все сидѣла она на лежанкѣ, облокотившись на корзинку, гдѣ лежала Гурли грустно глядѣла въ окно и все что-то шептала про себя, потомъ вдругъ вынимала пузырекъ съ водкой,— пила изъ него и начинала пѣть грустныя пѣсни. Гурли спала, или лежала на спинѣ и водила мутными глазками по потолку, казалось, она слѣдитъ за чѣмъ-то, что-то чудится ей.

— Хороша-ли мамка! спрашивалъ отецъ.

«Да, ничего, ребенокъ никогда не плачетъ», отвѣчала мама и всѣ оставались покойны.

У отца было много дѣла; онъ вооружалъ судно и приходилъ домой только обѣдать, да спать. Мама хлопотала по хозяйству; нужно было накормить да обшить пятерыхъ дѣтей. Порвется ли у ней платье, или у отца сюртукъ,—перешиваетъ на старшихъ дѣтей: а порвутъ старшіе—на меньшихъ. Да все это нужно пригонять куски, да стачивать лохмотья. И сидитъ она надъ этимъ трепьемъ цѣлые дни, неразгибая спины. Такъ прошелъ цѣлый годъ, и пришла пора отнимать Гурли отъ груди. Мамка была нанята на годъ; ее расчитали. Печально и долго глядѣла она на спавшую Гурли, потомъ вдругъ засуетилась связывать свои вещи въ узелокъ. «Чужая, чужая! не моя!» шептала она,—«нечего мнѣ по ней плакать! Моя въ землѣ сырой лежитъ. Не въ корзину,—въ гробъ положили, не одѣяльцемъ, камнемъ покрыли!!» Она поспѣшно хлебнула изъ пузырька, спрятала его за пазуху и пошла изъ комнатъ. На порогѣ остановилась и снова стала глядѣть на Гурли, и снова зашептала: «проснется ктожь эта ее накормитъ? плакать станетъ. Да мнѣ что? чужая! пусть плачетъ! разчитали,—ну и пойду!» И она стала медленно подходить къ лежанкѣ, потомъ махнула рукой и ушла. Гурли передали Танькѣ, у которой ужь было на рукахъ пятеро старшихъ дѣтей. Это была маленькая коренастая бабенка и лицо у ней было все изрыто оспою. Изъ подъ саль-

наго платка, который у ней былъ вѣчно на сторону, выбивались клочки нечесанныхъ, грязныхъ рыжеватыхъ волосъ. Это была дочь одного изъ крѣпостныхъ дѣда Гурли, отданная имъ, за примѣрную глупость, въ услуженіе сыну. «Разумнымъ и у насъ, е що робить; а на ее дурню, нехай въ городи дывуются.» Эти слова рѣшили судьбу Таньки. Съ нея сняли сальныя лохмотья, въ которыхъ она всегда топила печи; умыли, одѣли въ такое чистое и новое платье, какое она только на другихъ видѣла, а сама никогда не имѣла. Посадили на возъ и повезли въ далекій городъ, далеко отъ всего роднаго, знакомаго, недавши попрощаться ни съ кѣмъ. Панъ приказалъ и сдѣлали. Никому даже ей самой ни приходило въ голову разсуждать—слѣдуетъ ли это такъ, или нѣтъ. И вотъ привезли ее въ чужую сторону, между чужихъ людей и велѣли ей за дѣтьми смотрѣть. И стала дура Танька развивать первыя понятія будущихъ людей, не разсуждая, неимѣя никакого понятія, какъ смотрѣть за дѣтьми. Ей никогда и въ голову не приходило, какая высокая обязанность лежитъ на ней. Праказали смотрѣть—вотъ и смотритъ, одѣваетъ и кормитъ; станутъ плакать—вѣдьмой напугаетъ, или сказку разскажетъ, какъ шумитъ да гудитъ, кобылья голова летитъ. Дѣти не плачутъ и все въ домѣ спокойно. Этой-то Танькѣ отдали Гурли. Но напрасно Танька забавляла ее, кружила, журчала ей въ уши, пѣла хриплымъ голосомъ, Гурли плакала все сильнѣй и сильнѣй, ничто не помогало. Напрасно и сама мама, выведенная изъ терпѣнія крикомъ Гурли, старалась утѣшить ее. Все было напрасно. Ни кому и въ голову не приходило, что Гурли нужна водка, что желудокъ ея привыкъ къ водкѣ. Наконецъ мама рѣшила, что она капризная, и бросила ее. Гурли плакала, пока не уснула. Такъ стали проходить для Гурли дни за днями. Скоро всѣ въ домѣ привыкли къ ея слезамъ. «И что ты киснешь плакса?» говорили ей проходя мимо. Ребенокъ ни отъ кого не видѣлъ ласки, никому не протягивалъ ручки, ни отъ кого не ждалъ помощи. Угрюмо сидитъ Гурли одна въ своемъ уголку. А время все шло, да шло! Отецъ Гурли получилъ выгодное мѣсто, хорошее жалованье. Дали ему большую казенную квартиру; появилось довольство въ домѣ. Сталъ ходить учитель къ старшимъ дѣтямъ; одѣли ихъ въ новое платье. Явились гости, дѣтей представили гостямъ, ихъ ласкали, имъ лакомства дарили, — а маленькая

Гурли рвалась и билась при видѣ каждаго чужаго лица. Ее уносили въ дѣтскую и бросали одну. Она садилась въ самый темный уголокъ и закрывала глазки. И вотъ ей чудятся на яву Танькины сказки. Вотъ гудитъ, кобылья голова летитъ. Гурли смотритъ, въ самомъ дѣлѣ на полу кобылья голова лежитъ. Гурли страшно хочется плакать, но она скоро привыкаетъ, и ей хочется посмотрѣть, какая это кобылья голова. Она вскакиваетъ и бѣжитъ смотрѣть: это тѣнь отъ горшка съ цвѣтами. Гурли снова садится, и снова ей кажется, что вотъ вся въ бѣломъ вѣдьма крадется. Съ испугомъ она вглядывается; нѣтъ это простыню Танька повѣсила сушить. И такъ мечтаетъ Гурли, пока не уснетъ въ уголку. Вотъ дѣти воротились въ дѣтскую спать, смѣются и шумятъ. Одинъ даетъ конфектъ, другой орѣшекъ принесъ, вотъ папа яблочко прислалъ. Тамъ міръ другой, тамъ весело, тамъ папа яблочки даетъ. Гурли страшно, тамъ чужіе,—она не пойдетъ.

II.

Однажды утромъ Танька радостно объявила дѣтямъ, что акушерка новую сестрицу имъ привезла, и что потому папа велѣлъ всѣмъ одѣться въ новыя платья и не учиться. Всѣ заинтересовались новостью и стали поспѣшно одѣваться. Когда всѣ были одѣты, дѣти засуетились, зашумѣли и пошли смотрѣть новую сестрицу. У дверей спальни шумная компанія пріутихла. Аня, какъ старшая, вошла первая на носочкахъ. За ней проворно юркнулъ старшій братъ, неугомонный шалунъ, потомъ другія; Гурли потупившись вошла послѣдняя. Въ новой блестящей колыбели, на обшитой кружевомъ подушкѣ, лежала повитая шелковымъ свивальникомъ Лія. Такъ называли новорожденную. На мягкой постели, въ новой блузѣ, улыбаясь лежала мама. Двѣ акушерки наперерывъ разсказывали ей городскія новости. Благодаря ихъ помощи и спокойной веселой жизни, Лія родилась легко. Отецъ весело ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивши руки за спину и пощелкивая пальцами; давно припряталъ онъ на этотъ день бархату на шубку своей Машѣ, и теперь крѣпко цѣловала она его въ подбородокъ.

Крестины парадныя назначены въ три пары. Трое богатыхъ

людей сами въ кумовья назвались. Трое ризокъ, три шолковыхъ платья Машу потѣшутъ. Это ужь акушерки объявили. Дѣла по службѣ идутъ хорошо, сегодня благодарность получилъ. «Пусть ростетъ моя крошка», думаетъ онъ. Въ пансіонъ можно будетъ отдать. А тамъ.... А хорошенькая ли она будетъ Маша, невѣста-то наша? кончилъ онъ свою мысль подходя къ колыбели.

— Хорошенькая! хорошенькая! загорланили акушерки.

И въ самомъ дѣлѣ, маленькое личико Ліи обѣщало красоту.

Весело оступили дѣти колыбельку Ліи. Всѣ заглядывали перешоптывались, улыбались, дотронуться никто ни посмѣлъ; и Гурли взглянула печальными глазками на Лію и заглядѣлась.

«Посмотри-ка Маша, какъ дикарка наша на Лію заглядѣлась, и чужихъ забыла. Ее нужно сюда почаще приносить, сказалъ отецъ.

И стали Гурли каждый день къ колыбелькѣ Ліи носить; и стала Гурли все сильнѣй и сильнѣй любить Лію.

Весело отпраздновали крестины; лучшую няню въ городѣ наняли для Ліи, веселую, молодую, красивую. Нарядили ее въ голубой сарафанъ, и стала она пѣть веселыя пѣсни для Ліи. Стала она няньчить Лію подъ присмотромъ мамы, у которой не было теперь другаго дѣла, потому что за хозяйствомъ ключница стала ходить. А на дѣтей швею наняли шить. И годы незамѣтно проходили за годами.

Окруженная заботой и лаской всѣхъ въ домѣ, Лія росла прелестнымъ ребенкомъ, ея русая головка всегда была откинута назадъ. Ея свѣтлые волосы природными кудрями падали на розовыя плечики. Казалось, улыбались ея голубые ясные глазки. Весело бѣжала она къ каждому на встрѣчу, каждому протягивала свои пухленькія розовыя ручки. Никто не могъ налюбоваться прелестнымъ ребенкомъ. Всѣ ее ласкали, всѣмъ она улыбалась, всѣмъ давала цаловать свой розовый ротикъ. И еще угрумѣй казалась возлѣ нея Гурли. Ея блѣдное печальное личико, ея всегда опущенная на грудь головка ея грустный пугливый взглядъ, заставляли сторониться каждаго, чтобъ не испугать дикой дѣвочки. Да Гурли и сама бѣжала и пряталась отъ каждаго посторонняго лица. Ее никто не ласкалъ; только Лія брала обѣими ручками ее за личико, улыбалась, заглядывала ей въ глазки и потомъ цаловала ее. За то

и была Гурли преданной рабой Лiи. Понадобится ли Лiи блестящее стеклышко въ грязи, Гурли бѣжитъ въ лужу и достанетъ. Ничего, что будетъ Танька бранить за испачканныя панталонцы, ничего, что будетъ мама сердиться: за то Лiя улыбнется. Захочетъ ли Лiя яблочка. Гурли полезетъ на дерево; трещитъ и рвется ее платьице, вѣтки царапаютъ лицо, а Гурли цѣпляется все выше и выше, она достанетъ Лiи красное яблочко! Ничего, что ее накажутъ за порванное платьице: Лiя и туда придетъ играть. Будутъ всѣ говорить, что она негодная дѣвочка, что на нее ничего не наготовишь. За то Лiя ее будетъ цѣловать. Никому и въ голову не приходило повѣрять, какiе побужденiя влекли Гурли: дѣлаетъ скверно—значитъ скверная дѣвчонка. Только отецъ, увидѣвши наказанную Гурли, всегда говорилъ: «Эка, горемыка, снова попалась! ну иди гуляй. Богъ съ ними, пусть сердятся. Нѣкогда, вотъ мнѣ служба, а то я бы научилъ тебя никогда не попадаться». Дѣла его все шли хорошо онъ былъ веселъ и со всѣми шутилъ Маша его была счастлива, дѣти здоровы. Къ старшимъ дѣтямъ ужъ онъ учителей нанялъ. Ходилъ учитель французскаго языка. Это былъ худой, маленькiй, дрябленькiй человѣчекъ; вѣчно онъ предъ всѣми извивался, вѣчно бросался всякому угодить, но за ученье принимался лѣниво; нехотя выслушивалъ уроки; поспѣшно отмѣчалъ въ книгѣ «отъ сюда до сюда», и уроки кончались... Любезно разсказывалъ онъ потомъ всѣ городскiя новости тетенькѣ Сашѣ, извиваясь, раскланивался и уходилъ. Тетенька Саша была дѣвица круглая, бѣлая, пухлая; лицо ея никогда ничего не выражало; никогда не отсвѣчивались мысли въ ея свѣтлыхъ глазахъ. «Такъ себѣ, кубаремъ», говорили о ней. Жила тетенька Саша въ домѣ, ничего не дѣлая, ни чѣмъ ни занимаясь. «Такъ себѣ гощу у сестры для своего удовольствiя», отвѣчала она всѣмъ, интересующимся знать, что она дѣлаетъ. Никогда никакой книги не давали читать тетенькѣ Сашѣ для сохраненiя ея невинности; и мiръ въ которомъ она жила, былъ для нея тьма. Единственно, что ее волновало, это приходъ танцмейстера. Тутъ тетенька Саша, зятянутая въ платьецѣ на подъемѣ, едва дыша, выходила въ залу; робко дѣлала она реверансъ и начинался урокъ. Танцмейстеръ былъ высокiй сѣденькiй человѣкъ неходящiй, а скользящiй по полу, въ своихъ лаковыхъ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ. Всегда любезно улыбался и грацiозно рас-

кланивался онъ всѣмъ, спѣша начать урокъ. «Время и ловкія ноги—это капиталъ», говорилъ онъ. Всѣхъ учениковъ своихъ онъ раставлялъ въ рядъ, начиная съ тяжело дышавшей отъ волненія тетеньки Саши, до маленькаго брата Гурли, у котораго всегда блестѣли слезы на глазахъ, въ продолженіи всего урока, съ тѣхъ поръ, какъ учитель поднялъ его за уши на воздухъ, когда онъ не рѣшался подпрыгнуть въ какомъ-то па. Уставивши всѣхъ на мѣстахъ въ приличной позѣ и поправивши у всѣхъ руки, ноги и головы, учитель отправлялся на противуположный конецъ залы и ловко выдѣлывая ногами па, распѣвалъ: «ан-аванъ, разъ, два и три. Ан арьеръ, разъ и два и три. Мадмуазель Саша, грудь впередъ, разъ, два и три. Мадмуазель Аня, головку назадъ, разъ и два и три. Маленькій мальчикъ, ножками скорѣй, разъ и два и три. Когда заданное па было выучено, учитель поздравлялъ тѣхъ, кто себя хорошо держалъ: (поздравленія всегда обращались къ тетенькѣ Сашѣ); любезно раскланивался, бралъ деньги за урокъ, и уходилъ. Послѣ него приходилъ учитель музыки, толстый, угрюмый, вѣчно пыхтящій нѣмецъ, съ одутловатой физіономіей, ни слова неговорившій по русски. У порога снималъ онъ свои грязныя, громадныя башмаки, и ставилъ ихъ носками къ верху у стѣны. Потомъ въ чулкахъ отправлялся къ роялю, плотно усаживался на широкое кресло, возлѣ трепещущей Ани, сердито глядѣлъ на нее и, стараясь объяснить по русски ноты, потому что Аня не знала по нѣмецки, тыкалъ своимъ толстымъ пальцемъ въ ноты, потомъ въ клавиши, приговаривая расъ! расъ! Какими судьбами понимала его Аня, —она и сама не умѣла объяснить; боязнь-ли, желаніе-ли выучиться, просвѣтливало ея понятія,—только Аня играла пѣсеньки и романсы, что утѣшало отца, который, ходя по спальнѣ, заложивши руки назадъ и пощалкивая пальцами, говорилъ: «Ну, Маша, на нѣмца-то у насъ деньги не пропадутъ, Аня будетъ играть. Трудно было понять, а теперь сама пойдетъ; а французику-то въ воду деньги бросаемъ. Мы съ тобой по иностранному не бельмеса не знаемъ. Кто его знаетъ, что онъ имъ тамъ задаетъ. Такъ, на авось! Да нельзя—время нынче глупое такое: безъ французскаго языка барышня хоть и носа въ гостинную не показывай. Не по сердцу мнѣ эти уроки. И онъ всегда хмурился, когда слышалъ какъ задалбливали французскіе разговоры. За то онъ любилъ слушать,

какъ Аня играла. Иногда сбиралъ онъ всѣхъ въ залу, садилъ Лію на рояль, заставлялъ Аню играть, и, похлопывая въ тактъ рукой по роялю, запѣвалъ малороссійскую пѣсню, и всѣ хоромъ должны были ему подтягивать, или затягивалъ романсъ:

Заноетъ сердечко,
Въ разлукѣ, въ тоскѣ:
Взгляну на колечко
На правой рукѣ.

«Помнишь, Маша!» внезапно прерывая пѣсню, обращался онъ къ женѣ,—«какъ ты плакала, когда меня услали въ походъ, и все глядѣла на колечко, которое я тебѣ подарилъ? Прошло это скверное время, Маша». И онъ улыбался; улыбалась Маша; улыбались и всѣ дѣти. Потомъ отецъ весело отбрасывался на спинку кресла, бралъ Лію на руки и, широко открывая объятья, вскрикивалъ: «дѣтенки мои, ко мнѣ!» Аня спрыгивала отъ рояля, и всѣ дѣти бросились въ его объятья, всѣхъ разомъ онъ обнималъ, всѣхъ крѣпко цаловалъ. Только Гурли, подбѣжавшей послѣ всѣхъ, доставался одинъ послѣдній поцѣлуй.

III.

Разъ въ полдень, когда всѣ собрались въ столовой къ обѣду въ ожиданіи отца, онъ вошелъ угрюмый. Затумѣвшія при его входѣ дѣти пріутихли и всѣ, молча сѣли за столъ.

«Какая нибудь по службѣ непріятность?» спросила мама.

— Нѣтъ все хорошо,—благодарность получилъ.

«Такъ болѣнъ, что ли ты?»

— Нѣтъ, здоровъ.

«Такъ что жъ это ты невеселъ»?

— Да вѣсти скверныя, Маша—походъ, вотъ что! сказалъ отэцъ, бросая ложку и подпирая голову обѣими руками. Какъ ни приготовлялъ я себя къ этому, а все таки поразила меня эта вѣсть. Все думалось, что при берегѣ какое нибудь мѣстечко дадутъ; а оно то вышло, что въ море болтаться посылаютъ. Вотъ и бросай васъ всѣхъ. Эхъ! скверная жизнь моряка! Привыкъ я къ береговой жизни. Да и обжились, всѣмъ завелись, а теперь все сбывай, все бросай! Ну, да ничего,

Маша, привыкнемъ... Умѣешь кататься, умѣй и саночки возить. Денегъ даромъ никто недастъ, гдѣ нашего не пропадало, прибавилъ онъ, махая рукой, и принимаясь снова за ложку.

Вѣсть эта разрушила весь порядокъ въ домѣ. Учителямъ отказали. Стали являться купцы, за безцѣнокъ покупать разныя вещи, въ которыхъ не было крайней необходимости. Тетенька Саша ходила печальная; Аня помогала мамѣ укладывать вещи въ дорогу; дѣти дѣлали, что хотѣли; прислуга сновала безъ толку во всѣ стороны; отца цѣлые дни не было дома. Наконецъ все уложили, отслужили молебенъ, и отправились въ далекій путь искать новаго счастья и удобствъ.

На новомъ мѣстѣ изъ оконъ квартиры отца было видно Черное море; шумъ его усыплялъ Лію; наводилъ тоску на тетеньку Сашу, а Гурли не могла наглядѣться на игру его волнъ... Пробравшись потихоньку на стеклянную галлерею, угнѣздившись на окраинѣ окна, подперши обѣими ручками голову, по цѣлымъ часамъ глядѣла она на море. Широко открывалось оно передъ ея глазами; все волны, волны бѣгутъ и, кажется, нѣтъ имъ конца. Тамъ далеко, далеко сливались съ небомъ онѣ. «И отчего, думаетъ Гурли, эти волны все на берегъ бѣгутъ? вотъ взбѣгутъ на скалу, разобьются въ брызгахъ, въ пѣнѣ, упадутъ и снова шумятъ и снова бѣгутъ, Какъ будто, хочется имъ берегъ затопить. И отчего онѣ такъ грустно шумятъ, какъ будто жалуются, какъ будто, что-то говорятъ?» И долго, долго слушаетъ Гурли, какъ волны плещутъ, шумятъ. И все ей хочется понять, что море говоритъ?

Долго никто въ домѣ не зналъ, гдѣ прячется Гурли Разъ дольше обыкновеннаго заглядѣлась она на море. Въ первый разъ при свѣтѣ луны видѣла Гурли, какъ по морю лодочка плыла, то скроется изъ глазъ она, то всплыветъ на волнахъ, то снова нырнетъ въ глубину... И шепчетъ Гурли: «потонетъ она». Этотъ-то шопотъ привлекъ вниманіе деньщика, проходившаго мимо. Съ ужасомъ увидѣлъ онъ Гурли почти висѣвшую на воздухѣ. Подломись подоконникъ, толкни кто нибудь раму, и Гурли полетѣла бы внизъ съ двухъ этажнаго дома.

— На что вы тутъ смотрите? спросилъ онъ ее.

— Вонъ лодочка плыветъ, отвѣчала Гурли, скажи мнѣ есть на ней люди?

«Вѣстимо есть, видите противъ теченія плыветъ, была бы пустая—по теченію пошла бъ».

— Не утонетъ она?

«Чево утонетъ! Видите, какъ славно держутъ руль, словно утка ныряетъ; такъ и рѣжетъ волну. Молодецъ! право молодецъ! Да ну, ее! Пойдемте въ комнаты уже ужинать приказали подавать».

— Постой минуточку! просила Гурли. Скажи мнѣ отчего это море такъ печально шумитъ; какъ будто плачетъ? Ты не знаешь о чѣмъ оно говоритъ?

«Кто его знаетъ, барышня; ужъ такъ Богъ далъ». Онъ задумался. «А можетъ оттого, вдругъ прибавилъ онъ, что много несчастныхъ бросаютъ туда, вотъ што!»

— Какихъ несчастныхъ? спросила Гурли.

— Ну васъ совсѣмъ! спохватился онъ, послѣ разскажу, съ вами заговоришься. Бранить будутъ, за ужиномъ послали. Идите въ комнаты, я окно запру.

Гурли прыгнула въ галлерею и пошла въ комнаты; деньщикъ захлопнулъ окно и побѣжалъ за ужиномъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ столовую съ блюдомъ.

— Гдѣ ты пропадалъ. напустилась на него тетенька Саша, скажи пожалуста?

«Да вотъ барышню ужинать искалъ, отвѣчалъ онъ, поглядывая на Гурли и ставя блюдо на столъ.

— Эта барышня вѣчно прячется по угламъ съ дѣвками, сказала съ презрѣніемъ тетенька Саша, только что выслушавшая отъ кухарки всѣ базарныя новости.

Скоро всѣ улеглись и уснули въ дѣтской. Только Гурли долго не спала. Все глядѣла она на ночникъ и все думала: «какіе это несчастные, и за что ихъ бросаютъ въ море. Глубоко тамъ, никто не выплыветъ «захлебнется, захлебнется».... шептала она.

На другой день, какъ только зажгли свѣчи; Гурли пробралась въ людскую и, прилегши на грязной койкѣ деньщика, возлѣ которой онъ зашивалъ свой сапогъ, при сальномъ огаркѣ, просила разсказать ей, какія это несчастные, и за что бросаютъ ихъ въ море? Да я вамъ, пожалуй, разскажу, только вы чуръ никому не говорить.... Мы народъ маленькій, будемъ широко ротъ держать, какъ разъ въ арестанскую упрячутъ, сказалъ деньщикъ, скоро вытягивая дратвы въ обѣ стороны. «Ну; видите, началъ онъ, служилъ я тогда на шкунѣ, капитанъ у насъ былъ

бѣда какой! Разсуждать никто ни, ни! Слова сказать не смѣй! объ ту пору назначили къ намъ матросика. Несчастный, за шалости за какія-то изъ гардемаринъ въ рядовые былъ пожалованъ. (Въ людской всѣ засмѣялись). Ну, продолжалъ деньщикъ, мы то народъ привычный, а ему жутко приходилось. Капитанъ ему, какъ есть, проходу не давалъ. За какую-то мѣщаночку поспорили они. Капитанъ ее къ себѣ звалъ, а она-то не къ нему, а къ этому пошла, «Ничего, говоритъ, что разжалованный; я за то, что несчастный его еще больше люблю. Когда ужъ мнѣ чести не сберечь, такъ лучше мнѣ съ нимъ горе горевать, чѣмъ у капитана барыней проживать». Упекъ ее капитанъ. Подкупилъ родичей, они ее и въ хомутѣ по слободкѣ водили и разнымъ манеромъ срамили, пока она на себя руки наложила, съ камнемъ на шеѣ въ морѣ утонула. Было и пріутихъ капитанъ, а какъ вышли мы въ море въ чистое, берега нигдѣ, ни суденушка не видать. Вотъ и сталъ онъ къ нашему паничу-матросику придираться; жогъ его на разные манеры. Молчалъ тотъ, молчалъ, да не выдержалъ наконецъ, видно кровь дворянская говорила въ немъ, какъ ругнулъ его капитанъ, онъ и харкнулъ ему въ морду. Позеленѣлъ нашъ капитанъ, ничего, утерся, пошелъ какъ будто ничего ни случилось. Да на другой день и затѣялъ ученіе; а тотъ-то ни бельмеса не смыслитъ. Вертѣлъ имъ капитанъ, вертѣлъ; вышелъ бѣднякъ изъ терпѣнія, сказалъ грубое слово. «Линьковъ!» закричалъ капитанъ. Привязали бѣднягу къ мачтѣ, да и давай лупить... Били, били! Посинѣлъ весь, молчитъ. Не выдержалъ одинъ матросикъ, юркнулъ внизъ, далъ знать лѣкарю; молодой у насъ былъ тогда. Выбѣжалъ лѣкарь, глянулъ, да какъ крикнетъ: «довольно! не то протестуюсь!» Яхидной поглядѣлъ на него капитанъ,—однако бить перестали, сняли несчастнаго, да лучше бъ добили!.. Промучился онъ недѣли двѣ, да и умеръ. Такъ мы его и опустили съ баластеной на дно морское. Никто его и не видалъ больше. Потомъ и къ берегу пошли. Порывались было молодые матросики донести, да старые усачи отговорили. Извѣстное дѣло командѣ на капитана не жаловаться.

Да это что, одинъ только, а то вонъ наши разсказываютъ, что въ Константинополь ходили, заговорилъ другой деньщикъ, садясь на своей койкѣ и набивая трубку,—судно они повстрѣ-

чали, черкешанокъ везли. Да тамъ, не знаю, что такая за штука вышла, только ихъ раздѣнутъ, свяжутъ да и бросятъ за бортъ, а она то бѣдная, побьется, побьется, да и ко дну пойдетъ. Да ночью то это, при мѣсяцѣ, говорятъ, какъ лебедь бѣлая! Вахтенный-то мичманъ было началъ кричать, что спасать надо; да ему тамъ что-то разсказали, такъ все и минуло, а матросу — извѣстное дѣло — молчать.

Въ это время въ людскую вбѣжала краснощекая дѣвка Марья.—Ну какъ вамъ не стыдно съ деньщиками сидѣть! крикнула она Гурли грубо.

— Что ты подлая кричишь! заговорила Ганна, вылѣзая изъза стола, гдѣ она зашивала мѣшокъ. Какъ что нибудь покрыть надо, такъ ручки Гурли цалуетъ, а то кричать пришла. Видно чего ни на есть наблистала языкомъ-то въ горницѣ.

— Чего ты ругаешься, сама ты подлая! огрызалась Марья.

— Вы не сердитесь, Машенька, вамъ не къ лицу, лучше позвольте васъ поцѣловать, сказалъ деньщикъ, обнимая ее.

— Не лѣзьте, пожалуста! отвѣчала Марья, жеманясь. Вѣдь вы знаете, что меня за это обстригутъ.

— Идите Гурли, сказала Ганна, отворяя двери, бранить васъ будутъ.

Гурли прыгнула за порогъ и побѣжала. Когда она вошла въ комнату, дѣти любовались только что конченной куклой, которую тетенька Саша сшила Лiѣ. Гурли подошла къ кружку.

Поди пожалуста! сказала тетенька Саша, отталкивая ее, ты опять была въ людской, отъ тебя такъ и несетъ тютюномъ.

Гурли усѣлась въ уголокъ и стала смотрѣть какъ Лiя играетъ куклой. То она вальсировала съ нею вокругъ стола напѣвая разъ, два, три! разъ, два, три! то качала ее на рукахъ припѣвая баюшки, баю! Но ей скоро надоѣла кукла. Она побѣжала къ Гурли, обвилась ручками вокругъ ея шеи, и долго шептали онѣ чѣмъ сдѣлать новую куклу—барыней или няней, какое имя ей дать и въ какой ящичекъ положить ее спать.

Скоро всѣ улеглись, скоро всѣ уснули. Только Гурли не спала. Все ей чудилось какъ умираетъ онъ. Вотъ въ воду бросаютъ его, всплеснула волна! Гурли вздрагиваетъ. Обѣими ручками беретъ себя за голову и закрываетъ глаза. И видится ей бѣлыя, какъ лебедь, черкешенки, бьются въ черной волнѣ.

Вотъ всплыли, протянули руки, но нахлынула волна, и снова бьются, бьются! Вотъ ко дну пошла одна. Гурли страшно въ темнотѣ. Но вотъ всплылъ мѣсяцъ и бросилъ лучь свой въ окно, и упалъ этотъ лучь на кровать тетеньки Саши. Раскинулась она въ своей пуховой постели, жарко горятъ ея щеки, высоко поднимается грудь и шепчетъ она во снѣ имя молодаго доктора.... И дальше скользитъ лучь и освѣтилъ онъ спящую Аню. Спокойно спитъ она не тревожатъ ее грезы. Кроткая улыбка и въ мирномъ снѣ, какъ въ тихой жизни, играетъ на ея лицѣ. Но вотъ лучь мѣсяца упалъ на спящую на полу Таньку—согнулась она на своемъ войлокѣ; далеко отлетѣлъ ее грязный платокъ; дыбомъ стоятъ ея, всклокоченные волосы, и сквозь зубы бурчитъ она: «брешешъ! брешешъ! не крала я панскаго мыла». Освѣтилъ онъ блѣдное личико маленькаго брата; лежитъ онъ, согнувшись, обхвативши ручками ножки и шепчетъ сквозь слезы: «не стану я на колѣни: ножки болятъ». Бросилъ мѣсяцъ свой лучь на спящую возлѣ брата Лію; разметалась она, разсыпались ея кудри по бѣлой подушкѣ, поетъ и улыбается она и во снѣ.... Заглянулъ въ уголокъ кравати;—тамъ, обхвативши колѣни руками сидитъ Гурли и слѣдитъ за лучемъ мѣсяца, и думаетъ,— отчего такъ не равно всѣ спятъ,—отчего смѣется Лія и плачетъ братъ? И заглядѣлась она на смѣющуюся Лію, обхватила ее рукой, припала къ ея подушкѣ головой. И долго, долго любовалась ею, пока сонъ не сомкнулъ ея очи....

IV.

Однажды вечеромъ всѣ работали въ спальнѣ. Кончали обновки къ празднику. Мама кроила, тетенька Саша вся погрузилась въ шитье своей модной пелеринки. Отецъ въ слухъ читалъ «Вія» Гоголя. Маленькій братъ моталъ, Гурли держала мотокъ. Только Лія, уставши бѣгать съ клубочкомъ, прилегла на плечо Гурли и уснула. Стѣнные часы звучно пробили девять. «Идите спать», сказала мама.

Дѣти зашумѣли, засуетились. пожелали покойной ночи и ушли. Тетенька Саша зевнула, сложила свою перелинку и пошла приказать подавать ужинъ. Гурли пробралась за диванъ и

присѣла тамъ, жадно вслушиваясь въ чтеніе. Отецъ читалъ внятно, выразительно. Вій съ рѣсницами до земли стоялъ передъ Гурли, какъ живой. Скоро отецъ закрылъ книгу и сталъ ходить по комнатѣ, опустивши голову.

— О чемъ ты думаешь? спросила мама.

— Да есть у меня, Маша, сказать тебѣ одно горе и двѣ радости. Горе,—что въ море получилъ повелѣніе идти, а радости—что отецъ твой пріѣдетъ и Саничку привезетъ... Не печалься, что безъ меня праздники будете встрѣчать.

— Ужинать пожалуйте! прокричалъ деньщикъ вытягиваясь въ дверяхъ.

— Пойдемъ, Маша! сказалъ отецъ, направляясь въ столовую.

Когда Гурли вышла въ дѣтскую, Танька стала выпытывать у ней, что папа мамѣ говорилъ. Гурли разсказала, что слышала, и легла спать. «Варвара, Варвара»! звала чрезъ минуту Танька, стоя въ дверяхъ дѣтской, и маня Варвару рукой. Та подошла. «Баринъ старый пріѣдетъ... объявила ей Танька шепотомъ Въ это время мимо проходилъ деньщикъ. «Въ походъ собирайтесь!—» сказала ему Танька. Деньщикъ пришолъ къ столу.

— Что прикажите въ походъ брать? спросилъ онъ отца, принявши слова Таньки за приказаніе.

— Ты откуда новости получилъ? обратился къ нему удивленный отецъ.

— Танька сказала, отвѣчалъ деньщикъ.

— Танька! крикнула мама.

Танька явилась, переваливаясь съ ноги на ногу. «Болванъ!» прошептала она, проходя мимо деньщика и дѣлая ему презрительную гримасу.

— Ты за чѣмъ подслушиваешь? прикрикнула на нее мама, когда Танька подошла къ столу.

— Помилуйте, я ничего не подслушивала, какъ я смѣю подслушивать... затараторила Танька, дѣлая плаксивую гримасу и разводя руками.

— Откуда же ты узнала, что баринъ ѣдетъ въ походъ?

— Гурли сказала.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать съ этой дѣвчонкой! всегда она попадется...

— Да ничего, Маша, вѣдь вѣрно у ней выпытали... успокоивалъ отецъ.

— Ей богу-съ, они сами сказали... начала увѣрять Танька.

— Убирайся ты! крикнулъ строго отецъ.

Танька поспѣшно скрылась за дверями.

Гурли не спала; она все слышала. Еще долго не спалось ей: все ей чудился Вій.

Наступилъ день отъѣзда отца. Онъ всѣхъ дѣтей перецѣловалъ и благословилъ,—только долго не могъ проститься съ Машей. Все она рыдала въ его объятьяхъ, все просила не забывать ее. Напрасно увѣрялъ отецъ, что у него нѣтъ ничего дороже ея, наконецъ онъ ушелъ. Всѣ печально собрались на стеклянной галлереѣ, глядя на море.

— А скоро оно пойдетъ? спрашивалъ маленькій братъ деньщика, показывая ручкой на судно.

— Постойте маленичко, вотъ якорь подымутъ, поставятъ паруса, вѣтеръ попутный,—птицей полетитъ.

— И долго это не воротится папа? спросила Гурли.

— Ну про это, барышня, нашему брату и на суднѣ не приказано знать. Смотрите, смотрите, прибавилъ онъ показывая рукой на судно, поднявшее паруса и, заколыхавшееся на волнахъ.

— Какъ скоро пошло, заговорилъ маленькій братъ.

— Качается, прибавила Лія.

— Прощай папа! сказала Гурли.

И всѣ грустно глядѣли на удаляющееся судно, пока оно не скрылось на горизонтѣ.

Скоро печальный шопотъ—«папы нѣтъ», замѣнилъ веселый крикъ—«дѣдушка пріѣхалъ». Дѣдушка всѣмъ привезъ подарки, всѣхъ ласкалъ, со всѣми шутилъ, и, безпрестанно раздавалось его задушевное «хи, хи, хи!» Дѣтей онъ любилъ, и скоро всѣ къ нему привыкли. По вечерамъ собиралъ онъ ихъ въ своей комнатѣ, садилъ вокругъ стола, а Спиру, рыжаго сына Таньки, становилъ возлѣ себя. Онъ долженъ былъ всегда оставаться дуракомъ, когда играли въ дурачки, и получать бублики, если дѣдушка сдавалъ въ кончину. Послѣ игры въ карты дѣдушка вынималъ размалеванную азбуку и училъ Спиру, поглядывая на другихъ дѣтей:—А—арапъ, Б—бутылка, В—ведро, и пошелъ спрашивать: арапъ какъ будетъ? А, отвѣчала Гурли. Другую

букву отвѣчалъ братъ. И дѣдушка, улыбаясь, говорилъ: «мои внуки умники, я ихъ не учу, а они знаютъ, а ты, Спира, дуракъ: тебя учу, а ты ничего не знаешь. Пошелъ спать»! И дѣти расходились спать.

Саничкину пріѣзду никто не былъ радъ, кромѣ мамы. Онъ со всѣми безпрестанно спорилъ, въ особенности допекалъ онъ сестрѣ Марусѣ. Разъ, разсердившись, она назвала его глупымъ фанфарономъ. Саничка укралъ у ней куклу, и поварскимъ ножемъ въ залѣ на порогѣ, въ присутствіи всѣхъ дѣтей, отрубилъ ей голову. Маруся стала плакать, и когда мама спросила его, для чего онъ куклу испортилъ, онъ важно отвѣтилъ: «я скоро буду офицеромъ, а офицера бранить нельзя, а она, скверная дѣвченка, вздумала меня бранить. Такъ какъ ее самую нельзя наказать, то я за ея преступленіе, въ лицѣ ея наказалъ куклу». Мама покачала головой и не велѣла ему въ другой разъ ни чьихъ вещей и игрушекъ не трогать. Голову куклѣ пришили и миръ кое-какъ возстановили. Не смотря на присутствіе отца и Санички, мама замѣтно тосковала, часто бросить работу и сядетъ у окна, на море глядитъ а слезы катятся изъ глазъ, Гурли смотритъ изъ темнаго уголка и думаетъ: мама папу ждетъ. Пришли и праздники; всѣ надѣли новыя платья; напекли пирожнаго, а все таки веселье не полное, всѣ шептали: «мама плачетъ,—папы нѣтъ». Разъ Гурли долго заглядѣлась на волнующееся море, вѣтеръ гналъ валы на берегъ, а тамъ далеко что то на морѣ бѣлѣло; все ближе и ближе плыло—все виднѣй и виднѣй... Гурли глядѣла на бѣлую точку, не сводя глазъ. «Это судно, это парусъ бѣлѣетъ», прошептала она,—можетъ быть папа» прибавила она, улыбнувшись. Судно на всѣхъ парусахъ съ попутнымъ вѣтромъ быстро неслось къ берегу. Стемнѣло; но Гурли видитъ и въ темнотѣ;—вотъ близко бѣлый парусъ, вотъ заполоскался въ воздухѣ и упалъ, вотъ судно поворотилось противъ теченія, остановилось и заколыхалось на волнахъ....

— Гурли, вы здѣсь? крикнулъ деньщикъ изъ-за дверей.

Гурли притаилась; деньщикъ заперъ двери. Спать ложиться будутъ, подумала Гурли, надо идти, а если это папа?—нѣтъ подожду; она снова стала смотрѣть. Вотъ всплыла изъ-за тучъ луна и, видитъ Гурли къ берегу плыветъ точка черная; такъ и заливаетъ, ее волна, а та себѣ всплы-

ветъ и снова къ берегу летитъ. Это гичка, думаетъ Гурли, это папа можетъ быть! Что, если утонетъ! — сердце у ней бьется, слеза дрожитъ на глазахъ. Но вотъ гичка у берега. Но что же это? она назадъ плыветъ. Гурли смотритъ печально и ждетъ. Медленно противъ теченія гичка лавируетъ и плыветъ къ судну. Гурли все смотритъ и ждетъ. Вотъ выплылъ мѣсяцъ изъ-за тучи; видитъ Гурли гичка къ судну пристаетъ. Это не папа, думаетъ Гурли; папа не придетъ; папу всегда гичка ждетъ. Въ это время стукнуло кольцо калитки. «Уже заперлись!» послышался голосъ отца, а я и гичку отослалъ.

— Я отворю! крикнула Гурли радостно, и побѣжала отворять калитку.

Съ удивленіемъ поглядѣлъ отецъ на посинѣвшую отъ холода дѣвочку.

— Что ты тутъ дѣлала одна, спросилъ онъ.

— Глядѣла какъ ты плылъ, отвѣчала Гурли.

— Почемъ же ты знала, что это я?

— Мнѣ казалось — не знаю почему.

— А спять уже? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ еще, видишь—у мамы въ комнатѣ свѣтится, и Гурли показала на тонкую полоску свѣта, выходившую изъ окна.

— А дверь заперта?

— Я отворю, сказала Гурли, быстро взбѣжала по ступенькамъ, подбѣжала къ окну, придавила пружину своими тонкими пальцами. Форточка тихо распахнулась. Гурли ловко влѣзла въ нее и когда отецъ подошелъ къ двери, Гурли уже ее отворяла.

— Здѣсь такъ темно, что можно лобъ разбить, сказалъ отецъ, войдя въ сѣни.

— Я проведу,—не ушибешься и Гурли, схвативши руку отца, повела ему между разставленной мебелью. Передъ непритворенной дверью спальни, изъ которой выходила полоса свѣта Гурли остановилась и выпустила руку отца.

— Ну и чего его ждать? говорила тетенька Саша въ спальнѣ, зѣвая и потягиваясь, и что о немъ рюмить? что съ нимъ сдѣлается? Ложись лучше спать, и тетенька Саша аппетитно и протяжно зѣвнувши, пошла изъ спальни.

Отецъ тихо отворилъ дверь.

Мама сидѣла, облокотившись на столъ и положивши голову на руку, глядѣла на огонь свѣчи.

— Маша! сказалъ отецъ!

Мама вздрогнула, радостно вскрикнула и упала въ его объятія; Гурли стрѣлой понеслась въ дѣтскую.

— Что съ цѣпи сорвалась? увидѣвши ее, сказала тетенька Саша.

Гурли не слышала, она подбѣжала къ сидѣвшей на сундукѣ Ліи и укладывавшей куклу спать.

— Папа воротился,—пойдемъ! сказала она ей, едва дыша.

Лія бросила куклу и побѣжала за ней.

— Папа! повторилъ маленькій братъ, раздѣвавшійся спать и поспѣшно слѣзъ со стула и побѣжалъ за ними.

— Да, не вѣрьте ей!—сказала тетенька Саша имъ въ слѣдъ.

Но никто ее не слушалъ; дѣти были увѣрены что Гурли не обманетъ.

Скоро по всему дому раздавались радостные возгласы «папа воротился, папа воротился!» Никогда не возилъ онъ дѣтямъ гостинцевъ, но всегда ласкалъ ихъ и терпѣливо выслушивалъ ихъ болтовню; и всѣ радостно встрѣчали его, не ожидая гостинца.

Чрезъ миниту Танька вбѣжала въ людскую.

— Баринъ воротился!» крикнула она.

— Вотъ оно—ты съ чего взяла? сказалъ деньщикъ, вскакивая съ койки.

— Говорятъ тебѣ—самоваръ ставь—пріѣхалъ съ бариней сидитъ».

— Что за пропасть такая! сама калитку заперла, стучать, ни кто не стучалъ; и матросиковъ нѣтъ никого. Что же это, прилетѣлъ что ли баринъ къ намъ?—говорила Ганна, присвѣчивая деньщику наливать самоваръ.

—Знать къ графской пристани нельзя—залило,—а приставали значитъ къ той пристани, а оттуда-то верста будетъ; волненіе вишъ какое; гичку бросить нельзя; а матросикамъ жутко ждать то, вотъ и отпустилъ—извѣстно—онъ людей жалѣетъ. Нонѣвать значитъ будетъ, вотъ что.... добавилъ деньщикъ, бросая въ самоваръ зажженную лучину, и и принимаясь дуть въ него изъ всей мочи.

Танька между тѣмъ стрѣлой пустилась обратно въ комнаты,

и примкнула къ полуотворенной двери спальни, гдѣ всѣ собрались.

Отецъ сидѣлъ въ креслѣ; у него на колѣняхъ Лія играла кистями его эполетъ; маленькій братъ сидѣлъ возлѣ верхомъ на ручкѣ кресла: Маруся косо поглядывала на рисовавшагося Саничку, который видимо старался обратить на себя вниманіе отца. Дѣдушка, покуривая трубочку, подмигивалъ Марусѣ.

— Что ты такъ косишься на Саничку, Маруся? спросилъ отецъ — обижаетъ...

Маруся встрепенулась и съ одушевленіемъ разсказала казнь куклы.

— Что это ты;—въ палачи готовишься, такъ домой практикой пріѣхалъ заниматься? спросилъ отецъ, обращаясь къ Саничкѣ.

— Нѣтъ!—я только хотѣлъ дать ей понять, что такъ какъ я готовлюсь быть офицеромъ, такъ меня нельзя бранить, какъ какого нибудь мальчишку; проговорилъ Саничка, тономъ собственнаго достоинства.

— Что это какъ время то перемѣнчиво — сказалъ отецъ, въ мое время все твердили, что для убѣжденія другихъ, нужно учиться краснорѣчію; а тебя то вонъ учатъ убѣждать не словами, а ножами да палками; а вѣдь этакъ и при царѣ Горохѣ не всегда убѣждали; а въ наше то время развѣ въ пѣхотномъ полку, да на огненной землѣ встрѣтишь такую моду.

— Какая же это земля?—спросила Гурли, показываясь изъза дивана.

— Тамъ все огонь, огонь заговорила Лія,—взявши обѣими ручками лицо отца, и, поворачивая къ себѣ.

— Нѣтъ—въ огнѣ не могутъ жить люди, а эту землю назвали такъ....

— А далеко она, спросилъ маленькій братъ.

— Да такъ далеко, сказалъ отецъ, что вотъ мы съ тобой и моряки, а туда плавать не будемъ.

— Это тамъ живутъ людоѣды?—спросила наивно тетинька Саша.

— Что Саничка,—ты учишь всякую премудрость—скажи не знаешь ли на огненной землѣ живутъ людоѣды? обратился отецъ къ Саничкѣ.

— Я нигдѣ не читалъ о такомъ народѣ, сказалъ Саничка важно.

— Ну, а какъ ты полагаешь—живутъ они на огненной-то землѣ?

— Предполагать ничего не должно, а нужно доискиваться истины, сказалъ Саничка педагогическимъ тономъ.

— Те, те, те! какой книжной мудрости тебя научили; а мы такъ все привыкли сами разбирать,—вѣроятно, такъ и вѣримъ,—а невѣроятно такъ и вѣрить не будемъ. Я такъ вотъ думаю, что людоѣды въ головахъ живутъ».

— Значитъ ихъ нѣтъ, сказала Гурли, прячась за диванъ.

— Ну,—какъ думаешъ,—рѣшила Гурли вопросъ о людоѣдахъ? прибавилъ отецъ, глядя на Саничку.

— Такая дѣвченка ни чего не смыслитъ,—сказалъ Саничка сердито.

— Дѣвченка то она, дѣвченка, отозвался дѣдушка, выбивая трубку, а догадывается иногда такъ, что намъ съ тобою Саничка фю, фю, фю... Дѣдушка по свисталъ въ кулакъ.

Въ это время вѣтеръ сильнымъ порывомъ оторвалъ ставень. Отецъ тревожно поглядѣлъ въ окно, и задумался.

— Что ты вспомнилъ? спросила мама.

— Да гичку отправилъ противъ теченія...

— Она пристала къ борту папа,—сказала Гурли.

— А ты отчего знаешь? говорили всѣ.

— Видѣла, отвѣчала Гурли, спокойно.

— Вѣрно во снѣ, сказала тетинька Саша иронически.

— Отецъ всталъ, подошелъ къ дивану. Гурли подняла голову и поглядѣла на него, ясными, спокойными глазами. Отецъ, закинувъ руки назадъ, сталъ ходить по комнатѣ, пощелкивая пальцами...

— Надо Гурли теплую кофточку надѣвать»—сказалъ вдругъ отецъ, останавливаясь передъ мамой.

— «Да ея и такъ цѣлый день не загонишъ»—проговорила мама.

— Это чтобъ она ночевать тамъ осталась.—прибавила тетинька Саша со смѣхомъ.

— Гурли пожалуй можетъ на дворѣ уснуть,—а вы такъ этого не докажите. Вамъ пуховую перинку надо, да подушечекъ пол-

дюжины,—говорилъ отецъ, потирая руки и глядя на тетеньку Сашу.

Та потупилась и замолчала, только глаза ея сердито глянули въ уголокъ за диванъ, гдѣ. прислонившись головкой къ стѣнкѣ, покойно сидѣла Гурли на ящичькѣ; не замѣчая собиравшейся надъ нею грозы.

Съ возвращеніемъ отца воротилось спокойствіе и радость въ домъ. Весело вставали дѣти и бѣжали въ столовую пить чай, шумно усаживясь вокругъ стола. Весело выходила мама изъ спальни, надѣвала свою полосатую шубку на сѣромъ мѣху, подпоясывая ее желтымъ шелковымъ кушакомъ, шла хлопотать по хозяйству. Но радость не долговѣчна ни гдѣ, и горе незамѣтной тропой крадется въ домъ. Въ одно утро узнали, что Саничка произведенъ въ офицеры. Въ уваженіе такой заслуги, Саничка явился къ чаю въ халатѣ. Отецъ осмѣялъ его, и Саничка сконфуженный убрался. Скоро онъ явился въ офицерскомъ мундирѣ съ саблей. Всѣ обступили его, но онъ сторонился отъ всѣхъ, увѣряя что его могутъ запачкать. Мама имъ любовалась. Отецъ довольный—улыбался, пощолкивая пальцами глядѣлъ какъ Саничка учился передъ зеркаломъ выдѣлывать пріемы саблей и отдавать ею честь. «Учусь владѣть саблей?» — отвѣчалъ онъ важно послѣ обѣда, когда отецъ, дѣдушка и мама легли отдыхать, а всѣ занялись дѣломъ, Саничка забрался въ гостинную и сталъ изучать разныя позы: то складывалъ онъ руки на груди по наполеоновски, то вдругъ поднималъ плечи вверхъ такъ, что эполеты торчали какъ крылушки и гордо проходилъ мимо зеркала, то надуваясь шолъ прямо къ зеркалу; то вдругъ пріятно улыбался и граціозно раскланивался. Углубленный въ свои занятія, видимо любуясь собой, онъ не замѣчалъ, какъ Гурли, поднявшись изъ-за своего уголка, глядитъ на него во всѣ глаза.

— Что это Саничка ты долженъ непремѣнно такъ гримасничать и ломаться передъ начальниками, развѣ передъ ними просто ходить нельзя? спросила она съ удивленіемъ.

— Ты глупая дѣвченка и ничего не смыслишъ—сказалъ сердито Саничка—я позировки учусь.

И онъ ушолъ, а Гурли долго думала для чего это Саничка позировкѣ учится.

Вечеромъ пришли гости поздравить Саничку съ производствомъ. Тетенька Саша любезно улыбалась всѣмъ. Саничкѣ отецъ не мѣшалъ пускаться въ самыя отвлеченныя разсужденія. Мама гостей угощала; Лія прыгала и смѣялась, Аня пѣла и играла. Дѣдушка похаживалъ въ новомъ халатѣ съ новымъ кисетомъ за поясомъ, съ трубочкой въ рукахъ и, улыбаясь всѣмъ, весело предлагалъ «не хотите ли покурить? настоящій турецкій, это мнѣ изъ Константинополя зять самъ привезъ;—не куритъ,— а хорошаго привезъ»! и дѣдушка подмигивалъ на отца. «А кисетикъ то хорошъ небось?—это внучка вышила» хвасталъ онъ потомъ и, пожимая плечами, прибавилъ. «А халатикъ скажу вамъ у меня хорошъ; тепленькій, легенькій такой; это мнѣ дочка Маша шила», и дѣдушка сладко улыбнулся мамѣ. Все это видѣла, все это слышала, все замѣчала Гурли изъ своего уголка, ни кѣмъ не замѣченная, и картины мирнаго семейнаго счастья глубоко западали въ ея памяти. Начали подавать закуску, дѣдушка, не ожиданно наткнувшись на лакея, влетѣвшаго съ подносомъ въ дверь, хотѣлъ дать ему дорогу, зацѣпился за стулъ любезничавшаго съ тетенькой Сашей гостя, и ушибъ крѣпко ногу, вышелъ въ столовую, снялъ туфлю, потеръ, потеръ пальцы, опять вошелъ въ залу, но уже не улыбался привѣтливо всѣмъ, все морщился и косо поглядывалъ на гостя, любезничавшаго съ тетенькой Сашей, который уплеталъ облизываясь кусокъ селедки, и, увѣрялъ, что нѣтъ выше наслажденія, какъ бесѣдовать о любви съ прекрасной женщиной? Тетенька Саша улыбалась....

V.

На другой день дѣдушка сталъ прихрамывать. Скоро Саничку куда-то назначили и онъ уѣхалъ, а дѣдушка заболѣлъ, велѣлъ сдѣлать себѣ ванну, и совсѣмъ слегъ въ постель. Позвали доктора, онъ, осмотрѣвъ больную ногу дѣдушки, откровенно объявилъ, что помочь нельзя, что его позвали поздно, что отъ ушиба потревоженъ ноготь, и сдѣлалось воспаленіе, развившееся въ антоновъ огонь,—прекратить иначе нельзя какъ отрѣзать ногу, но что старикъ не выдержитъ операціи.

— Да старикъ думалъ все, что это пустое и не говорилъ

намъ? Облегчите же хотя страданія, попросилъ отецъ доктора, не много помолчавши.

Сталъ ѣздить докторъ. Мама ходила печальная. Дѣдушка болѣлъ сильнѣй и сильнѣй. Дѣтямъ запретили бѣгать и шумѣть. Тетинька Саша громко вздыхала. Отецъ персталъ шутить. Прислуга таинственно перешептывалась; только Лія одна всѣмъ улыбалась. Все хуже и хуже становилось дѣдушкѣ; все печальнѣй и печальнѣй становились всѣ въ домѣ. Разъ Гурли удалось прокрасться въ комнату дѣдушки; больной старикъ лежалъ на постели, закрывши глаза и стоналъ: «жжетъ меня, жжетъ, воды!» Мама, сидѣвшая у изголовья кровати, брала стаканъ со стола и подносила къ губамъ больнаго, но онъ немогъ пить и отворачивался. Мама ставила стаканъ на мѣсто, и слезы катились изъ ея глазъ, но наконецъ она не могла дольше удерживать рыданій и вышла. Больной снова застоналъ—«дайте воды!» Гурли вышла изъ-за кровати, гдѣ она пряталась, и схватила стаканъ, но побоявшись облить дѣдушку, она въ раздумьи остановилась, потомъ быстро сорвала съ шеи свою бѣлую перелинку и, омочивши конецъ въ стаканѣ, приложила къ горѣвшимъ губамъ старика; тотъ поспѣшно зашевелилъ губами; Гурли снова помочила конецъ и приложила къ губамъ, дѣдушка снова зашевелилъ губами; Гурли все больше и больше мочила конецъ: все дальше шевелилъ губами дѣдушка, втягивая влагу изъ конца перелинки. Казалось, это освѣжило его; онъ открылъ глаза, долго глядѣлъ на дѣвочку, потомъ ласково прошептавъ «Гурли», снова зашевелилъ губами. Гурли поспѣшно намочила перелинку и приложила къ губамъ старика, теперь уже она была увѣрена, что дѣлаетъ хорошо; поднесши стаканъ почти къ самымъ губамъ старика и набравши въ конецъ воды, быстро переносила къ полуотворенному рту, и ловко прижимала его двумя пальчиками къ губамъ такъ, что всякій разъ попадалъ въ ротъ старика маленькій глотокъ воды. Стукнула дверь столовой; Гурли, поспѣшно поставивъ стаканъ, спряталась за кроват. Вошла тетинька Саша; печально подошла къ кровати и опустилась на колѣни. Прошло нѣсколько минутъ; старикъ снова зашепталъ. «Жжетъ меня, дайте воды!» Тетенька Саша схватила стаканъ и стала поить, но вода лилась на грудь, не попадая въ ротъ. Она хотѣла приподнять голову, старикъ застоналъ и отвернулся.

— Намочите кончикъ чего нибудь и приложите къ губамъ, прошептала Гурли, выглядывая изъ своего убѣжища.

— Ты здѣсь зачѣмъ? съ ужасомъ произнесла тетинька Саша, не слушая ея, схватила за руку и вытолкала за дверь.

Гурли не противилась боясь надѣлать шуму.

— Воды Гурли, воды!... простоналъ старикъ, шевеля губами.

— Тетенька Саша снова поднесла стаканъ, и также не удачно. Наконецъ она вышла и всѣмъ съ ужасомъ стала разсказывать, какъ Гурли забралась въ комнату больнаго, и вѣроятно, что нибудь нашалила; потому что больной въ безпамятствѣ все поминаетъ Гурли и воду.

Преступницу позвали къ отцу.

— Что ты дѣлала у дѣдушки? спросилъ онъ Гурли.

Та разсказала и вдругъ одушевляясь прибавила:

— Скажи мамѣ, чтобы такъ дѣлала, вотъ увидитъ что хорошо!

Отецъ передалъ мамѣ — жаловавшейся со слезами, что нельзя напоить старика—совѣтъ Гурли, и посовѣтовалъ попробовать... Не скоро удалось Гурли пробраться снова въ комнату дѣдушки. Въ безпамятствѣ метался по постели умирающій старикъ; то стонъ, то крикъ вырывался у него изъ груди. Антоновъ огонь охватилъ внутренности старика и доходилъ до сердца. Охая и ломая руки стояла у изголовья тетинька Саша. На колѣнахъ, рыдая припала головой къ подушкѣ умирающаго мама. Ярко пылала восковая свѣча у изголовья умирающаго. Тихо и внятно читалъ священникъ молитвы отходной. Поразила Гурли эта невиданная картина печали, и запала она ей въ душу. Сложивши руки крестомъ и прижавшись въ уголъ не смѣла она пошевелиться. Умирающій вдругъ вскрикнулъ, вытянулся и остался безъ движенія. Священникъ дочиталъ молитву и закрылъ книгу. «Скончался», сказалъ онъ тихо. Мама застонала и лишилась чувствъ. Тетенька Саша залилась слезами. Маму унесли въ спальню; тетеньку Сашу вывели:

— Идите—сказала Варвара Гурли.

— За чѣмъ? спросила та.

— Будемъ обмывать и одѣвать дѣдушку; вамъ нельзя тутъ оставаться; видите,—и большіе всѣ ушли.

Гурли подошла къ кровати посмотрѣла на неподвижное

лицо дѣда; сердце у ней сжалось; «больше не стонетъ — умеръ»! прошептала она и побѣжала спрятаться въ самый далекій уголокъ дома. Долго представлялся ей дѣдушка, пока она не уснула въ своемъ уголкѣ. Когда она вышла изъ уголка, новая невиданная картина поразила ее. На большомъ столѣ, покрытомъ до полу бѣлыми простынями, лежалъ дѣдушка въ гробу, одѣтый въ мундиръ; ноги покрыты были золотой парчей; на груди лежалъ крестъ, у изголовья пылали три восковыя свѣчи. Всѣ, одѣтыя въ черное, плакали вокругъ гроба; священникъ уныло читалъ молитвы. Въ этотъ день не накрывали, какъ обычно, стола къ обѣду: всякой ѣлъ что попало и гдѣ попало. Лію и маленькаго брата увели гулять. Въ домѣ суетилась ключница, Анна Митревна, такъ называла она себя. На другой день дѣдушку съ пѣніемъ отнесли. Печальные всѣ воротились съ похоронъ, и долго никто въ домѣ не принимался за обычное дѣло; всѣмъ распоряжалась и управляла Анна Митревна. Цѣлый день звенѣла она ключами; цѣлый день шныряла изъ комнаты въ кладовую, изъ кладовой въ кухню, оттуда въ амбаръ, потомъ въ комнату, изъ комнаты снова въ кладовую, и все что-то бурчала, все, кого-то проклинала.

VI.

Гурли часто уходила въ комнату дѣда, оттуда было все вынесено; только въ углу на полу лежала кожа; на которой обмывали покойника, да предъ образомъ Спасителя, въ серебряной ризѣ, ярко теплилась лампада. На этотъ-то образъ заглядывалась Гурли, и, казалось ей, при мерцаніи лампады, что Спаситель глядитъ на нее, что шевелится поднятая его рука. Разъ Анна Митревна заперла дверь снаружи на крючекъ, скоро все стихло въ домѣ. Гурли ждетъ; никто нейдетъ отпирать дверь, и, кажется ей, что Спаситель на стѣнѣ ростетъ; Гурли страшно, она закрываетъ глаза и слышется ей, будто дѣдушка стонетъ; Гурли вздрагиваетъ, бѣжитъ къ дверямъ и зоветъ; на голосъ ея откликнулась Лія, давно ждавшая у двери. Лія подбѣжала къ двери, но не могла достать крючка, чтобъ отворить.

— Обойди кругомъ, сказала Гурли; отвори ставень; я выпрыгну въ окно.

— Я боюсь—тамъ темно; отвѣчала Лія.

— Ничего, бѣги скорѣй; тамъ нѣтъ никого, я буду тебѣ пѣть, Гурли громко запѣла...

Лія побѣжала быстро, отдернула ставень и въ окнѣ показалось ея испуганное личико; увидивши Гурли, она засмѣялась... Гурли поспѣшила выпрыгнуть къ ней, и обѣ дѣвочки, обнявшись, побѣжали въ комнату. Проходя мимо Анны Митревны, Лія все закрывала Гурли своимъ платьицемъ, не сообразивши, что Гурли гораздо выше ея. Анна Митревна не любила Гурли за то,—говорила она;—что Гурли прислугѣ даетъ, да покрываетъ ихъ, и Анна Митревна была права: разбилъ ли кто тарелку, выворачивалъ ли молоко, виноватая бѣжала къ Гурли и бросаясь на колѣни, просила—«покройте барышня, покройте голубушка; сама не знаю какъ случилось!...» Гурли никому не отказывала. Когда Анна Митревна съ бранью и крикомъ начинала розыски, всѣ отпирались и сваливали на Гурли.

— Это ты сдѣлала? спрашивали ее. Я, отвѣчала Гурли, щеки ея горѣли, глаза блистали. «Не правда ваша, сударыня!» говорила Анна Митревна, задыхаясь; «стыдносъ вамъ мерзавокъ покрывать—вонъ и покраснѣли вы».—«Это я»; повторяла твердо Гурли; ее ставили въ уголъ въ наказаніе. Гурли молча покорялась. Скоро Анна Митревна возненавидѣла ее, и сговорилась съ тетенькой Сашей отучить ее такъ наглс обманывать всѣхъ. Каждый вечеръ Анна Митревна громко молилась Богу въ столовой. Одинъ разъ Гурли послѣ ужина сѣла за книгу повторить урокъ. Анна Митревна, торжественно положивши три поклона въ землю, стала на колѣни и громко заговорила: «Отче нашъ, иже еси на небеси»... въ это время ея любимая кошка прыгнула со стула, гдѣ она ее уложила: кись, кись, кись! позвала Анна Митревна кошку и потомъ продолжала «да святится имя твое».... Гурли бросила читать и съ удивленіемъ стала смотрѣть на Анну Митревну; глаза у ней не глядѣли на образъ; она злобно провожала каждаго, проходившаго по комнатѣ. Чрезъ минуту Анна Митревна съ уныніемъ произносила—«не судите да не судимы будете». Дѣвочка встала и подошла къ столу, гдѣ лежали куски хлѣба, которые Анна Митревна собирала. «Нетрогай хлѣба, подлая!» сказала она и потомъ продолжала. «Господи! милостивъ буди намъ грѣшнымъ»...

— Анна Митревна, спросила Гурли—за чѣмъ вы читаете молитвы, когда вамъ не хочется молиться?

— А какъ это по вашему надо молиться? сказала злобно Анна Митревна, у васъ прикажите поучиться?

— Я не знаю какъ я молюсь, —самой себя видѣть нельзя— отвѣчала Гурли, но я видѣла какъ мама молится. Молитвы не слышно, когда она читаетъ, а видно, что она молится; а папа со всѣмъ молитвъ не читаетъ, не крестится, на образъ не глядитъ, на колѣни не становится и по глазамъ только можно узнать, когда онъ молится»...

— Каждый молится, какъ умѣетъ, а вамъ, сударыня, стыдно мѣшать мнѣ молиться. Идите спать—я маменькѣ вашей пожалуюсь.

— Гурли, крикнула Лія изъ дѣтской.—Иди сюда, не спится мнѣ.

Гурли закрыла книгу и побѣжала. Анна Митревна зѣвнула и пошла спать.

На другой день Анна Митревна пошла жаловаться на Гурли мамѣ,—отца не было дома. «Помилуйте, матушка, говорила она слезливымъ тономъ, вытирая сухіе глаза мокрымъ платкомъ, день деньской бьюсь какъ рыба объ ледъ, все за вашимъ же добромъ смотрю, всѣ меня не навидятъ, за то, что красть не даю; всѣ ругаютъ, какъ на звѣря смотрятъ! Въ горницу приду, ваши дѣти смѣются надо мной; Господу Богу помолиться не дадутъ, что за несчастная я такая уродилась! Лучше разсчитать меня, чѣмъ смущаться позволять; измаялась я у васъ со всѣмъ!» Анна Митревна хныкала и покачала огромной головой, такъ что ея толстый подбородокъ совался по жирной шеѣ, а оборки каленкороваго чепца тряслись; своими жирными, сальными пальцами она перебирала, то мокрый платокъ, то край грязнаго передника, поворозокъ котораго, въ два съ половиною аршина длины едва хваталъ завязать сзади; грудь ея висѣла чрезъ поясъ и лежала на широкомъ животѣ, который качался когда она шла скоро, переваливаясь съ одной громадной ноги на другую. Она до того была жирна, что даже жиръ отдувался на лбу, нависши надъ бровями.

— Да кто же васъ обидѣлъ? спросила мама съ удивленіемъ.

— Гурли, матушка, Гурли! вчера это вечеромъ обругали меня на кухнѣ;—извѣстное дѣло,—красть не даю вашего добра, крала бы съ ними, якшалась—мила бы была, а то и ругаютъ

чуть не въ глаза, а я думаю, чортъ васъ бери,—ругайте; будутъ тѣ, что поблагодарятъ и сироту круглую не обидятъ; а тутъ то пришла въ комнаты, плакала, плакала, стала въ утѣшеніе Господу Богу молиться, а она тутъ матушка, Гурли-то и напала на меня: «вы говоритъ, не молитесь, а такъ только.... я ей и то и се; а она все свое, да свое, осмѣяла меня, Господу Богу помолиться не дала». Анна Митревна снова захныкала; оборки затряслись; подбородокъ заходилъ по шеѣ. Единственнное утѣшеніе горькой сиротѣ—прибѣжище къ Богу; а меня и того лишаютъ горемычную» Причитывала она, заступитесь, матушка!»

— Да что же мнѣ съ ней дѣлать? спрашивала мама.

— Накажите матушка....

— Да я ее и то каждый день наказываю;—сами знаете! отговарилась мама.

— Да какое это наказаніе, матушка; она привыкла къ нему....

— Какъ же ее наказывать? спросила мама.

— Высѣките ее хотя разочекъ, матушка, своею материнскою рукой....

— Да какъ же я буду сѣчь? говорила мама не рѣшительно....

— Чтожъ тутъ такого матушка? уговаривала Анна Митревна, всѣхъ дѣтей сѣкутъ; вѣдь онѣ не разумныя, ихъ учить надобно; послушайте, матушка—онѣ въ Бога не вѣруютъ, надъ молитвой издѣваются, надъ господней! какое же къ вамъ то она уваженіе будетъ имѣть?

— Да конечно высѣчь ее, вмѣшалась тетинька Саша; она такая дерзкая ни кому уваженія не оказываетъ. ..

— Вѣдь она и васъ матушка, въ грошъ не ставитъ, съ дворней якшается, всѣхъ покрываетъ; это она съ наущенія все дѣлаетъ: извѣстно ребенокъ глупъ; ее надо поучить, чтобы она васъ боялась, какъ мать чтила бы васъ.

Мама рѣшилась. Анна Митревна съ восторгомъ затопала по комнатамъ за розгой. Гурли позвали къ мамѣ.

— За чѣмъ ты помѣшала Аннѣ Митревнѣ Богу молиться! спросила ее мама.

— Я ей не мѣшала, отвѣчала Гурли.

— Кто это тебя учитъ обманывать? Кто тебя научилъ смѣ-

яться надъ Анной Митревной? скажи, я не буду наказывать, допытывалась мама.

— Меня никто не училъ мама; я никого не обманывала, отвѣчала Гурли спокойно.

—- Да какъ же, ты вотъ меня обманываешь, отпираешся, а вчера вечеромъ помѣшала Аннѣ Митревнѣ молиться?

— Вчера вечеромъ она не молилась, мама, говорила Гурли съ убѣжденіемъ, она только молитвы читала;

— Да какъ же, вѣдь ты сама же говоришъ, что молитвы читала, какъ же не молилась?

— Не молилась! она только молитвы читала, мама; заговорила Гурли, дѣлая странный жестъ и хватая обѣими ручьками свою голову; не молилась, шептала она, видимо, не находя словъ объяснить свою мысль, она молитвы только читала.

— Ахъ какая упорная дѣвчонка,—проговорила тетенька Саша съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Въ это время Анна Митревна сунула въ руку мамы длинный толстый прутъ съ колючками и проговорила: «Да поучите, матушка! чтожъ она васъ дурить вздумала; вѣдь и со стороны смотрѣть странно».

Мама подошла къ Гурли. Та смотрѣла ей прямо въ глаза; щеки ея горѣли; глаза блестѣли: руки были сложены крестомъ на груди. У матери пе подымалась рука, нехватало духу ударить дѣвочку. Тогда Анна Митревна, какъ дикій кабанъ на свою жертву, бросилась на Гурли, и, стиснувъ въ широкихъ ладоняхъ ея тонкія руки, поворотила дѣвочку спиной къ матери. Подъ ея мощными руками согнулась, какъ тонкая тросточка, Гурли; перелинка растегнулась и упала, взглянувши на озлобленную физіономію Анны Митревны, торчавшую передъ ней, Гурли плюнула на нее съ отвращеніемъ.... «Что жъ она матушка плюется? что вы ей потачку даете»? завопила Анна Митревна, корча слезливую мину.

— Ахъ, какая дерзкая! проговорила тетинька Саша—вмѣсто того, чтобъ просить прощенія,—она плюется. Да накажи ее!

Мама подняла прутъ; онъ взвизгнулъ и упалъ во всю длину нѣжнаго тѣла Гурли. «Папа»! простонала дѣвочка. Конецъ прута упалъ на бѣлое, какъ мраморъ плечо Гурли; кожа подъ ударомъ покраснѣла и вздулась кровавымъ рубцомъ. При видѣ этого рубца, сердце матери сжалось...

— Да бейте, матушка, бейте! уговаривала Анна Митревна; все сильнѣе стискивая руки Гурли.

Въ это время въ комнату вбѣжала Лія; бросилась къ Гурли, закрыла ее своимъ тѣломъ и обвилась ручками вокругъ ея шеи. Напрасно Анна Митревна старалась оттолкнуть дѣвочку: та, рыдая махала ручками, била ее по лицу, по головѣ, трепала ей волосы, рвала оборки чепца и отчаянно кричала.—«Папа!—Папа!»

Этотъ то отчаянный крикъ услышалъ отецъ, всходя по ступенямъ крыльца и, не снимая шинели, шапки, бросился въ спальню.... Увидя его, Анна Митревна выпустила руки Гурли и улизнула за дверь. Два синихъ пятна съ пятью пальцами остались на бѣлыхъ какъ снѣгъ рукахъ Гурли; Лія всхлипывая, цѣловала кровавый рубецъ на ея плечѣ; Гурли стояла опустивши голову....

— Что ты это дѣлала тутъ Маша? спросилъ пораженный отецъ.

— Хотѣла Гурли высѣчь,—отвѣчала мама смѣшавшись.

— Высѣчь!?... проговорилъ отецъ тономъ, отъ котораго мама покраснѣла; а тетенька Саша убралась за дверь. «Можно ли давать свое дитя на истязаніе каждой гнусной бабѣ,» продолжалъ отецъ, показывая синія пятна на рукахъ Гурли. «Идите дѣти играть; пока я живъ васъ никогда ужъ больше не будутъ сѣчь».

Гурли медленно пошла къ двери: ни одна жалоба не сорвалась съ ея устъ, ни одна слеза не скатилась съ глазъ; только проходя мимо отца, она подняла рѣсницы и, казалось; цѣлая бездна страданій вылилась въ этомъ взглядѣ; и долго потомъ чудился отцу этотъ взглядъ.

— Маша,—сказалъ отецъ, когда дѣвочки вышли, я не хочу слышать, какъ кричатъ мои дѣти подъ розгами; я не хочу видѣть на ихъ тѣлѣ синихъ пятенъ и рубцовъ! Бей кого хочешь. Бей меня, если хочешь—прибавилъ онъ кротко, цалуя руку; въ которой мать еще держала розгу. У меня станетъ разсудка, продолжалъ онъ, чтобы вынести жестокое не заслуженное наказаніе и не ожесточиться. Розга испортила Саничку. Она не учитъ, не исправляетъ ни кого, кромѣ дураковъ и черствыхъ натуръ; она забиваетъ мозгъ; отъ нея грубѣютъ чув-

ства. Потомъ подробно разспросивъ, за что наказывали Гурли, онъ подошелъ къ дверямъ и сказалъ громко: «сказать тамъ Аннѣ Митревнѣ, чтобы она не смѣла здѣсь Богу молиться; когда ей мои дѣти мѣшаютъ—пусть идетъ на кухню молиться». Потомъ онъ позвалъ Гурли.... «За чѣмъ ты принимаешь на себя вину каждаго? сказалъ онъ ей, прижимая къ себѣ и глядя ей въ глаза, вѣдь такъ они привыкнутъ все бить и ломать безнаказанно. Я долженъ деньги платить, а я вѣдь деньги зарабатываю, мнѣ негдѣ взять»?

Гурли сдѣлала странный жестъ: губы ея дрогнули, изъ глазъ хлынули слезы. «Когда я не могу, папа, отказать, когда плачутъ и просятъ; когда я знаю, что ихъ будутъ бить», проговорила она задыхаясь и глотая слезы.

Отецъ поспѣшно выпустилъ ее изъ рукъ и всталъ: онъ самъ боялся заплакать. «Тебя ужъ больше не будутъ просить», поспѣшилъ онъ сказать, не глядя на нее и роясь на столѣ.

Гурли тихо, медленно стала удаляться. На порогѣ она остановилась. «Ихъ будутъ бить!» шептала она, потомъ вдругъ сдѣлала странный жестъ и скрылась за дверью. «Негдѣ денегъ взять», шептала она, сидя въ темномъ углу! Гдѣ это деньги берутъ?... какъ ихъ зарабатываютъ?» ломала она себѣ голову, пока Лія, скоро забывшая и слезы и горѣ, не прибѣжала къ ней съ куклами, которыхъ она не умѣла одѣвать и заманила ее играть. Въ играхъ Лія всегда была барыней, куклы—дѣти, а Гурли—служанкой. Она одѣвала дѣтей, стряпала кушанья барынѣ изъ изюму и миндаля и провожала барыню на базаръ, то есть къ маминому столу, гдѣ всегда покупался изюмъ и миндаль за поцалуй барынѣ.

На другой день отецъ всѣмъ объявилъ, что съ этого дня Гурли ни бить, ни красть, ни ломать, ни выварачивать ничего не будетъ; что каждый будетъ отвѣчать за то, что ему поручено; и потому, чтобы каждый глядѣлъ за своимъ дѣломъ въ оба; чтобы его дѣла ни Гурли, ни кто другой не испортилъ.

Всѣ повѣсили носы, а Анна Митревна, пріунывшая было, радостно зазвенѣла ключами. «Вотъ вамъ, говорила Ганка, когда всѣ собирались въ людскую обѣдать, говорила я, что такъ до добра не дойдетъ: всякій свое дѣло бросилъ. Разобьется, помолится, чертъ его бери, есть кому покрывать. Вотъ теперь и

будетъ живьемъ ѣсть эта злая ключница; а ктоже бросалъ больше всѣхъ свое дѣло, какъ не Марья»...

— Чего ты на меня чипляешься? крикнула Марья, сатана!

— Сатана ты сама, завопила Настастья. Кто судокъ-то разбилъ, какъ съ Иваномъ играла?—а Гурли виновата; кто молоко выворотилъ, какъ офицеры пріѣхали? Какъ скаженная кинулась ни встрѣчу.

— А кто сметану съ горшковъ поснималъ, какъ кумъ твой пришелъ?... Не бойсь, на Гурли окашилось. Кричала Марья разжевывая черствый хлѣбъ.

— Да полно вамъ, уговаривалъ деньщикъ, пока до ключницы, вы глаза одна другой выцарапаете.

— Да чортъ ихъ бери, пусть бы царапали, говорила Ганка, только бы и бѣды; а то вотъ какъ эта злая-то услышитъ. Вѣдь она все на подслухахъ ходитъ.

Всѣ невольно оглянулись на дверь, пріутихли и стали шопотомъ разсказывать, кто что видѣлъ, и кто что подслушалъ въ комнатахъ.

— Что такъ долго жрете»! крикнула Анна Митревна, входя въ кухню.

— Что это, и по ѣсть нельзя? обозвалась Марья.

— Развѣ мы собаки, чтобъ горячее глотать, заговорилъ деньщикъ....

— Три часа какъ обѣдать пошли, все горячее у васъ!... лишь бы отъ господской работы улизнуть, да тары бары здѣсь справлять, скоты; просто скоты! кричала Анна Митревна, уходя изъ кухни.

— Экое золото попалось, говоритъ деньщикъ, провожая ее глазами и принимаясь хлѣбать уже совсѣмъ остывшее.

Опасенія Ганны сбылись. Анна Митревна начала до всего докапываться.... Твердая преграда, которую представляла ей воля дѣвочки изчезла. Протесты Гурли не принимались, ее уже больше не винили ни въ чемъ, не наказывали. Но лицо дѣвочки не прояснилось. Угрюмо слѣдила она за Анной Митревной, злобѣ которой открылось широкое поле. Цѣлый день ругаясь и толкая то того, то другаго въ шею, шныряла она по двору, гремя связкой своихъ ключей, какъ кандалами. За всѣми она подглядывала, подслушивала; всякому старалась напортить.

Если ей удавалось кого нибудь поймать въ самой простенькой винѣ, она радостно тащила его въ комнаты на судъ мамы и уговарила ее велѣть наказать. Все что она подслушивала, и подглядывала, она перевирала и въ яркихъ краскахъ передавала тетенькѣ Сашѣ. Напрасно Гурли старалась открыть истину, которую она знала, потому что ей все пересказывали на кухнѣ и и передъ ней никто не скрывался: Гурли не слушали. «Это вамъ на кухнѣ разсказали»; иронически говорила ей тетенька Саша, и Анна Митревна оставалась во всемъ права.

— Да, да, матушка,—разсказывала она одинъ разъ: воры они, мошенники, такъ и наровятъ, какъ бы имъ что оттянуть Я имъ матушка, какъ молода была, сама вѣрила, а то вотъ, какъ узнала я это подлое хамское отродье, такъ вотъ такъ бы я ихъ всѣхъ и передушила. Вѣдь они меня всего лишили, матушка. Вѣдь я хозяйкою жила. Мужъ-то мой коммисаромъ былъ; домъ-то былъ какъ полная чаша; мужа я въ рукахъ держала—не то что вы, матушка. Все онъ для меня дѣлалъ. А то, вотъ, какъ сдѣлался этотъ бунтъ проклятый, вспомнить не могу; ужасти какіе были; это ночью, слышимъ мы съ покойникомъ, на улицѣ шумъ такой! пьяные-то кричатъ: «Къ чорту и этого, подавай его сюда,—онъ нашъ провіантъ грабилъ, собака!» Да какъ заторохтятъ въ ворота; мой покойникъ, такъ и обмеръ, какъ сидѣлъ на кроватѣ, а я за шкафъ спряталась—смотрю, а одинъ то такъ раму и высадилъ,—только стекла зазвенѣли,—да какъ кинется на покойника. Я и свѣта не взвидѣла, да бѣжать; а на дворѣ крикъ такой, «Бери говоритъ, что награбилъ, все наше!» А я, матушка, съ перепуга-то въ яму въ отхожемъ спряталась, да тѣмъ и жизнь спасла. Все, матушка, разграбили: чего съ собой не взяли,—поломали. Такъ какъ есть въ одной рубашкѣ осталась. Такъ и въ богодѣльню пошла, говорила Анна Митревна, заливаясь, на этотъ разъ, не притворными слезами. Покойника то моего изкалеченнаго, избитаго нашла; такъ и бросила, не похоронила: не чѣмъ было; съ тѣхъ поръ 20 лѣтъ по чужимъ дворамъ жляву.

— Ктожъ вашего мужа схоронилъ? спросила мама.

— На городскія суммы всѣхъ хоронили, матушка. Вѣдь ихъ тогда много было убитыхъ и разныхъ офицеровъ по убивали. Такъ это по улицамъ и побросали убитыхъ, хамы-то

эти подлые. Вы думаете, матушка, они васъ бы пожалѣли, если бы Сибири-то не боялись? Вѣдь ихъ, тогда матушка сотнями въ Сибирь погнали, да разстрѣливали зачинщиковъ Да, не вѣрьте имъ, матушка! Это враги наши... Въ глаза-то они такъ и виляютъ хвостомъ, а въ кухнѣ послушайте, что говорятъ,— съѣсть готовы, собаки поганыя.» И Анна Митревна стала разсказывать, что слышала на кухнѣ...» Слышала и Гурли ея разсказъ изъ другой комнаты. И страшной картиной представилась ей и эта ночь, и эта шумная толпа, и изувеченныя, окровавленныя тѣла убитыхъ

VII.

Скоро, къ несчастію всѣхъ, отца куда-то откомандировали; тогда злоба Анны Митревны вышла изъ границъ. Она уговорила маму позволить сѣчь виноватыхъ. Повалились подъ руками деньщиковъ вѣтки акаціи, сирени, бузины роскошно росшихъ вокругъ забора. Каждый день находила Анна Митревна кого высѣчь! Каждый день въ пустой банѣ раздавались крики и удары! Каждый вечеръ несчастный приходилъ къ Гурли плакать и просить, чтобъ она барину написала. Но Гурли не знала какъ и куда письмо послать—а злоба Анны Митревны разгоралась.

Прислуга, чтобъ избавиться отъ наказаній, стала лгать одинъ на другаго, красть одинъ у другаго. На господъ начали глядѣть, какъ на палачей... Всякій отпирался отъ сдѣланной вины. Иногда нельзя было открыть виноватаго, и тогда сѣкли всѣхъ поголовно. Наконецъ деньщики, выведенные изъ терпѣнія, отказались исполнять приказы Анны Митревны. Она уговаривала маму являться на экзекуціи. Мама стала получать грубости отъ прислуги и ожесточилась; стала глядѣть на прислугу, какъ на личныхъ враговъ. Одинъ разъ вечеромъ Ганна нашла сидѣвшую на ступенькахъ Гурли и, присѣвши передъ ней на корточки, спросила, не узнала ли Гурли, куда барину писать.

— Нѣтъ нехотятъ сказать, печально отвѣчала она, говорятъ, что я ябедничать буду папѣ....

— Значитъ, убѣгу я, Гурли, вотъ что!...

— Куда же ты убѣжишь, спросила она.

— Спрячусь гдѣ нибудь. Наймусь. Нѣту моченьки моей.

— Подожди папу!

— Да терпѣть то моченьки нѣту. Каждый день въ голову кулакомъ бьетъ; а кулакъ-то у ней, какъ долбня желѣзная. Убѣгу я, прощайте, раскажите папѣ, отчего я ушла. Ганна поцѣловала Гурли и хотѣла идти....

— А Марья, спросила Гурли, ходила жаловаться въ полицію?

— Ходила, барышня.

— Ну что-жъ? добивалась Гурли.

— Да ничего. Спросили только—крѣпостная ты? да и прогнали.

Ганна ушла; а Гурли долго сидѣла на ступеняхъ крыльца и думала—что же это будетъ теперь съ Ганной?

Сбылись наконецъ долгія ожиданія. Отецъ воротился. Первая встрѣтила его Гурли, всегда ждавшая его до поздней ночи на ступенькахъ крыльца.

— На силу ты воротился,—сказала она. У насъ тутъ каждый день теперь сѣкутъ....

— Что ты бредишь,—говорилъ отецъ; проходя мимо ея, и спѣша въ спальню къ мамѣ необыкновенно скоро. Подали самоваръ, и когда отецъ вышелъ къ чайному столу, деньщикъ вытянулся предъ нимъ:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте воротиться въ команду.

— За чѣмъ? спросилъ отецъ.

— Служить здѣсь не могу!

— Почему?...

— Сѣчь не стало мочи!

— Кого сѣчь? спрашиваетъ удивленный отецъ.

— Никого ужъ больше не могу. Будьте отцомъ роднымъ; отпустите!...

— Отецъ поглядѣлъ на маму. Та сидѣла смущенная. Тутъ онъ вспомнилъ слова Гурли.—«Хорошо! ступай! Больше ты никого сѣчь не будешь. Я самъ буду наказывать, кто будетъ виноватъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ деньщикъ и вышелъ.

— Что это за безобразіе такое, Маша? продолжалъ отецъ, опускаясь на стулъ возлѣ мамы.

— Да безъ тебя такъ разокрались всѣ; такіе грубіяны всѣ

подѣлались, что Анна Митревна каждый день кого нибудь да поймаетъ...

— Ну, договорилъ отецъ, и каждый день сѣчетъ?...

— Да!... Сказала мама, окончательно переконфуженная.

— Маша! Маша! вскричалъ отецъ всплеснувши руками; да вѣдь это и въ острогѣ каждый день не дерутъ. Бога ты небоишься, что съ тобой сталось?...

VIII.

Съ этого вечера Анна Митревна затаила свою злобу въ глубинѣ сердца. Виновныхъ приводили къ отцу. Онъ дѣлалъ имъ выговоръ, заставлялъ передѣлывать испорченное или отправлялъ въ полицію. Если вина открывалась безъ виноватаго, глаза и жестъ Гурли—открывали его.

Въ домѣ снова раздались пѣсни и смѣхъ. Явилась и Ганна изъ бѣговъ и, къ удивленію всѣхъ, не была наказана; удивило это даже ее самое.

— Это вы меня выпросили? спрашивала она у Гурли.— «Нѣтъ,»—отвѣчала та, «я только разсказала папѣ все. Все— какъ тебя били, какъ по ночамъ будили....

Прощеніе Ганны подняло всю злобу въ сердцѣ Анны Митревны.

— Прощайте,—матушка!—уйду я отъ васъ; лишняя стала нынѣ у васъ. И красть и бѣгать—все можно. Мнѣ тутъ дѣлать нечего. Слабая вы, матушка, женщина, слабая,—да что, мужъ не хочетъ наказывать. Ему-то и съ руки дѣвкамъ потворъ давать. Ему что—извѣстно мущина. А у васъ дѣвки-то молодыя; да развратныя такія, васъ матушка, въ грошъ не ставятъ. Правда, что и выгода есть...

— Какая же выгода?

— Подарки матушка получаютъ!...

— Да, отъ кого же?

— Да отъ мужа отъ вашего матушка; отъ кого же другаго....

— Не правда! сказала мама запальчиво.

— Какая неправда матушка; чего мнѣ лгать-то!... Я изъ

душевнаго расположенія вамъ говорю; — жаль мнѣ васъ матушка!...

— Да кому-же онъ подарки дарилъ?

— Варварѣ, матушка! Сама слышала, какъ давалъ платокъ и деньги; и обрадовалась такъ эта подлая....

Анну Митревну позвали.

— Марья! закричала мама, вся въ волненіи.

Марья явилась.

— Какой платокъ баринъ привезъ Варварѣ?

— Красный, барыня, и по немъ вѣточки...

— Ступай, прервала ея мама, махнувши рукой.

Когда Марья вышла, мама залилася слезами. Измѣнить мнѣ для Варвары, говорила она, тихо всхлипывая; то то онъ никого не позволяетъ наказывать—всѣ правы у него.

Такъ засталъ ея отецъ.

— Что съ тобой Маша?... спросилъ онъ съ участіемъ, наклоняясь, чтобы поцаловать ея руку.

— Ахъ, поди, пожалуйста, не любишь ты меня.

— Да какъ же не люблю?... проговорилъ удивленный отецъ.

— Измѣнилъ ты мнѣ.... рыдала мама.

— Да Господь съ тобою; Маша! Жили мы съ тобой столько лѣтъ; молодъ былъ, никогда не ревновала, хотя конечно не безъ грѣха,—на пол-года уйдешь.... А теперь, сынъ офицеръ, дочки невѣсты,—а ты. Да что съ тобой Маша?...

Но Маша ничего не слушала и рыдала.

Отецъ вышелъ въ другую комнату, сѣлъ къ столу и задумался. «Не пойму», проговорилъ онъ наконецъ, пожимая плечами.

На носочкахъ прокралась къ нему Гурли и шопотомъ, едва дыша, проговорила: «это Анна Митревна на тебя наговорила»..

— Что-жъ она говорила? спросилъ онъ.

Гурли передала все, что видѣла и слышала, ни кѣмъ незамѣченная въ своемъ уголку за диваномъ.

— Ты сама слышала? спросилъ строго отецъ.

— Да сказала Гурли, смотря ясными глазами въ лицо отца.

— Не лжетъ! подумалъ онъ, хорошо. Никому не говори, что слышала!

Гурли махнула головкой и пошла искать Лію, игравшую на галлереѣ.

— Дежурный пришелъ, доложили отцу, когда всѣ молча, и угрюмо сидѣли вокругъ чайнаго стола.

— Зови! сказалъ онъ и всталъ при входѣ дежурнаго.

Тотъ отмѣрялъ три шага на встрѣчи и сталъ. «По караблю и экипажу все обстоитъ благополучно. Не дошедшихъ не имѣется, подъ карауломъ одинъ», отрапортовалъ онъ, вытягивая руки по швамъ, и глядя прямо въ лицо отца.

Отдавъ нужные приказанія отецъ, прибавилъ: «чтобы унтеръ-офицеръ Кулакъ явился завтра ко мнѣ».

— Слушаю ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ дежурный и, повернувшись на лѣво кругомъ, вышелъ.

Когда Гурли проходила дѣвичью, Варвара поманила ее пальцемъ.

— Не знаете ли Гурли? спросила она; за чѣмъ папа велѣлъ звать Кулака?...

— Не знаю, отвѣчала Гурли.

— Если его будутъ спрашивать о моемъ платкѣ и деньгахъ, что онъ мнѣ привозилъ, такъ скажите, что онъ все сполна привезъ. Ганна сегодня видѣла на базарѣ брата Егора, такъ онъ сказалъ, что больше ничего не посылали....

На другой день, когда всѣ снова собрались за чайный столъ, явился Кулакъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ смѣло останавливаясь передъ отцомъ.

— Здорово! Вѣдь это ты мнѣ привезъ тогда платокъ и деньги для передачи Варварѣ?

— Точно такъ!

Гурли вскочила со стула и подошла къ отцу.

— Куда ты, заговорила тетенька Саша, вездѣ ей дѣло;— но Гурли не слушала.

— Оставь ее, проговорила мама, будетъ мѣшать, такъ прогонитъ.

— Я, вотъ слышалъ, что будто ты не все передалъ—говорилъ медленно отецъ—важно придумывая, какъ бы ловче дѣло объяснить.

— Нѣтъ, нѣтъ папа, заговорила поспѣшно Гурли. Варвара сказала, что ты ей все отдалъ сполна, что ей мать посылала; и платокъ и деньги. Вчера Ганна видѣла ея брата Егора, такъ тотъ сказалъ, что ни чего больше не посылали....

Отецъ не могъ не улыбнуться отъ удовольствія; Гурли разомъ открыла все дѣло. Онъ взглянулъ на маму. Та покраснѣла и съ упрекомъ поглядѣла на Анну Митревну: рывшуюся въ сахарницѣ и позеленѣвшую отъ злости.

— Ну такъ спасибо, сказалъ отецъ Кулаку, что исправно доставилъ. Вотъ тебѣ за труды....

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ Кулакъ, принимая деньги, и вышелъ.

— Ну, Маша—сказалъ весело отецъ, потирая руки и подсѣдая къ мамѣ, надѣюсь меня теперь не за что сѣчь, Аннѣ Митревнѣ! а, Маша? говорила онъ, нѣжно заглядывая въ опущенныя глаза мамы.

— Ну, да я больше не буду вѣрить Аннѣ Митревнѣ,— сказала наконецъ мама, обнимая отца....

Въ этотъ день въ особенности всѣ были веселы, даже Гурли не пряталась ни разу въ свой уголокъ. Лія смѣялась до слезъ. Одна Анна Митревна сидѣла насупившись въ углу. Не добрыя вѣсти передала ей Марья, подслушавши подъ дверью въ спальнѣ. Тамъ отецъ уговаривалъ маму, «Да прогони ты ее, Маша. Вѣдь она тебя вооружаетъ и противъ прислуги, и противъ дѣтей и наконецъ, противъ меня....

— Да, какъ же ее прогнать? неловко—не рѣшительно заговорила мама,

— Ну извинись!—скажи, что средства не позволяютъ; и что ты теперь сама будешь заниматься. Годъ добудетъ, да и счастливый путь, «хохлаточка...»

IX.

Скоро Анна Митревна исчезла изъ дому: но зло, заведенное ею, осталось на долго. Мать уже не могла заниматься спокойно, вездѣ она подозрѣвала воровство, все ея раздражало. И прислуга привыкла уже все дѣлать съ крикомъ и бранью. Никто не брался за свое дѣло, пока не прикажутъ; каждый старался воспользоваться чѣмъ нибудь, какъ только представлялся случай. Когда Гурли посылали въ кладовую или шкафъ, одна

дѣвка выпрашивала у ней что нибудь, а другая посорившись съ ней, доносила. Гурли стали запутывать въ разныя дрязги.

— Скажи мнѣ Гурли, спросилъ отецъ, выведенный изъ терпѣнія, за что ты мою муку, мой сахаръ, раздаешь дѣвкамъ. Развѣ ты ихъ больше меня любишь?

Гурли вспыхнула.

Съ тѣхъ поръ она стала упрямо отказываться, когда ея посылали съ ключами. «Да какъ же ты смѣешь отказываться», говорили ей. «Не пойду,» твердила она, складывая крестомъ свои руки. Пожаловались отцу. «Почему ты не слушаешься»? Спрашивалъ онъ. «Не могу я», говорила, дѣлая свой странный жестъ; «если я пойду у меня непремѣнно выпросятъ, что нибудь». Отецъ запретилъ посылать Гурли. Ей велѣли серьезно заниматься съ учителемъ Канфорошкой, у котораго учился братъ. Канфорушка не умѣлъ да и не хотѣлъ ничего растолковать; задавалъ онъ на урокъ страничку, не читая, что въ ней такое; и дѣти должны были выдолбить наизустъ отъ слова до слова. Братъ, молча, покорялся, Гурли возмущалась. «Да какъ же я буду учить, говорила она, когда я ничего не понимаю»? «Ни когда я не видѣлъ такой упрямой барышни, говорилъ ей учитель, съ вами мнѣ Господне наказаніе. Развѣ я могу вамъ въ голову свой разсудокъ вложить, выучите, такъ и поймете».

Одинъ разъ братъ не могъ задолбить заданнаго урока, и заснулъ за книгой.

— Что это онъ тутъ дѣлаетъ? спросилъ увидивши его отецъ?

— Да урока ни какъ не выучитъ, объясняла Гурли, понять не можетъ; а такъ ни какъ не учится урокъ, и я своего не выучила....

— Да что же вы учителя не распросите?

— Да онъ никогда ничего не разсказываетъ.

Отецъ разбудилъ мальчика и велѣлъ дѣтямъ идти спать.

На другой день отецъ объяснилъ брату его урокъ, это было дѣленіе.

Вскорѣ пришелъ и Канфорушка.

— Что это, новая мода нынче учить въ долбешку?

— Какъ въ долбешку?...

— Да какъ же вы задаете урокъ не объяснивши его..., Что сегодня на урокѣ? спросилъ отецъ.

— Географія, отвѣчали дѣти.

— Ну; а какъ вы учите урокъ?

— По книжкѣ, обозвался братъ.

— Ну, а карты же гдѣ?...

— Да я-съ имъ не даю,—они могутъ порвать—а карты хорошія....

— Ну, значитъ, мы съ вами любоваться будемъ ими?

— Какъ-съ угодно; я дамъ—пусть рвутъ!...

Канфорушка вынулъ изъ стола карты и развернулъ Европу. Отыскивая то городъ, то рѣку, дѣти взлѣзли на нее съ ногами. Тутъ же присосѣдилась и Лія.

— Гурли? спрашивала она, что это красненькой полоской обведено....

— И-та-лія,—прочитала Гурли.

— А это что—ничего не написано....

— Море—сказала Гурли.

— А это?...

— Ахъ Ліичка—не мѣшай мнѣ. Я хочу Петербургъ найти... Будешь учиться—сама знать будешь....

— Папа, папа!—заболтала Лія; учиться хочу!...

— Молодецъ! завтра азбуку купимъ, сказалъ папа, усаживая ее на столъ, съ картинками, какія у дѣдушки были?

— Тамъ былъ арапъ, папа, и бутылка такая, настоящая бутылка! толковала Лія, дѣлая изъ пальчиковъ бутылку и болтая ножками....

— Да Петербургъ въ Россіи, что же ты полѣзла его во Францію искать?... Замѣтилъ отецъ Гурли.

— Да гдѣ-же это Россія? спрашивала та, садясь на карту и отбрасывая обоими ручками назадъ волосы.

—Усѣлась на нее, да и спрашиваетъ, сказалъ отецъ шутливымъ тономъ.

Гурли, проворно спрыгнула на стулъ, прочитала Россія и стала водить по ней пальчикомъ.

— Куда ты въ Сибирь поѣхала, остановилъ отецъ.

Гурли поворотила въ другую сторону.

— Выше, выше, подсказывалъ отецъ. Ну немножко на право. Стой! пріѣхали!

— Петербургъ, крикнула радостно Гурли....

— А ты чего исчешь?... Спросилъ отецъ брата.

Тотъ отвѣтилъ, чего добивается.

— Да этотъ портъ-то—гдѣ?...
— Въ Америкѣ!
— А эта карта какая?...
— Европа, прочиталъ братъ.
— Такъ ты американскіе порты въ Европѣ искать сталъ?.. Видно далеко ходить не любишь. Ну дайте ему Америку,—обратился онъ къ Канфорушкѣ.

Тотъ досталъ карту и положилъ на столъ.

Мальчикъ сталъ водить по ней пальцемъ.

— Такъ уроковъ сегодня не будетъ?... Спросилъ Канфорушка отца.

— Да какихъ же еще вамъ уроковъ?... Они учатся самымъ прилежнымъ манеромъ; лучшаго и желать нельзя. Вы вотъ лучше помогите-ка имъ учиться... Поглядите? Гурли на Кавказѣ Москву ищетъ; а мой то морякъ не съ той стороны къ Америкѣ подплылъ; да ищетъ знаменитаго порта. Такъ братъ можно цѣлый годъ проболтаться... Провизія выйдетъ; взять негдѣ; всю команду съ голоду переморишь.

Мальчикъ поспѣшно переложилъ палецъ на другой берегъ а Канфорушка сталъ помогать Гурли доѣхать съ Кавказа въ Москву.

X.

Въ этотъ же день пришли въ домъ монашенки. Мама ихъ приняла и угостила, стала каяться въ грѣхахъ, что вотъ она гнѣва своего никакъ удержать не можетъ, что все сердится на прислугу.

— Это ничего матушка, дѣтское бережете. А вы вотъ пожертвуйте, что нибудь Господу Богу, такъ онъ и успокоитъ вашу душеньку....

— Да денегъ-то нѣту у насъ, говорила мама,—мужъ съ жалованья живетъ.... -

— Такъ можетъ серебро, матерія есть?...

— Да, матерія есть, да дѣтямъ берегу!... Признавалась мама.

— Что-же это вы, матушка, все о земномъ да о земномъ

думаете; а о благахъ небесныхъ не помышляете... пожертвуйте матушка! Господь десятирицею отдаетъ!...

Мама вынула кусокъ матеріи и нехотя подала. Монахиня схватила и спрятала подъ рясу. «Спаси васъ Господь!» сказала она, крестясь и кланяясь въ землю. А Гурли видно было какъ та крестясь, бросала жадный взглядъ въ коммодъ мамы, а послѣ слышала изъ окна—какъ ссорились они за матерію, и не полюбились ей съ тѣхъ поръ монашенки.

А когда отецъ, узнавши, что мама отдала матерію, съ удивленіемъ спросилъ ее:—«Да на чтоже, Маша, Богу-то наши грѣшныя тряпки?» и Гурли съ увѣренностью сказала—«папа, да они себѣ выпросили, а не Богу».

Въ эту зиму начали старшихъ сестеръ вывозить на балы. Мама надѣла пунсовый токъ съ бѣлыми перьями, такъ назывался головный уборъ, и шумящее шелковое платье. Сестры надѣли голубыя платья; гладко зачесанныя волосы, взбили и высоко подняли вверхъ; приколовъ вѣнками бѣлыхъ розъ. Тетенька Саша—въ ярко-розовомъ платье—пылала ярче своего платья. Она то подпомаживала свои волосы, то чѣмъ-то натирала свои брови, то брала, что-то бѣлое изъ пузырька, и натирала имъ шею.

— Для чего это вы себѣ шею крахмалите; а Анѣ волосы всклокочили? спросила Гурли съ любопытствомъ.

— Потому, что ты дура, и ничего не понимаешь.... А если ты тутъ будешь прятаться, когда мы одѣваемся, такъ я тебѣ всѣ уши оборву; сказала она сердито, осматривая себя въ зеркало.

Гурли не спала, пока не воротились.

Всѣ поспѣшно раздѣлись и улеглись. Однако никто не спалъ. «Какого ты себѣ усатаго на первую-то подцѣпила, говорила тетенька Саша Анѣ. А третью-то съ какимъ хорошенькимъ танцовала; просто ликерная конфетка, такъ слюнки и текутъ. Да что это ты потупилась такъ; онъ на тебя такъ и заглядываетъ, а ты въ землю уперлась глазами, хоть бы улыбнулась. Даже Захарова замѣтила. А ужъ какъ ей не стыдно въ такомъ платьи пріѣзжать? а еще генеральша. А та то, паршивая мичманша въ бархатъ нарядилась; и съ чего, голь этакая». И долго въ этомъ тонѣ разсыпалась тетенька Саша; Гурли не дослушала и уснула, ей не снилось ничего.

XI.

Утомленная балами и визитами мать, не успѣвая отдохнуть, принималась за хозяйство. •Нервы ея слабѣли, здоровье терялось. Она дѣлалась все раздражительнѣе. Всякая малость выводила ее изъ себя. Напрасно уговаривалъ ее отецъ бросить все, напрасно увѣрялъ, что всего не раскрадутъ; что пусть дочери ходятъ по очередно. Мама и слушать не хотѣла. Одинъ разъ сильно разсердившись, она заболѣла, не захотѣвши сейчасъ же призвать доктора. Чрезъ три дня невозможно было уже ей помочь. Отецъ уныло ходилъ по комнатамъ или садился къ изголовью больной. Приуныли всѣ въ домѣ. Не стало слышно и веселаго голоса Ліи. Ей даже запретили громко играть. Одну ночь Гурли не спалось. Услыхавши стонъ, она тихонько прокралась въ спальню. На большой кроватѣ обложенная подушками, стонала мама; изхудавшее, и пожелтѣвшее лицо выражало страданіе. На креслѣ возлѣ кровати сидѣлъ отецъ, прислонивъ къ изголовью свое истомленное лицо. Красные—отъ безсонницы вѣки были опущены. Онъ казалось забылся. Въ эту минуту мать взяла лежавшую подлѣ нея тонкую тросточку, и до тронулась до его руки.

Отецъ вздрогнулъ, открылъ глаза и спросилъ съ участіемъ: «что тебѣ Маша»?

— Я снова чувствую приближеніе боли—дай мнѣ пить!

Отецъ отсчиталъ нѣсколько капель въ рюмку съ водой и, приподнявши одной рукой голову мамы съ подушкой, ловко напоилъ ее.

— Я не вынесу этихъ болей, заговорила снова мама; я умру.... Прощай, и прости!... Береги дѣтей....

— Маша, Маша! говорилъ тихо отецъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы, Богъ милостивъ.... Кто знаетъ—можетъ быть....

— Нѣтъ я не переживу эти спазмы. Если бы ихъ не было,—можетъ быть.... я чувствую онѣ будутъ. Дай образъ. Позови дѣтей,—я благословлю, пока не лишилась памяти.

Отецъ всталъ и медленно пошелъ исполнять просьбу. Глу-

бокая тоска выражалась на его лицѣ. Растолкавши спавшую у дверей прислугу, велѣлъ онъ позвать дѣтей въ спальню.

Гурли побѣжала къ Ліи.—Лія, Лія, будила она тихонько цѣлуя,—вставай; мама благословлять будетъ!... Она помогла ей слѣзть съ кровати, и повела въ спальню — тамъ уже были и старшія дѣти—онѣ и не раздѣвались. Аня совсѣмъ не ложилась спать, она почти всю ночь молилась.

Мама съ тоской взглянула на дѣтей.

Первая подошла Аня. Едва удерживая слезы, поцѣловала образъ, который мама держала въ рукахъ, потомъ ея руку, потомъ въ уста; и закрывши обѣими руками глаза—изъ которыхъ лились слезы, она поспѣшно отошла... За ней стали подходить другіе; на каждаго смотрѣла мама долго, какъ будто хотѣла наглядѣться и что-то шептали ея уста; каждаго она провожала глазами, пока не подходилъ къ ней другой....

Прислонившись къ изголовью—стоялъ неподвижно отецъ,—казалось—онъ былъ убитъ горемъ. Когда Гурли подвела Лію, отецъ взялъ ее на руки прощаться, и сказалъ тихо «Маша, у ней никогда не будетъ другой матери». Мама посмотрѣла на него глазами полными любви и, положивши руку на головку Ліи, она прошептала. «Боже мой, Боже мой, благослови наше дитя!...» Попрощалась и Гурли, и навсегда остался въ ея памяти взглядъ умирающей матери....

Когда дѣти вышли, отецъ сталъ на колѣни у кровати. Разбудили докторовъ, спавшихъ въ другой комнатѣ. Много средствъ употребляли. Удавалось на минуту прекращать страданія; больная переставала метаться. Но предчувствія мамы сбылись: она уже не приходила въ сознаніе,—спазмовъ не пережила. Къ утру уже холодный трупъ лежалъ на постелѣ; у его ногъ—три дочери рыдали; въ изголовьи—отецъ безмолвно глядѣлъ на неподвижное лицо умершей. Ни одна слеза не скатилась изъ его глазъ полныхъ тоски.

Тетенька Саша, всхлипывая разсказывала кому-то о несчастьи.

Ночью, когда какая-то дама уговаривала всѣхъ дѣтей лечь спать и упросила тетеньку Сашу неплакать; а сама, улеглась на Аниной кровати—стала храпѣть. Гурли тихонько слѣзла съ кровати и прокралась въ залу. Тамъ на столѣ, закрытомъ бѣлымъ до земли стоялъ золотой гробъ, покрытой бѣлой парчей.

Но не дѣдушка, а мама лежала въ гробу вся въ бѣломъ. Странныя тѣни бросали три пылавшія свѣчи на ея блѣдное лицо.... Руками она сжимала восковой крестъ.

Положивши обѣ руки на край гроба и подперши ими голову, стоялъ отецъ. Казалось онъ не могъ оторвать глазъ отъ этого лица, теперь спокойнаго, и «упокой ея въ селеніи праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій,» произносилъ печально дьяконъ.

Гурли влѣзла на столъ и приложила губы къ рукѣ мамы. Рука была холодная, безжизненная. Дѣвочка вздрогнула....

— За чѣмъ ты не спишь?» спросилъ ее отецъ, поднимая голову и какъ будто просыпаясь отъ своей думы.

— Мама не проснется? спросила Гурли.

— Нѣтъ! сказалъ, горько улыбнувшись, отецъ. Пойдемъ спать—прибавилъ онъ, снимая Гурли со стола.

— А ты ляжешь? спросила Гурли.

— Да, отвѣчалъ отецъ мнѣ надо жить! Вы всѣ еще слишкомъ молоды.

Онъ легъ въ гостиной на диванѣ; а Гурли пригнѣздилась на большое кресло, скоро чтеніе дьякона мѣшалось для нея съ завываньемъ вѣтра. Гурли уснула.

На третій день пять священниковъ, въ черныхъ бархатныхъ ризахъ съ серебрянными крестами въ рукахъ вошли въ залу, гдѣ лежала мама. Плача, собралась вся семья. Началась панихида. «Идѣже нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія»... провозглащалъ священникъ. «Надгробное рыданіе творящее пѣснь»; — уныло тянули пѣвчіе. Рыдая, цѣловали сестры холодный трупъ въ гробу; подняли дѣтей на руки, заставили цѣловать полединѣлыя уста матери. «Со святыми упокой, и сотвори ей вѣчную память», провозгласилъ протяжно священникъ и пошелъ къ двери. «Вѣчная, вѣчная память», затянули пѣвчіе. Шесть офицеровъ, перевязанныя чернымъ крепомъ, подняли и понесли гробъ, выла и причитывала дворня. Печальные звуки музыки встрѣтили гробъ за воротами. Гурли, сѣвъ на окраинѣ окна, смотрѣла какъ при блескѣ солнечныхъ лучей, несли, покачивая золотой гробъ матери. Во кругъ его рыдая, шли ея сестры, всѣ въ черномъ. Позади, опустивъ голову на грудь, шелъ отецъ. Его эполеты, сабля, поговицы—все было затянуто въ черный крепъ. Провожая, тѣ-

снилась пестрая толпа, надрывая душу играла музыка; ныло сердце Гурли; слезы, падая, разбивались на ея сложенныхъ рукахъ;—не проснется мама, думала она; не воротится она больше, дѣдушка не воротился.... Въ это время, громко рыдая, вбѣжала на галлерею Лія. «Гурли, Гурли! кричала она, слышишь говорятъ, что маму засыпятъ землей, что она не воротится!» «Это правда, Лiичка! сказала Гурли, поспѣшно спрыгивая и обнимая дѣвочку обѣими руками; мама больше не проснется. У насъ нѣтъ теперь мамы продолжала она; цѣлуя глазки ея—мама теперь тамъ.... говорила Гурли, показывая на синiй глубокiй сводъ неба; она смотритъ на насъ оттуда. Ты видѣла какъ вечеромъ на небѣ ярко звѣздочки горятъ?—это на насъ очи праведныхъ глядятъ».... И долго, обнявшись, шептали дѣвочки.

Воротившись съ похоронъ, шумно усѣлись священники и гости за столъ, установленный закусками и бутылками. Отецъ прошелъ прямо въ спальню и, какъ былъ съ шапкой на головѣ, тяжело опустился въ кресло. Казалось горе подавило его. Печально и безмолвно столпились сестры въ уголкѣ дѣтской. Тетеньку Сашу утѣшала какая-то дама.

«Голубочка ты моя! Сироточка горемычная—причитывала какая-то барыня гладя Лiю по головкѣ. Хорошенькая ты какая, попадешся теперь въ чужiя руки, поблекнутъ твои розовыя щечки; безъ матери, извѣстно—отецъ сидѣть дома не станетъ». Губки Лiи надулись, слезы покатились изъ глазъ; Лiя громко заплакала.

— Лiя!—крикнула Гурли.

Лiя вырвалась изъ рукъ барыни и побѣжала.

— Не плачь Лiичка... утѣшала ее Гурли, цѣлуя заплаканныя глазки; у насъ папа еще остался, онъ насъ не броситъ, онъ насъ ни кому не даетъ обижать.

Лiя перестала плакать. Казалось и отецъ услышалъ слова Гурли: онъ оглянулся въ тотъ уголокъ, гдѣ были дѣвочки. Тяжело поднялся съ кресла, медленно снялъ шапку, скололъ регалiи, отстегнулъ саблю, досталъ кошелекъ и, потерши лобъ рукой, вышелъ въ залу благодарить священниковъ. Скоро все въ домѣ опустѣло и затихло....

Ночью утомленные слезами, далекой прогулкой и безсонными ночами, всѣ дѣти заснули скоро, только Гурли не спалось, и воображенiю ея представлялось, какъ маму забрасываютъ землей. Вотъ насыпали высокую, высокую могилу... «Ей тяжело.

земля ее давитъ», шептала дѣвочка, прижимая руки къ груди. Слышала она какъ и отецъ всю ночь, не смыкая глазъ, проходилъ по комнатѣ, гдѣ у образа ярко пылала лампада. И думалось Гурли—папа тоскуетъ по мамѣ.

XII.

На другой день отецъ сказалъ Анѣ занять мѣсто мамы. «Постарайся, чтобъ неизмѣнился порядокъ въ домѣ», добавилъ онъ ей грустно. Горячо принялась кроткая Аня за свою обязанность. Она буквально старалась выполнить все такъ, какъ дѣлалось при мамѣ. Утромъ поила всѣхъ чаемъ; потомъ шла по хозяйству, послѣ долго сидѣла за иглою, не разгибая спины. Нѣкогда ей было предаваться удовольствіямъ молодости. Заботы, неудачи, весьма часто печалили ее. Не разъ ночью видѣла Гурли, какъ плачетъ Аня, когда что нибудь было испорчено и не находилось виновнаго. Ей стало жаль Ани, и она начала открывать виноватыхъ, которыхъ всегда знала изъ брани и упрековъ между прислугою, которая при ней не стѣснялась, или видѣла сама изъ темнаго уголка. Виновная, на которую указывала Гурли, переставала запираться: «Нечего уже теперь! накидывалась на нее вся дворня; сама виновата, такъ нечего другихъ подводить». Аню обманывали, крали у нея, выпрашивали вдвое противъ того, что нужно. Аня не ожесточилась, только чаще и чаще туманилась слезами ея кроткое лицо. «Чтожъ это вы Ани ни въ чемъ непомогаете?... говорилъ отецъ другимъ сестрамъ,—вѣдь такъ намъ тяжело будетъ съ Анней работать». И всѣ дружно принялись помогать ей.

Подглядѣла Гурли и тайну Ани. Спрятавшись въ уголокъ за фортопіаномъ, видѣла она какъ вся вспыхивала Аня, когда садился возлѣ нея играть въ четыре руки Сергѣй,—красавицъ офицеръ—какъ называла его тетенька Саша. Наклонялся онъ къ Анѣ близко, близко; чувствовала она его взглядъ на лицѣ, на плечахъ. Сердце въ ней рвалось, и думала Аня: «Боже мой, какъ бы мнѣ не ошибиться; хотя бы доиграть скорѣй....» и пальцы ея все быстрѣ бѣгали по клавишамъ; а потомъ поспѣшно бѣжала въ дѣтскую, въ темной уголокъ. А Сергѣй печаль-

но перебирая, клавиши, думалъ: нѣтъ не любитъ она меня, ни одной улыбки, ни одного взгляда, и сейчасъ бѣжитъ; а такъ мнѣ ее не отдадутъ.... Нечего мнѣ о ней думать;—за полковника выйдетъ! оканчивалъ онъ горько и вставалъ изъ–за рояля. А бѣдная Аня, прижавшись въ уголкѣ думала: любитъ онъ меня или мнѣ такъ кажется; хотя бы у меня стало силъ разочикъ ему въ глаза поглядѣть. Тетенька Саша говоритъ, что онъ часто на меня заглядывается. Пойду погляжу ему въ глаза, можетъ быть онъ что нибудь скажетъ.... И Аня робко подходила къ Сергѣю. Но тотъ рѣшивши, что его не любятъ, глядѣлъ въ полъ, потолокъ, на сосѣднiй столъ. Аня печально отходила. А ночью Гурли слышала, какъ Аня и во снѣ шептала: «нѣтъ, не любитъ меня Сергѣй!» и испуганная просыпалась, боязливо глядѣла на тетеньку Сашу, на всѣхъ.... крестилась, шептала молитву, и, утомленная, снова засыпала...

Сергѣя перевели въ Петербургъ. Аня боялась плакать о немъ, чтобы кто нибудь не догадался, что она его любитъ. Да и не когда ей было плакать. Весь домъ лежалъ у ней на рукахъ. «Да чего ты на нихъ смотришь? говорила ей тетенька Саша, чего онѣ барышнями, а ты мыкаешься одна цѣлый день какъ угорѣлая?...» Аня приказывала сестрамъ; тѣ обижались и не хотѣли ничего дѣлать; начались споры за право — кому что слѣдуетъ дѣлать. Аня укоряла сестеръ, что все сама дѣлаетъ, а онѣ сидятъ барынями. Сестры отвѣчали: «тебѣ велѣли, ты и дѣлай, а намъ велятъ — мы будемъ дѣлать». Пришлось отцу разбирать жалобы между дѣтьми... «Это все тетенька Саша виновата», говорила Гурли, слышавшая изъ своего уголка, какъ та настроивала Аню. «Врешь ты гнусная дѣвченка! это кухонныхъ сплетней наслушалась, накидывалась на нее тетенька Саша, я поклясться на Евангелiи могу, что не знаю за что онѣ поспорили»... Гурли не умѣла объяснить своихъ убѣжденiй и оставалась виновата. Невозмутимая дружба сестеръ порвалась подъ влiянiемъ тетеньки Саши. Ей хотѣлось, ничего не дѣлая, заставлять работать другихъ.

«Дѣти! говорилъ отецъ, видя угасающую между ними дружбу, я занятъ службою, мнѣ нѣкогда во все вникать, вамъ никто не поможетъ, если не будете помогать одна другой....» И всѣ брались за дѣло, но только каждая спѣшила сдѣлать свое особо, чтобы похвастать передъ отцомъ. Семейная дружба изче-

зла; только дружбу Гурли и Ліи ничто не нарушило. Напрасно тетенька Саша дарила Ліи куклы, уговаривала ее неслушаться Гурли: «она тебя кухоннымъ манерамъ научитъ. Видишь—какимъ упыремъ она смотритъ», убѣждала тетенька Саша, лаская Лію. «Она всѣ кухонныя гадости знаетъ; она тебя чортъ знаетъ чему научитъ. Видишь — ее никто не любитъ....» Лія слушала, но какъ только ее оставляли, бросала подаренную куклу и бѣжала къ Гурли. Припавши къ уху Гурли едва слышно пересказывала все слышанное. и потомъ грозя своимъ крохотнымъ пальчикомъ передъ самымъ носомъ Гурли, она говорила: «ты никому, никому не говори». Гурли никогда и не выдавала Лію. Дѣвочки, обнявшись крѣпко, еще дружнѣй бѣжали играть новой куклой.

XIII.

Въ это же время перебрался въ домъ близкій родственникъ Егоръ Ивановичъ съ женой. Егоръ Ивановичъ пилъ запоемъ, а когда напивался—ничто не могло удержаться въ домѣ: онъ билъ посуду, ломалъ мебель, колотилъ прислугу, бранилъ жену, но рука ни разу не подымалась на нее, хотя уваженія къ ней онъ никогда не выказывалъ. Трезвый Егоръ Ивановичъ рѣдко приходилъ домой; когда же онъ былъ трезвъ, то цѣлые день сидѣлъ въ своей комнатѣ и писалъ бумаги; пьяный же разваливался на кроватѣ и бранилъ весь свѣтъ, а въ особенности своихъ начальниковъ и сослуживцевъ.... Жена привыкнувъ къ его норову, какъ она выражалась, убирала въ комнатѣ все, что можно было сломать и разбить, прислугу удаляла и одна молча сидѣла въ углу ни начто не возражая и только плакала. Но за то какъ Егоръ Ивановичъ былъ трезвъ на него градомъ сыпались упреки жены. Упрекала она его и въ своихъ страданіяхъ и въ бѣдности. Онъ молча все выслушивалъ, только перо скрипѣло по бумагѣ. Но когда жена называла его пьяницей, клятвопреступникомъ за то, что предъ вѣнцомъ поклялся не пить, но послѣ еще хуже запилъ... Егоръ Ивановичъ бросалъ перо, вскакивалъ и говорилъ съ ожесточеніемъ: «я тебѣ повторялъ тысячу разъ, что я въ этомъ не виноватъ... я ошибся въ тебѣ—вотъ и топлю горе въ винѣ. Я думалъ, что на-

шелъ кроткую женщину, а ты просто чушь-пустота». Егоръ Ивановичъ съ озлобленіемъ хваталъ свою шапку и уходилъ куда глаза глядятъ. Не разъ играя на дворѣ слышала Гурли эти сцены. И думала она: отчего же папа никогда не бранилъ маму... папа любилъ маму. А Егоръ Ивановичъ все споритъ съ женой—онъ не любитъ жены.... оттого не хорошо имъ такъ жить вмѣстѣ. Надобно жить съ тѣмъ, кого любишь... Хорошо когда любятъ, ласкаютъ... и вспомнилось Гурли какъ папа маму ласкалъ и вставали предъ ней сцены семейнаго счастья.

Разъ какъ-то вся семья собралась въ гости на имянины. День былъ давно желанный—заранѣе уже приготовлялись къ нему. Всѣ одѣлись въ новыя платья. Гурли и Лію, Аня одѣла прежде всѣхъ и приказала беречь платья; если запачкаютъ или изомнутъ платьица, то нельзя будетъ взять въ гости. Напрасно тетенька Саша уговаривала Аню не брать Гурли съ собой: «она тамъ какую нибудь кухонную штучку выкинетъ, а ты будешь краснѣть», говорила она; но Аня на отрѣзъ отвѣтила: «Папа хочетъ, что бы всѣ ѣхали». И дѣвочки, разодѣтыя какъ куклы, вышли на галлерею... На обѣихъ были бѣлыя легкія платья... широкая розовая лента обвивала кругленькую талію Ліи, завязанная сзади бантомъ, падала до края платья, розовой же лентой была обвязана головка, изъ подъ которой разсыпались русыя кудри по плечикамъ Ліи... И какъ шла эта розовая ленточка къ розовому личику Ліи! Такъ и свѣтились радостію ея голубыя глазки. Такъ и хотѣлось все глядѣть на нее. Хороша была и Гурли, ея волосы были отброшены назадъ и золотой волной падали изъ подъ голубаго вѣнка; голубой газъ, обвивавшій ея тонкій станъ и небрежно закинутый на плечо, весьма гармонировалъ съ матовой бѣлизной ея лица. Обнявши одной рукой, Лію, она улыбаясь слушала ея въ десятый разъ: «Мы не будемъ пачкать платьица, насъ вмѣстѣ возьмутъ въ гости, какъ намъ весело будетъ вмѣстѣ...»

Въ это время изъ боковой двери выбѣжалъ Егоръ Ивановичъ, пьяный, безъ сюртука, рубаха на роспашку; лицо было красное, волосы всклокочены, глаза мутные, онъ что-то злобно бормоталъ... въ рукахъ держалъ комнатную свою собачку, пугливо глядѣвшую по сторонамъ. Добѣжавши къ периламъ, онъ схватилъ ея за заднія ноги и сталъ бить головою объ косякъ. Раздался жалобный визгъ, розовое личико Ліи поблѣднѣ-

ло; громко заплакавши, убѣжала она въ комнаты. Блѣдныя щеки Гурли вспыхнули, глаза заблестѣли... Въ два прыжка очутилась возлѣ Егора Ивановича; обхвативши его руки, повисла на нихъ.

— Не убивайте, не убивайте! говорила она, задыхаясь.

При видѣ ея Егоръ Ивановичъ какъ будто очнулся. Собака выпала изъ его рукъ и съ визгомъ поползла по землѣ.

— А тебѣ что?» спросилъ онъ, потирая лобъ рукою.

Но Гурли сбѣжала уже со ступеней, припала на колѣни возлѣ собаченки и своимъ бѣлымъ платьемъ зажимала ея раны, изъ которыхъ текла кровь, потомъ сбѣгала и принесла кружку съ водою, стала обмывать ей раны. Собаченка жалобно визжала и лизала руки.

Съ нѣмымъ удивленіемъ Егоръ Иваноячъ смотрѣлъ на нее съ галлереи. Въ это время подали коляску. Разряженныя сестры, весело болтая, вышли на крыльцо.

— «Гурли!» позвала ее Аня.

Гурли показалась изъ-за крыльца.

— Ахъ! крикнула тетенька Саша, но что не говорила я тебѣ, что ты напрасно одѣвать будешь,» обратилась она наставительно къ Анѣ. «Ну вотъ любуйся! Мокрая, въ крови, порванная. Фу! гнусная дѣвченка,» заключила она, съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ Гурли и, шумя, своими накрахмаленными юбками, торжественно усѣлась въ коляску.

— Выпачкалась—такъ и оставайся; такъ и папѣ скажу, что нельзя было взять, сказала Аня и пошла садиться въ экипажъ.

— Прощай Гурли! печально сказала Лія, подавала свои ручки лакею, чтобы посадилъ въ коляску.

Всѣ усѣлись, коляска покатилась.

Егоръ Ивановичъ плюнулъ съ крыльца ей вслѣдъ, сложивши руки крестомъ, опустивъ голову. Печально поглядѣла Гурли за изчезнувшей коляской, медленно подошла она къ высокой акаціи, легко взобралась на одну изъ вѣтокъ и, схватя руками стволъ дерева, закачалась тамъ какъ птичка. Долго глядѣлъ на нее Егоръ Ивановичъ, порываясь, что-то сказать. «Нѣтъ! произнесъ онъ наконецъ,—я еще пьянъ; съ такой дѣвочкой нельзя говорить въ такомъ видѣ—надо выспаться...» и онъ ушелъ. Гурли оглянулась въ сторону, куда уѣхали сестры, на улицу, гдѣ ходили и ѣздили люди, на крышу, гдѣ прыгали и чирикали

птички, потомъ взглядъ ея упалъ на Черное море и заглядѣлась она какъ бьются о крутыя скалы волны, заслушалась печальнаго ихъ плеска... Вотъ и солнце стало спускаться; погасли его лучи, зардѣлся край моря и оно какъ будто тонетъ въ волнахъ.... Еще разъ блеснуло и потонуло, только ярко зардѣлся край неба, но и онъ погасъ. Почернѣло море, подулъ вѣтеръ, зашумѣли и вспѣнились волны. Вотъ и мѣсяцъ всплылъ и заигралъ серебристыми лучами въ темныхъ волнахъ. Глядитъ Гурли на эти волны и чудится ей, при блескѣ луны, что утопленники по морю плывутъ и дружно руками черныя волны бьютъ. Но вотъ и близко зашумѣли; на улицѣ послышались знакомые голоса:

— Гурли, Гурли! кричала Лія, бѣжавшая впереди всѣхъ, какое яблочко я тебѣ несу—все красненькое! Гурли спустилась съ дерева, отворила калитку, Лія бросилась къ ней въ объятья.

— Ты выпачкаешься объ ея платье!» предостерегала тетенька Саша, но Лія не слушала....

— Мы такъ весело играли тамъ, насъ много, много собралось дѣтей, говорила Лія, цѣлуя Гурли,—а ты плакала дома одна»?

— Нѣтъ, отвѣчала Гурли, я смотрѣла какъ солнце тонуло въ волнахъ....

— Какія глупости, перебила тетенька Саша съ презрѣніемъ, солнце не тонетъ въ волнѣ, а закатывается за землю!

— Нѣтъ! возразила Гурли, солнце стоитъ неподвижо, а земля поворачивается; оттого такъ и кажется....

— Это кто вамъ объяснилъ?—деньщикъ! спросила тетенька Саша.

— Нѣтъ Коперникъ, отвѣчала Гурли.

— Вѣроятно Коперникъ унтеръ-офицеръ, или матросъ изъ экипажа, презрительно проговорила тетенька Саша и зашумѣла юбками по крылцу.

— Кто это Коперникъ? спросила Лія.

— Ученый какой-то, я не умѣю тебѣ разсказать... Только онъ открылъ, что солнце стоитъ, а земля вертится.

Стоя за калиткой, отецъ слышалъ только послѣднія слова тетеньки Саши и распросилъ дѣвочекъ въ чемъ дѣло. Потомъ проводя ласково рукой по золотистымъ волосамъ Гурли, сказалъ:

— Обижаютъ тебя Гурли и—часто напрасно. Ну, да молчите, не ложитесь спать до ужина; мы тетеньку Сашу поддѣнемъ за ужиномъ. будетъ она знать кто такой Коперникъ!

Гурли улыбнулась, а Лія родостно захлопала въ ладоши. Вошедши въ комнаты она всѣмъ на ушко шептала, что папа тетеньку Сашу поддѣнетъ сегодня, и потомъ, грозя пальчикомъ, прибавляла: «ты никому, никому не говори». Встрѣтивши въ сѣняхъ Егоръ Ивановича, она и ему пошептала на ухо новость и, погрозивъ пальчикомъ, побѣжали дальше...

Егоръ Ивановичъ поспѣшно натянулъ сюртукъ и пошелъ въ столовую, раздумывая, что надо будетъ пособить Гурли... Да и тетеньку Сашу онъ не любилъ Не за то, что она обращалась съ нимъ презрительно, на это онъ плевалъ, а за то, какъ онъ говорилъ: «что она во все свой курносый носъ тычетъ. Ѣла бы хлѣбъ даровой, да Бога хвалила, а то вотъ еще какого-то гонору набралась». Когда онъ вошелъ въ столовую, ужинъ былъ на столѣ.

Всѣ удивились его приходу, а отецъ, протягивая ему руку, сказалъ:

— Милости просимъ хлѣба-соли откушать.

Егоръ Ивановичъ, вѣжливо раскланиваясь, по благодарилъ за приглашеніе и прибавилъ;

— Не за тѣмъ пришелъ, а можетъ чего и отвѣдаю. Онъ усѣлся возлѣ Гурли и сталъ съ ласкою перебирать ея золотистые волосы.

Взявшись за ножъ и вилку, отецъ началъ:

— Я сегодня слышалъ будто у меня въ экипажѣ Коперникъ служитъ,—не странно-ли это?..

— Гмм., пробормоталъ Егоръ Ивановичъ.

Лія погрозила пальчикомъ Гурли.

— Я такъ и знала; это вашъ новый учитель! сказала иронически тетенька Саша, обращаясь къ Гурли. Всякій матросъ васъ какой нибудь глупости да научитъ....

— Меня ни одинъ матросъ ничему не училъ, отвѣчала Гурли.

— Ты не знаешь, Коперникъ—матросъ? обратился отецъ къ деньщику, ставившему тарелки.

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ тотъ вытягиваясь.

— Да развѣ Коперника нѣтъ у насъ матроса въ экипажѣ, что ты не знаешь?

— Такова не имѣется!

— Да откуда же я слышалъ? добивался отецъ.

— Не могу знать-съ! отвѣчалъ деньщикъ серьезно.

— Отъ тетеньки Саши, сказала Гурли.

Егоръ Ивановичъ улыбнулся.

— Да ты сама мнѣ сказала, что тебѣ Коперникъ сказалъ, съ злостью возразила тетенька Саша.

— Нѣтъ, отвѣчала Гурли, я только говорила, что по ученію Коперника солнце стоитъ, а земля вертится...

— А ты это откуда узнала? спросилъ отецъ.

— Въ географіи прочла, папа!

— Вотъ тебѣ разъ! Такъ это значитъ тетенька Саша, что мы съ вами въ географіи ни бельмеса не смыслимъ, а у Гурли учиться придется. Осрамились мы съ вами, осрамились... Говорилъ отецъ на распѣвъ.

— Попалась тетенька Саша! кричали дѣти.

Егоръ Ивановичъ съ удовольствіемъ потиралъ руки, прибавя:

— Ужь молчать бы чего не знать, а то еще другихъ суются учить...»

Тетенька Саша, вся раскраснѣвшаяся, молча, зло глядѣла на Гурли.... Но тутъ встали изъ-за ужина и всѣ разошлись. Съ того вечера тетенька Саша стала скрытнымъ врагомъ Гурли, а Егоръ Ивановичъ—явнымъ защитникомъ. Часто онъ ссорился съ тетенькой Сашей и говорилъ ей:

— Гурли женщина разумная,—а вы что? Вы вотъ что! Егоръ Ивановичъ плевалъ на ладонь и, покрутивши на ней пальцемъ, ловко сбрасывалъ на полъ.... А вы и плевка не стоите!

— Я съ пьянымъ говорить не хочу, возражала тетенька Саша, стараясь какъ нибудь улизнуть отъ него.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Какъ не старалась Аня поддерживать прежній порядокъ въ домѣ, все какъ-то не клеилось. Расходы увеличились вдвое, отецъ видимо тосковалъ; часто уходилъ въ спальню и тамъ предавался мрачнымъ думамъ. Гурли все чаще заглядывалась на море; все новые картины подымались передъ ней изъ морской глубины; все новыя жалобы слышались ей въ плескѣ волны. Часто подстерегалъ ее тамъ Егоръ Ивановичъ и долго глядѣлъ на нее. Какой-то непонятной для него красотой сіяло это маленькое блѣдное личико, осѣненное золотистыми волосами.... Одинъ разъ, поспоривши съ женою, Егоръ Ивановичъ шелъ, чтобы напиться. Проходя галлерею, онъ увидѣлъ Гурли. Услышавши шорохъ, она оглянулась и спросила:

— Куда вы?

— Напиться иду, говорилъ Егоръ Ивановичъ,—тоска взяла!..

— Непейте, непейте! уговаривала Гурли, складывая руки крестомъ и устремляя на Егора Ивановича свой ясный взглядъ... Лучше идите на службу, за вами приходилъ сторожъ: дѣло какое-то есть....

— Да чортъ ихъ побери съ дѣлами!

— Да вѣдь вы служите?...

— Такъ что-жъ, что служу?

— А папа говоритъ, что когда служишь, то надо и дѣло дѣлать, что бы никто не смѣлъ сказать, что даромъ жалованье берешь. Развѣ вы хотите даромъ жалованье брать?

— Даромъ, даромъ.... бормоталъ Егоръ Ивановичъ; да вѣдь они всѣ тамъ свиньи даромъ жалованье берутъ!

— Такъ развѣ и вы хотите дѣлать какъ они? спрашивала Гурли, ласково заглядывая ему въ глаза. Нѣтъ лучше подите, а то какъ напьетесь такіе гадкіе дѣлаются у васъ глаза, говорите Богъ знаетъ что и голосъ хриплый такой. Постойте я вамъ голову приглажу.... И Гурли стала своими тонкими пальцами распутывать и приглаживать его взъерошенные волоса. Егоръ Ивановичъ повиновался ей какъ дитя. Онъ никогда не зналъ дѣтской ласки. Дѣти его умерли въ пеленкахъ и теперь его охватило какое-то сладкое чувство.... Гурли усердно трудилась надъ его головой и, на скоро приведя въ порядокъ, принялась оббирать пухъ съ сюртука и застегивать его на всѣ пуговицы. «Галстука нѣтъ?» и, вдругъ сорвавъ съ своей шеи платочекъ, поспѣшно свернула какъ галстукъ и обвязала шею Егора Ивановича.

— Ну теперь совсѣмъ, сказала Гурли, идите!

Егоръ Ивановичъ пошелъ. Шагая поспѣшно по улицѣ онъ бормоталъ: «вѣдь какая маленькая, а такъ и наровитъ каждому сдѣлать, что нибудь хорошее,—а ты живешь цѣлый вѣкъ свинья-свиньей и въ голову тебѣ ничего хорошаго не залѣзетъ; только и знаешь жаловаться, что не понимаютъ да оскорбляютъ... Да водкой горе заливать. А кто-жь ее понимаетъ... Кто ее не обижаетъ!... Какая нибудь тетенька Саша—и та ее давитъ. А мнѣ что! Положимъ нашъ начальникъ отдѣленія такая-же слизь, какъ тетенька Саша,—да самъ-то я что такое... Вотъ попробовалъ бы съ Гурли подрости—такъ дудки не долѣзимъ высоко....»

— Пожалуйте-съ!... крикнулъ половой, привыкшій встрѣчать Егора Ивановича и отворилъ дверь въ гостинницу.

— Врешь братъ! Сегодня отъ меня шишь получишь. Сегодня мы подросли!...

— Произвели васъ развѣ? спросилъ половой улыбаясь.

— Какъ же, сказалъ Егоръ Ивановичъ, изъ свиньи прямо въ человѣка! и онъ зашагалъ по улицѣ. А сколько бы я могъ дѣла сдѣлать, еслибы меня не раздражали, не упрекали, не доводили до желанія какъ нибудь забыться. Если-бы у меня была Гурли...

Егоръ Ивановичъ наткнулся на сторожа... Пьянъ, что-ли? подумалъ тотъ.

— Пожалуйте-съ, сказалъ онъ громко, за вами три раза посылали....

Ну, будутъ ворчать собаки, подумалъ Егоръ Ивановичъ, проходя къ своему столу. Ну да чортъ ихъ побери;—попробуемъ подрости съ Гурли хоть разочикъ, и ни замѣчая двухсмысленныхъ улыбокъ чиновниковъ, не слушая ихъ перешоптываній и замѣчаній, онъ сѣлъ на свое мѣсто, взялъ подложенное ему дѣло, прочелъ его и сталъ писать.

Въ умѣ, давно неработавшемъ; быстро развивалась мысль за мыслью; онъ совершенно углубился въ свое занятіе и только перо громко скрипѣло по бумагѣ.... Когда Егоръ Ивановичъ кончилъ писать совершенно стемнѣло; въ присутствіи оставался одинъ только чиновникъ, который пламенно желалъ производства въ слѣдующій чинъ, но боялся, что Егоръ Ивановичъ перебьетъ дорогу; потому что начальникъ отдѣленія всегда совалъ ему подъ носъ бумаги, писанныя Егоръ Ивановичемъ, приговаривая: «вотъ такъ поучитесь писать, за эти бумаги благодарности получаемъ, а за ваши выговоры тычутъ...» Отъ этого Егоръ Ивановичъ былъ ему бельмомъ на глазу. И теперь онъ рылся въ бумагахъ безъ всякой надобности: выжидая пока кончитъ Егоръ Ивановичъ, чтобы потомъ затащить его въ гостинницу и напоить, что было вѣрнымъ средствомъ раздражить противъ него начальника, который непремѣнно нападалъ на Егора Ивановича и бранилъ его, на что тотъ отвѣчалъ колко и такъ мѣтко, что начальникъ клялся его выгнать; но какъ всѣ важныя дѣла писалъ всегда Егоръ Ивановичъ, то и не легко было это сдѣлать, потому что и самъ-то начальникъ не смыслилъ дѣла.

Егоръ Ивановичъ сложилъ бумаги. Чиновникъ подошелъ къ нему съ любезностію. Передавая канцелярскія сплетни, выдуманныя на него, вмѣстѣ съ нимъ отправился домой, хотя ему была со всѣмъ другая дорога.

Поровнявшись съ гостинницей, чиновникъ остановился и сказалъ тономъ просьбы:

— Зайдемте!

— Не зачѣмъ! Пить зарокъ положилъ, — раскланивался Егоръ Ивановичъ.

— Постойте, удерживалъ его за руку чиновникъ, зайдемте на минуточку—мнѣ дѣло нужно вамъ передать.

Напоить хочетъ подлецъ, думалъ Егоръ Ивановичъ, да не удастся тебѣ гадина меня ужалить.

— Ну что-жъ вы боитесь, что-ли?... говорилъ чиновникъ съ ироніей.

Попробовать подрости съ Гурли, подумалъ Егоръ Ивановичъ.

— Чего мнѣ бояться? сказалъ онъ громко, пойдемте.

Они вошли въ гостинницу.

— Венгерскаго! закричалъ чиновникъ входя.

— Если это для меня, то напрасно трудитесь, я пить не буду...

— А можетъ быть рюмочку!.. удивляясь говорилъ чиновникъ; вѣдь это ваше любимое вино, а тутъ, какъ нарочно, только что привезли свѣжее.

— Не буду пить, твердилъ настойчиво Егоръ Ивановичъ, усаживаясь за столъ.

Принесли вино. Чиновникъ началъ медленно наливать золотистую влагу въ стаканы. Въ горлѣ Егора Ивановича, что-то защекотало. Глаза его невольно уставились на привлекательную влагу; ему захотѣлось глотнуть весь стаканъ разомъ, но онъ удерживался.... Невольно поднесъ онъ руку къ шеѣ и подъ пальцемъ зашелестѣлъ шелковый платочекъ Гурли; предъ глазами его промелькнуло блѣдное личико, съ ясными глазками полными мольбы: «не пейте! не пейте!»

— Откушайте! чудо что за винцо! подчивалъ чиновникъ, поднося стаканъ подъ самый носъ Егора Ивановича.

— Нѣтъ, не буду пить! сказалъ Егоръ Ивановичъ, отклоняя стаканъ.

Чиновникъ позеленѣлъ отъ злости. Вино стоило дорого и пришлось напиваться самому.

—Ну такъ я выпью, продолжалъ чиновникъ, принимаясь пить вино.

— На здоровье! отвѣчалъ Егоръ Ивановичъ, поглядывая спокойно на чиновника и, увидавши съ какой кислой миной глотаетъ тотъ дорогое вино, ему вдругъ сдѣлалось невыразимо весело. Поймался подлецъ въ свою собственную ловушку, думалъ онъ, потирая съ удовольствіемъ руки.

— Да выпейте-же! умолялъ чиновникъ.

— Благодарю покорно, раскланивался Егоръ Ивановичъ, вы вотъ лучше дѣло мнѣ объясните, за которымъ меня звали.

— Да дѣло послѣ, а теперь выпейте!

— Пить я не буду, а если дѣло послѣ, то я и зайду послѣ, а теперь,—мое почтеніе.

Егоръ Ивановичъ пошелъ домой. Самодовольно шагалъ онъ по улицѣ.

Поддѣлъ-же я его—вѣдь рублей десятокъ стоитъ вино, и самъ долженъ все выпить или половаго поподчуетъ—ха, ха, ха!... хохоталъ Егоръ Ивановичъ. Но поровнявшись съ галлереей своего дома—вдругъ поблѣднѣлъ. На окраинѣ окна, почти повисши на воздухѣ стояла Гурли на колѣняхъ; руки были заброшены на голову; глаза неподвижно устремлены на море, не двигаясь, она казалось вся была поглощена картиной, которая ей чудилась на морѣ.

Что дѣлать, раздумывалъ Егоръ Ивановичъ, обозвать—испугается; побѣжать схватить ее—опасно: при малѣйшемъ движеніи очутится на землѣ. Въ это время сзади Гурли показалась стройная фигура отца; онъ подкрался къ ней осторожно и, сдѣлавъ быстрое движеніе, обхватилъ ее руками; Егоръ Ивановичъ вздохнулъ свободно, и поспѣшилъ на галлерею.

— Зачѣмъ ты такъ заглядываешься на море: вѣдь ты можешь упасть и сдѣлать себя колѣкой, говорилъ отецъ Гурли, опуская ее на полъ.

— Я сама не знаю отчего мнѣ такъ хочется глядѣть на море; тамъ такія страшныя картины!...

— Ты лучше бы играла съ Ліей.

Гурли побѣжала искать Лію.

— Вамъ бы надобно квартиру перемѣнить, сказалъ Егоръ Ивановичъ, вѣдь она часто заглядывается,—это не хорошо; воображеніе у ней очень сильное; да и для васъ воспоминанія здѣсь такія тяжкія!....

— Да я ужъ объ этомъ думалъ, сказалъ отецъ, я просилъ ту квартиру—знаете, съ большимъ садомъ: тамъ имъ будетъ гдѣ побѣгать.

— Да, да! это прекрасно; зелень, цвѣты, это развлечетъ. Честь имѣю кланяться, доканчивалъ Егоръ Ивановичъ, думая уйти.

— Куда-же вы, будемъ чай вмѣстѣ пить пригласилъ отецъ.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! поспѣшилъ отвѣчать Егоръ Ивановичъ, слѣдуя за отцемъ въ столовую, гдѣ вокругъ стола собрались уже всѣ.

При входѣ Егора Ивановича дѣти поспѣшили съ нимъ раскланяться, а тетенька Саша сдѣлала презрительную гримасу. Аня засуетилась наливать чай, а Лія, подбѣжавши, подала ему ручки, чтобы онъ взялъ ее на руки. Усѣвшись за столъ подлѣ Гурли, Егоръ Ивановичъ потѣшалъ отца разсказомъ, какъ не удалось чиновнику его напоить: «да и кисло-же ему показалось глотать своихъ десять рублей. Ажъ покоробило его», докончилъ Егоръ Ивановичъ.

Посмѣявшись вдоволь, отецъ призадумался, потомъ сказалъ:

— Слышалъ я, что въ Н..ѣ ищутъ дѣльнаго чиновника. Бросить бы вамъ эту сорную яму, да попробовать въ другомъ мѣстѣ счастья,—авось вывезетъ; еслибы вамъ по чаще удавались сегоднешнія побѣды, такъ въ успѣхѣ и сомнѣнія не было бы, потому что дѣла и законы вы знаете.

— Попробовать развѣ, раздумывалъ Егоръ Ивановичъ.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ, сказалъ весело отецъ, и я вамъ не много помогу—съѣзжу къ этому господину, А вы сегоднешнее происшествіе въ огласку пустите; двугривенный половому—и дѣло въ шляпѣ....

И дѣйствительно не прошло недѣли, какъ въ городѣ забарабанили объ неудавшейся попойкѣ. Несчастнаго чиновника всѣ спрашивали «вкусно ли венгерское въ гостинницѣ?» Егоръ Ивановичъ былъ веселъ и трезвъ. Каждый день хотя на минуточку забѣгалъ онъ въ комнату отца перемолвить словечко и поласкать Гурли. Наконецъ жалованье свое все принесъ женѣ, что случалось только въ первое время женитьбы. Жена сейчасъ сшила мантилью, которой ей такъ хотѣлось и перестала ворчать и жаловаться. Спокойствіе Егора Ивановича стало невозмутимо.

II.

Вскорѣ стали готовиться переходить въ другой домъ. Когда вещи были отправлены, отецъ собралъ дѣтей и повелъ ихъ на новую квартиру. Не входя въ домъ онъ завелъ ихъ въ садъ. Увидѣвши группы пестрыхъ цвѣтовъ, Лія захлопала ручками и побѣжала къ нимъ.

— Вотъ тотъ красненькой сорви! кричалъ ей вслѣдъ отецъ. А ты это что принялась дѣлать?

— Сѣмяна сбираю, отвѣчала Маруся.

— Дѣло! А ты повитель думаешь завить, обратился онъ къ другой—такъ не достанешь, вели стулъ принести. Ты же что копошишься? спросилъ онъ у брата.

— Да вотъ гусеницы вѣтку грызутъ! отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну такъ ты ее обрѣжь—видишь завяла!

Онъ пошелъ дальше.

— Ты чѣмъ занялась? спросилъ онъ Аню.

— Салатъ рву на обѣдъ.

— Ахъ хозяйка моя дорогая, промолвилъ онъ улыбаясь. Чего же ты цвѣтовъ не рвешь? спросилъ онъ останавливаясь передъ Гурли, стоявшей въ раздумьѣ у входа поднявши руки на голову. Глаза ея перебѣгали съ пестрыхъ грядъ цвѣтовъ на роскошную зелень виноградника, на лужайку и на долго останавливались на группѣ высокихъ вербъ, бросавшихъ свои вѣтви до земли....

— Жаль папа, отвѣтила она; какъ бы просыпаясь отъ раздумья, они такіе хорошенькіе, сорвать—завянутъ, а на грядкѣ они долго будутъ цвѣсти. Скажи мнѣ папа, отчего у этихъ деревьевъ вѣтки упали до земли, какъ будто они завяли и подъ ними какъ будто движутся тѣни.

— Вербы всегда такъ ростутъ, это ихъ природа, а тѣни оттого, что вѣтеръ колышетъ ихъ вѣтки. Однако пора обѣдать. Пойдемъ дѣти, кончилъ отецъ.

И всѣ гурьбой пошли въ домъ.

Скоро Гурли стала проводить цѣлыя дни въ саду. Взлѣзши на высокій кленъ, жадно взглядывалась въ растилавшіяся передъ ней картины; подъ ногами пестрѣлъ садъ, передъ глазами тянулся городъ, утопая въ зелени, тамъ виднѣлись кресты и памятники кладбища, дальше синѣло море и заслоняла его масса зелени ближнихъ садовъ. Весело летали и чирикали вокругъ ея птички, привыкшія къ ея присутствію. Улыбалась имъ Гурли и часто призадумывалась, слушая шелестъ листьевъ, и все хотѣлось ей понять, что шепчутъ деревья, что цвѣты говорятъ, когда ихъ вѣтеръ колышетъ. Только веселый смѣхъ Ліи выводилъ ее изъ раздумья и увлекалъ въ дѣйствительную жизнь... Когда всходила луна, какія-то фантастическія тѣни бродили подъ густыми вѣтками вербъ....

Однажды деньщикъ, встрѣтивши Гурли поздно идущую изъ сада, сказалъ ей:

— Вы барышня, долго такъ не гуляйте въ саду; одна тамъ собака большущая ходитъ, покусаетъ еще.

— Да и собака-то, не собака, а вѣдьма—говорятъ, сказала Ганна, снимавшая бѣлье. Вы не ходите Гурли, а то она васъ испортитъ....

Войдя въ комнаты, Гурли стала у столика, гдѣ Лія строила карточныя домики; и задумалась....

Долго глядѣлъ на нее отецъ и потомъ спросилъ:

— О чемъ это ты задумалась?

— Да говорятъ, что вѣдьма ходитъ у насъ въ саду и что она испортить можетъ....

— Вѣдьма—выдумки, она не существуетъ, сказалъ отецъ, а чтобы увѣриться, что это враки—возьми кусокъ хлѣба и поди въ садъ завтра,—тамъ вѣроятно собака.

Дождавшись желаннаго вечера. Гурли стала пробираться въ садъ. Деньщикъ хотѣлъ было остановить ее, но отецъ погрозилъ ему и осторожно послѣдовалъ за ней. Выбравши себѣ мѣсто, гдѣ сходятся четыре алеи, Гурли сѣла и начала смотрѣть на вербы, подъ вѣтками которыхъ все ей чудилось, что кто-то ходитъ; заглядѣлась и вскорѣ совсѣмъ забылась. Отецъ молча присѣлъ на скамью и сталъ ждать.... Изъ виноградника показалась огромная бѣлая собака и направилась потихоньку къ Гурли. Отецъ всталъ и, взявши палку, тоже сталъ приближаться. Собака, почуя хлѣбъ, чмокнула и мордой вдругъ толкнула Гурли. Она опомнилась и съ испугомъ откинулась назадъ.

— Собака!! какая большая—укуситъ меня!

— Брось ей хлѣбъ! не укуситъ, поспѣшилъ сказать отецъ.

Гурли бросила кусокъ: собака замахала хвостомъ.

— Ну, видѣла вѣдьму? Страшная?

— Да это голодная собака! Отчего ея вѣдьмой назвали?...

— Да, вотъ мы съ тобой не трусливы и никто насъ ни чѣмъ не напугалъ; такъ мы и видимъ все такъ, какъ оно есть. А другихъ вотъ напугаютъ разными выдумками—вѣдьмами, домовыми, привидѣньями, они и вѣрятъ—боятся; а когда случится сдѣлать что нибудь неожиданное, имъ и представляется, что нибудь необыкновенное; они пугаются и уже ничего не способны

размыслить и разглядѣть и вѣрятъ, что они дѣйствительно видѣли то, про что имъ разсказывали....

Когда Гурли воротилась въ дѣтскую, Аня съ удивленіемъ спросила:

— Гдѣ это ты была?

— Въ саду вѣдьму смотрѣла!

— Господи! какъ ей нестрашно проговорила Аня, разкрывая свой молитвенникъ.

Сказки Таньки не остались безъ вліянія на ея умъ. Аня боялась всего, сама неотдавая себѣ отчета, почему ей иногда было страшно перейти одной темную комнату.

— Что страшная вѣдьма? спросила робко Лія, когда Гурли улеглась возлѣ нея.

— Нѣтъ Лiичка, это собака! Вѣдьмы нѣтъ, это выдумали...

— Совсѣмъ нѣтъ? спрашивали Лія, заглядывая въ глаза Гурли....

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала та съ убѣжденіемъ.

Лія ее обняла и дѣвочки заснули.

III.

Брату Гурли подошла пора заняться серьезно науками, а чтобы не скучно ему было одному заниматься, взяли въ домъ дальняго родственника Мишу, юношу лѣтъ 18-ти, съ которымъ родители не знали, что дѣлать. Наука недалась ему; не смотря, что Миша физически былъ совершенно развитъ и вполнѣ понималъ прелесть женской ласки, какъ онъ выражался, потому-что учитель, договоренный для него въ деревнѣ, очень рано сталъ его брать на вечерницы и посидѣлки и вообще вездѣ, гдѣ собирались дѣвки. Нѣжные же папаша и мамаша, тяготясь конечно заботою о шаловливомъ ребенкѣ и видя, что подъ руководствомъ такого учителя мальчикъ пересталъ шалить дома, не знали какъ благодарить дорогаго наставника за то, что онъ не на минуточку не оставляетъ ихъ дитя одного. Бѣднымъ и въ голову не приходило, какую порчу дѣлали ребенку развитіемъ чувственности, оставляя умъ тупѣть въ бездѣйствіи....

Съ первыхъ же поръ пріѣзда Мишѣ приглянулась Маруся. И частенько потомъ приходилось Гурли въ саду, забравшись на

высокое дерево изъ-за густой зелени вѣтокъ, слышать какъ шептались Миша съ Марусей, сидя на лужкѣ и какъ казались сладки слова любви и думалось Гурли какъ хорошо любить, какъ хорошо быть любимой. Не разъ случалось просиживать имъ и за полночь. Эти-то невинныя свиданія подглядѣлъ садовникъ, пересказалъ фавориткѣ Настѣ, а та, переведя на свои понятія, долгомъ сочла доложить тетенькѣ Сашѣ: «что барышня Маруся пропадаетъ, что паничь Миша совсѣмъ ее погубитъ». Тетенька Саша приняла живое участіе въ заключеніяхъ Насти и стала уговаривать Аню, чтобы та требовала отъ отца, чтобы Марусѣ запретили ходить въ садъ и чтобы ей сдѣлали выговоръ.

— Помилуй, чѣмъ это можетъ кончиться, вѣдь она дѣвчонка, а отъ такого развратнаго мальчишки чего добраго можно ждать. А вѣдь все это на насъ упадетъ, одна такая, скажутъ,— такъ и всѣ такія, за чтожь мы будемъ невинно страдать....

Аня разсказала отцу и стала просить, чтобы Марусѣ запретили гулять въ саду, утверждая, что не она, а тетенька Саша не хочетъ, чтобы ихъ имя попало въ скандалъ.

Отецъ сталъ ее успокоивать и прибавилъ: «что если тетенька Саша боится, что его дочери могутъ повредить ея репутаціи, то она можетъ оставить его домъ.

— И оставлю, закричала тетенька Саша, услышавши изъ другой комнаты, гдѣ она подслушивала слова отца и, раздраженная тѣмъ, что ея протесты не удались, и что Марусѣ которую она напугала чуть не заточеніемъ, пройдетъ все безнаказанно. Едва живая, ждала Маруся рѣшенія своей участи, раздумывая, впро чемъ, чѣмъ она виновата, что любитъ! И за чѣмъ его приняли и за чѣмъ позволили гулять съ ней....

Когда все успокоилось, отецъ позвалъ Мишу и сказалъ ему, что такъ какъ его пребываніе не обошлось въ дом безъѣ скандала, то онъ долженъ искать себѣ квартиру. Между тѣмъ тетенька Саша подговорила садовника, Настю, Аню и составила полицію вокругъ Маруси, такъ что ей нельзя было выйти одной ни на минуту. Миша бѣсился, Маруся плакала. Гурли стало жаль:

— Маруся ты плачешь, что говоритъ съ Мишей нельзя, сказала она ей. Хочешь я ему скажу, чтобы онъ пришелъ за стѣну сада, а ты въ садъ иди. Онъ взлѣзетъ на стѣну и будете говорить.

Маруся отвернулась, чтобы скрыть свою улыбку.

— Не нужно, а вотъ ты отдай ему эту бумажечку, да сама

не читай и никому непоказывай. Она поспѣшно написала записочку. «Не будешь читать, спросила она Гурли»?

— Нѣтъ! отвѣчала та твердо.

Маруся радостно отдала записку и побѣжла въ садъ. Она знала, что слово Гурли вѣрно.

— Чего это она обрадовалась, сказала тетенька Саша, увидѣвши ее бѣгущую. Настя! Настя! крикнула она.

— Чего изволите? сказала та, выскакивая изъ дѣвичьей.

— Миша въ саду?

— Нѣтъ учатся, я ужь стерегу...

— Ну смотриже!...

— Я прибѣгу тогда сказать, сказала Настя тетенькѣ Сашѣ. Та успокоилась.

Между тѣмъ Гурли, никѣмъ незамѣчанная, спустилась внизъ и прошла въ комнату Миши, гдѣ учитель въ это время давалъ уроки. Миша сидѣлъ, подперши голову, предъ нимъ лежала доска съ начерченнымъ угломъ. Братъ углубился въ какое-то вычисленіе. Учитель внимательно слѣдилъ за нимъ. Гурли тихонько подкралась къ Мишѣ и положила предъ нимъ записочку, тотъ оглянулся, приложивъ палецъ къ губамъ, она показала на свернутую бумажку. Онъ прочелъ ее и радостная улыбка мелкнула на его губахъ, схвативъ первую попавшуюся тетрадь, вырвалъ уголъ листа, чиркнулъ два слова и поспѣшно сунулъ его въ руки Гурли. Она также тихо пошла къ дверямъ. Братъ уже кончилъ вычисленіе и вздохнулъ свободно.

— Вѣрно! сказалъ учитель. Ну, а вы—измѣреніе угла? обратился онъ къ Мишѣ.

— Ну ихъ къ черту всѣ ваши углы! Я расположенъ сегодня вымѣрять не величину угла, а величину стѣны...

— Это какъ вамъ угодно, отвѣчалъ учитель, только изъ-за какого-же чорта вы мнѣ деньги платите?

— Да ужь не за то-же, чтобъ мнѣ мѣшали жить...

— Въ такомъ случаѣ—прощайте!

— Прощайте! я проведу васъ за калитку, сказалъ Миша и, схвативъ шапку, пошелъ за учителемъ.

Настя бросилась на верхъ къ тетенькѣ Сашѣ.

—Ушелъ, барышня! Совсѣмъ со двора ушелъ, съ учителемъ вмѣстѣ.

— Пусть-же ждетъ его въ саду, сказала тетенька Саша.

Дай мнѣ одѣться, я въ гости пойду, а ты смотри, какъ онъ воротится—Анѣ скажи....

— Слушаю, отвѣчала Настя.

Между тѣмъ Миша, обѣжавши кругомъ сада, остановился подъ высокой стѣной перевести духъ. За стѣной гуляла Маруся, напѣвая малороссійскую пѣсню. Гурли, качалась на высокомъ деревѣ, видѣла какъ Миша перелѣзъ стѣну, какъ шептались съ Марусей они долго, долго, пока не послышался голосъ Ани въ сосѣдней аллеѣ. Но Аня нашла Марусю одну подъ вербами.

— Иди чай пить, сказала она ей.

— Приду, отвѣчала та спокойно.

— Ну что? спросила тетенька Саша, воротившись изъ гостей, онъ скоро вернулся?

— Только-что, докладывала Настя.

— А она все ждетъ его?

— Въ саду и теперь гуляетъ.... сказала Аня.

— Дуръ нашла, чтобъ мы позволили ей видѣться,—пусть ожидаетъ, самодовольно говорила тетенька Саша.

— Такъ и станетъ она спрашивать вашего позволенія, замѣтила Гурли усмѣхнувшись....

— Ты чего вмѣшиваешься, гадкая дѣвченка, не въ свое дѣло, закричала на нее тетенька Саша.

Гурли убралась въ уголокъ и начала раздумывать: отчего Марусѣ запрещаютъ видѣть Мишу, когда имъ такъ весело, такъ хорошо вмѣстѣ и какое дѣло до того другимъ.

— Одинъ разъ какъ-то, когда Миша уже перебрался изъ дома, Марусѣ вздумалось устроить свиданье. Переодѣвшись въ платьѣ брата, перелѣзла черезъ стѣну и хотѣла идти, но вдругъ чего-то испугалась, бѣдная дѣвочка, и воротилась.....

IV.

Впрочемъ не долго такъ тянулось. Брата и Мишу отвезли въ Петербургъ. Много плакала и тосковала по немъ Маруся, но чего не вылечитъ время. Скоро изчезла изъ семьи тетка Саша, но навсегда осталось зло, сдѣланное ею. Дружба сестеръ не возстановлялась; они какъ-то не дружелюбно глядѣли другъ на друга. А жизнь все шла да шла своимъ чередомъ. Разъ вечеромъ Аня воротилась изъ гостей и пошла прямо къ отцу.

— Папа, сказала она, пріѣхалъ танцовальный учитель, говорятъ чудо какъ танцуетъ, всѣ своихъ дѣтей отдаютъ къ нему учиться; отдадимъ и мы Гурли и Лію, а то Гурли такимъ упыремъ смотритъ, просто совѣстно взять ее куда нибудь. Буду возить ихъ сама.....

— Вози, отвѣтилъ отецъ, это для тебя развлеченіе будетъ.

— И вотъ Гурли, до сихъ поръ оставленную на волѣ, затянули въ корсетъ, и безъ того маленькія ножки втиснули въ узкіе башмачки; роскошные волосы заплели въ сотню маленькихъ косъ; разодѣли, какъ куклу, и привезли въ ярко-освѣщенную залу, гдѣ толпилось много разодѣтыхъ дѣвочекъ. Лія, какъ птичка, порхнула въ ихъ кружокъ; всѣмъ она протягивала свои ручки; ко всѣмъ ласкалась, распрашивала какъ зовутъ, есть ли цвѣточки? Гурли медленно подошла къ первому окну и, облокотившись на поддоконникъ, угрюмо стала смотрѣть на пеструю толпу; ей дико казалось здѣсь: она привыкла къ свободѣ. Маленькая хозяйка кругленькая, съ черными глазками, Анета, изъ которой ея маменька пламенно желала сдѣлать свѣтскую любезную даму, подбѣжала къ Гурли и, улыбаясь спросила ее:

— Скажите съ кѣмъ вы хотите подружиться, я вамъ ту и приведу, выбирайте, видите какъ насъ много!

— А что значитъ подружиться? спросила Гурли.

— Какъ что? возразила съ удивленіемъ Анета, ну будете вмѣстѣ ходить, говорить....

— Развѣ у васъ можно ходить и говорить съ той только, которую выберешь?

— Нѣтъ со всѣми можно, говорила на распѣвъ Анета, видимо не умѣя объяснить, что значитъ подружиться,—да постойте—я объясню вамъ это, прибавила она и полетѣла къ своей мамашѣ.....

— Маманъ, сказала она, что значитъ подружиться?

— Ну полюбить такъ, какъ ты любишь своихъ подругъ, отвѣтила мама серьезнымъ тономъ и принялась горячо объяснять своимъ гостямъ фасонъ мантильи бывшей въ обѣднѣ на адмиральшѣ.

— Анета отошла и въ раздумьи остановилась на дверяхъ залы «монъ-дье», вскричалъ одинъ изъ гостей, только что доказавшій хорошенькой барышнѣ что любовь выше дружбы.

— Въ первый разъ вижу Анетъ въ раздумьи, вѣчно смѣющаяся, что съ вами сталось?

— Объясните мнѣ, что значитъ подружиться? поспѣшно спросила его Анетъ.

— Будто вы не знаете?

— Я знаю, сказала запальчиво Анетъ, да объяснить не могу!

— Да объяснять то для чего?...

Анетъ показала на Гурли, что она требуетъ объясненій.

— Ну пойдемъ къ ней, сказалъ гость подумавши. Вы развѣ ни съ кѣмъ ни дружны? спросилъ онъ Гурли, подсѣдая.

— Я не знаю, что такое быть дружнымъ, отвѣчала Гурли, не перемѣняя позы.

— Ну развѣ вы ни съ кѣмъ не знакомы?

— Нѣтъ! къ папѣ ходятъ много офицеровъ; я знаю ихъ, развѣ это значитъ быть дружнымъ?...

— Нѣтъ, я спрашиваю такихъ маленькихъ, какъ вы, никого не знаете?

— У сосѣда портнаго много дѣтей; я часто раздаю имъ лакомства, развѣ это называется быть дружнымъ?...

— Нѣтъ! я говорю не знаете ли такой благородной какъ вы?

— Какъ это,—благородной?

— Ну барышни маленькой такой какъ вы.

— Я знаю маленькую Клавдію.

— Ну, ну вы ее очень любите?

— Нѣтъ, не люблю.

— А за что вы съ ней ссорились?

— Я съ ней никогда не ссорилась.

Гость сталъ играть своей цѣпочкой, потомъ вдругъ вынулъ часы.

— Ахъ, Анетъ! пора урокъ начинать, скажите учителю; говорилъ онъ вставая. Какую вамъ тупую дѣвочку привезли учиться, говорилъ онъ, подходя къ танцмейстеру. Будетъ вамъ мука съ нею не столкуешь!...

— Будто бы? спросилъ учитель, попробуемъ съ нея и начать. Модмоазель—обратился онъ къ Гурли, не угодно ли будетъ вамъ начать танцовать?

— Я никогда ни танцовала, какъ же я могу начать?

— Я вамъ покажу.

— Покажите другимъ, я посмотрю, какъ танцуютъ и тогда попробую.

— Ну ужь позвольте мнѣ начинать съ того, съ кого я хочу. Неугодно ли вамъ стать здѣсь.

Гурли медленно повиновалась.

— Не угодно ли вамъ принимать всѣ позы, какія я буду дѣлать, продолжалъ важно учитель.

— Это значитъ вы будете обезьяной, а я зеркаломъ,— это веселая игра, сказала Гурли, оживляясь и ловко принимая представленную ей позу. При словѣ обезьяна лицо учителя передернуло, но, при видѣ граціозной позы Гурли, онъ улыбнулся.

— Теперь второе па, прибавилъ онъ ласково.

Гурли, ободренная удачей и ласковымъ тономъ, дѣлала па за па, пируэтъ за пируэтомъ, все легче, все граціозней... Такъ что и самъ учитель увлекся ею.

Хозяйка дома, расчитывавшая, что все вниманіе будетъ обращено на ея Анетъ, которую она давно уже и сама учила, надулась. Дамы, привезшія своихъ дочекъ на урокъ, стали недовольнымъ тономъ перешептываться. Наконецъ гость, которому не удалось объяснить, что такое быть дружнымъ подошелъ къ учителю и, дотронувшись до рукава его моднаго фрака двумя пальцами, произнесъ:

— Не довольно ли съ одною вѣдь у васъ ихъ пятнадцать.

— Я это очень хорошо помню, отвѣчалъ учитель, сдвигая брови. Потомъ онъ сдѣлалъ граціозный реверансъ, Гурли ему отвѣчала.

— Теперь не угодно ли вамъ? сказалъ онъ обращаясь къ Анетъ. Та стала такъ, какъ ее уже выучили. Учитель горячился; Анетъ конфузилась, мама кусала губы. А Гурли снова подошла къ тому же окну, снова облокотилась на поддоконникъ и равнодушно начала глядѣть на окружающую пестроту... Уроки продолжались, дѣвочка смѣняла дѣвочку; одна конфузилась, другая не понимала, та подпрыгнуть боялась... Учитель, утирая платкомъ потъ съ лица, трудился вбить каждой свое искусство, показывалъ, разсказывалъ, поправлялъ, передразнивалъ неловкихъ, благодарилъ тѣхъ, кому удавалось протанцовать ловко. Лія весело отпрыгала свой урокъ и поскакала на одной ножкѣ къ Гурли, хлопая въ лодоши отъ радости.

Въ 12 часовъ уроки кончились; Аня отвезла дѣтей домой

совершенно утомленныхъ. Съ этого вечера Аня пристрастилась къ мысли сдѣлать изъ Гурли и Ліи свѣтскихъ дѣвицъ. Цѣлые дни стала просиживать она, дѣлая имъ модные наряды; то завивала волосы и ни на минуту не оставляла Гурли въ покоѣ: то идетъ она не такъ, то глядитъ не хорошо, то зачѣмъ голова опущена на грудь—и рѣдко, рѣдко удавалось ей забиться въ уголокъ.—Въ садъ ужъ не выходили—начиналась зима, за то же, когда оставляли одну, съ какимъ наслажденіемъ предавалась она своимъ мечтамъ, своему обычному покою. Много стали привозить къ нимъ дѣвочекъ, но она осталась дружна толька съ Ліей: ни одна не сошлась съ ней. Между тѣмъ всѣ игры необходились безъ Гурли: Лія не умѣла играть. Да и трудно было замѣнить кому Гурли. Хотѣлось-ли Ліи качаться—Гурли взлѣзала на деревья и привязывала качели.—Захочетъ ли кататься—Гурли лошадь и возитъ Лію въ маленькой коляскѣ; порветъ ли кто платье—Гурли зашьетъ; запачкается ли кто—Гурли упроситъ Ганну замыть; ушибется ли кто—Гурли ловко натретъ стальную пластинку о камень и прикладываетъ, такъ что и синяка не останется, не будетъ сердиться ни маменька, ни гувернантка. Къ тому же Гурли всегда всѣхъ мирила; она никогда не пересказывала ни кому о томъ, что слыщала, оттого ей всѣ довѣряли и смѣло обо всемъ говорили, тогда какъ другія дѣвочки, поссорившись, бѣжали къ старшимъ пересказывать, что узнали отъ другихъ подругъ. Выходили сплетни, дрязги, дѣтей наказывали.... Подруги часто повѣряли Гурли таины своихъ родныхъ, ихъ недостатки и ложныя поступки. Молча выслушивала ихъ Гурли и страннымъ казалось ей и не могла она придумать, для чего они извращаютъ свои дѣйствія, когда такъ легко и спокойно жить безъ лжи.

V.

Были имянины Ани. Гостей собралось много. Долго не рѣшалась Гурли выйти, наконецъ она медленно отворила двери и вышла въ чайную, гдѣ горничная проворно перемывала чашки. Возлѣ стола сидѣло нѣсколько нянекъ, осуждавшихъ дѣйствія своихъ господъ; при видѣ Гурли они замолчали, но успокоенныя горничной: «что эта барышня никому не разскажетъ», онѣ продолжали свой разговоръ и даже одна изъ нихъ хотѣла ее

приласкать, но Гурли почему-то непріятна показалась эта ласка, она невольно отшатнулась и поспѣшно вышла въ столовую. Тамъ группами сидѣли и стояли маленькія дѣвочки, болтавшія объ игрушкахъ, обновахъ или жаловавшіяся на своихъ гувернантокъ и учителей. Обойдя всѣ кружки и не найдя ни въ одномъ ничего занимательнаго, Гурли пошла въ другую комнату. Тамъ за карточными столами сидѣли старые моряки; карты впрочемъ были у нихъ для порядка,—занимали ихъ больше собственные разсказы. Одни вспоминали старину; другіе говорили о послѣднемъ плаваніи; третьи строили предположенія о новомъ назначеніи.

— Вотъ яхта, такъ яхта, доказывалъ! горячась одинъ. Какъ барышня на паркетѣ, такъ она на волнахъ поворачивается, а паруса—фю! такъ и слѣтятъ, не успѣешь моргнуть.

— Ну, а шкуны я все таки не промѣняю, горячился другой, вѣдь какое изящество, а на водѣ-то какъ сидитъ—залюбоваться!... Гурли занялась слышанными разговорами. Разсѣвшіяся въ гостинной важно на диванахъ дамы проповѣдывали свои правила, добытыя опытомъ жизни. Тутъ генеральшѣ С..... шопотомъ пересказывала не менѣе почтенной генеральша У..., что на дочку Олиньку заговоръ насланъ: «повѣрите такъ пожелтѣла, на силу, на силу теперь отшептали — болѣть стала! А это ужъ никто, какъ эта любезница, прибавляла она, показывая глазами на полковницу С... Свою дочку выдать хочетъ, такъ другія и мѣшаютъ! Вѣрите ли ни разу не переступила моего порога правой ногой, лѣвой да лѣвой. Это ясно что добра дому не желаетъ, а за столомъ непремѣнно крестомъ вилку и ножъ положитъ, точно у меня покойникъ въ домѣ...» Въ это же время полковница С... жадно увлеклась описаніемъ генеральшѣ З..... новаго моднаго магазина.—«Одна матерія, тамъ говорила та, синяя въ тѣнь, такъ и переливается, такъ и переливается—точно волна.... Скажите, какая прелесть»! восторгалась слушательница, «непремѣнно Машу свою туда повезу. Ну,—займу, а Машѣ такое платье сошью!...» Ни кѣмъ незамѣчаемая ходила Гурли отъ кружка къ кружку. Въ залѣ по обыкновенію сходилась молодежь,—Гурли и тамъ прислушивалась....

— Неужели вы вѣрите такимъ предразсудкамъ, какъ заго-

воръ и напущеніе? спрашивалъ усатый офицеръ, наклоняясь къ молодой барышнѣ, аппетитно высасывавшей апельсинъ.

— Какъ же не вѣрить, когда маменька сама была заговорена, отвѣчала барышня.

— Что-жъ она тогда чувствовала? опять спросилъ смѣясь офицеръ.

— Она говорила что ей стало такъ скучно, что ужасъ.... ее и въ гости возили и новыя пяльцы ей сдѣлали и надъ головой воду святили. Нѣтъ—все скучно и скучно! Позвали бабку; та сказала, что заговорена и помочь нельзя иначе, какъ замужъ отдать.... Вотъ и уговорили папеньку жениться....

— И прошло? продолжалъ спрашивать офицеръ съ улыбкой.

— Прошло, отвѣчала наивно барышня. Что жь вы смѣетесь? я правду говорю. Ну ужь вамъ ничего нельзя сказать, продолжала она, надувая губки.

—Ну, а вамъ—не скучно? спросилъ офицеръ наклоняясь еще ниже.

— Нѣтъ у насъ много знакомыхъ.

Въ это время проходившая другая барышня, показывая глазами на говорившихъ, спрашивала своего кавалера:

— Скажите, ну о чемъ можно говорить съ ней? Вѣдь она, какъ горничная, вѣритъ всякимъ предразсудкамъ. Я право не понимаю, какъ можно такъ жить... Меня мама часто даже бранила за мое невѣріе. За то, какъ мы съ братомъ сойдемся, да еще прійдетъ его пріятель, такъ мы зададимъ тогда всѣмъ этимъ кумушкамъ, кончила барышня, показывая глазами на гостинную.

— И маменьку не пожалѣете? подговорилъ офицеръ.

— А что-жь, когда она старыхъ понятій и всѣмъ глупостямъ вѣритъ. Я чту ее какъ мать, но вѣдь нельзя же мнѣ быть ея понятій.

— Чѣмъ это такъ увлеклась М-е Эмилія, спрашивалъ въ это время сидѣвшій офицеръ свою сосѣдку, обращая вниманіе на проходившихъ.

— А вѣроятно осуждаетъ и старыя обычаи и старыя понятія. Это ея любимая тема. Хочется быть умнѣй другихъ, выскочкой, а по мнѣ—что принято то и надо дѣлать.

— Ахъ жаль что я немогу познакомить съ нею нашего

молодого мичмана! Онъ такое презрѣніе показываетъ ко всѣму старому.

— И вѣроятно все дѣлаетъ по старому, какъ и Эмилія прервала его барышня.

— О, конечно! подтвердилъ сосѣдъ.

Подлѣ фортепьяно уговаривали одну изъ дѣвицъ что нибудь спѣть. Она жеманилась и отговаривалась, пока другая какъ хозяйка не начала первая. Гурли помѣстясь возлѣ окна, слушала все это глядя на луну и задумывалась...

Отчего это всѣ смѣются?—отчего имъ весело!—чему они радуются? А между тѣмъ одинъ про другаго такъ скверно говорятъ и долго она оставалась такъ, пока Лія не вывела ее изъ задумчивости приглашеніемъ играть роль коршуна.

VI.

И все такъ жилось Гурли,—а время летѣло настала весна; распустились деревья; зацвѣли цвѣты. Съ восходомъ солнца Гурли уже была въ саду. Припавъ на колѣни, она разсматривала, какъ открываются чашечки цвѣтовъ или какъ трава растетъ. Все она слушала, ей хотѣлось понять шопотъ листьевъ... Но не давали ей долго оставаться одной. Аня боялась, чтобы она опять не одичала и старалась безпрестанно чѣмъ нибудь занимать:—кататься, ѣздить въ гости, гулять по улицѣ. Однажды устроилось катаніе на катерахъ по рейду; много знакомыхъ собралось къ отцу. Въ ожиданіи часа отправленія, мужчины засѣли въ карты; маленькія дѣти расположились играть среди двора. Вдругъ изъ конюшни выскочила лошадь и пустилась галопировать. Дѣти разбѣжались,—осталась одна только маленькая Маша.

— Спасите мое дитя! закричала Анна Морозъ, закрывая лицо руками.

— Да она пробѣжитъ мимо! сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Эй, человѣкъ! закричалъ другой, возьми ребенка.

Офицеръ Острый побѣжалъ къ выходу, а Гурли, при крикѣ Анны, прыгнула изъ окна галлереи на ступеньки и, сбѣ-

жала на землю, схватила ребенка и играя съ нимъ принесла въ галлерею дома. Испуганная Анна сжала свое дитя въ объятіяхъ и когда порывъ материнской любви прошолъ, она, обратясь къ Гурли сказала съ нѣжной лаской.

— Душка моя! вы спали мое дитя! Скажите, — что вы любите? Что могу сдѣлать вамъ пріятное? Мнѣ хотѣлось бы быть вамъ благодарной!

— Поцѣлуйте меня такъ, какъ цѣловали сейчасъ Машу, отвѣтила Гурли.

— О, это я и такъ готова сдѣлать! проговорила Анна, съ горячностію прижимая къ себѣ Гурли.

При этой горячей ласкѣ щеки Гурли вспыхнули, глаза заблистѣли: Анна оставалась на минуту пораженной.... Никогда не случалось ей видѣть такой глубины чувства, какое отразилось въ эту минуту на маленькомъ лицѣ Гурли.

— Ну что! крѣпко ушиблась? раздался подлѣ нихъ голосъ самаго Мороза.

— Нѣтъ! сказала Анна, благодаря Гурли!

— Ну и хорошо, — а я думалъ раздавили.... заключилъ Морозъ, махая рукой и, не слушая больше, отправился къ карточному столу....

Съ этой поры Анна привязалась къ Гурли. Эта дружба женщины съ дѣвочкой казалась смѣшною для всѣхъ. — Помилуйте, разсуждала одна, что она находитъ говорить съ этой дѣвочкой? — «Ужъ не говорите! твердила другая; добро бы дѣвочка была порядочная, а то вѣдь сорванецъ какой-то: лазитъ и прыгаетъ какъ мальчишка — ажъ страшно». «Да, дикая какая! такіе дѣлаетъ вопросы, что на нихъ не найдешь что отвѣчать». «Скажите? перебила ее третья, вотъ и я хотѣла ее поласкать: она вдругъ говоритъ мнѣ — зачѣмъ вы цѣлуете, когда вамъ не хочется».

Между тѣмъ Анна Морозъ еще больше привязалась къ Гурли. Она говорила съ ней о своемъ прошедшемъ и мало по малу передала ей всю жизнь. Эти разсказы представляли новыя картины для Гурли и часто она заслушивалась живой рѣчи Анны, которой необходимо было только участіе, ласка живаго существа, а въ Гурли она нашла все это съ избыткомъ, во всей полнотѣ любящаго сердца.

VII.

Родина Анны—Кавказъ. При самомъ рожденіи лишившись матери,—она всѣ ласки свои дѣлила съ единственной подругой-сироткой, найденной въ одномъ аулѣ, при занятіи русскими и взятой къ себѣ отцомъ Анны... Только и отрады ей было играть съ своей подругой, слушать ея рѣчи, смотрѣть на ея странные танцы: никого другихъ не видѣла она, никто посторонній не приходилъ къ нимъ. Въ опредѣленное время отецъ призывалъ ее на уроки. Училъ всему, что самъ зналъ; по цѣлымъ часамъ заставлялъ дѣлать математическія вычисленія или читать объ астрономическихъ наблюденіяхъ. Знала Анна какъ чертить любой осмиугольникъ, но не знала какъ зашить свое платьице; твердо знала названіе каждой звѣзды на небѣ, но не имѣла понятія откуда берутся соленые огурцы на землѣ, если бы кто сказалъ, что они такими родятся—она повѣрила бы. Такъ росла и развивалась Анна, такъ минуло ей пятнадцать лѣтъ. Появился молодой черкесъ. Часто сталъ онъ спускаться съ высокой горы къ самому ручью; ярко блистѣла оправа на его оружіи, но, казалось, ярче блистѣли его черные глаза; смѣло гарцовалъ онъ на высокой крутизнѣ, гдѣ другіе едва смѣли пускаться. Часто погружалъ онъ своего коня въ воды ручья, а самъ глядѣлъ на Анну, сидѣвшую на другомъ берегу, но ручья не переплывалъ... Сильно билось у нея сердце тогда и не могла она никакъ оторвать своихъ глазъ отъ черкеса, думалась ей:—вотъ переплыветъ; но при малѣйшей тревогѣ, махнувъ рукой, черкесъ исчезалъ... Однажды мирная тишина въ домѣ была нарушена какими-то пріѣзжими. Анна притаившись въ уголкѣ, подслушала, что вольный князь черкескій прислалъ богатый выкупъ за нее. Сердце говорило ей, что это тотъ. Отецъ же сердился и велѣлъ сказать князю, что онъ дочери не продаетъ ни за золото, ни за дорогіе камни и что если князь ему попадется, то онъ ему голову свернетъ, не мѣняетъ онъ и на рьяныхъ коней, а если хочетъ князь за нее свою свободу помѣнять—то пусть идетъ въ подданство Россіи...»

Послѣ этого разъ какъ-то вечеромъ сидѣла Анна у ручья; подруга черкешенка заснула; вдругъ изъ-за зелени виногра-

да подползла къ ней старуха и, показывая на вершинѣ горы черкеса, спросила:

— Узнаешь ты его? онъ часто спускался къ ручью, чтобы поглядѣть на тебя; это онъ выкупъ богатый прислалъ за тебя. Хочешь ли вырваться изъ твоей неволи, хочешь-ли пожить, подышать на волѣ? Скажи, я махну рукой—онъ прискачетъ стрѣлой, ручей переплыветъ и тебя съ собою возьметъ. Это князь черкескій; много радости, много чести тебя въ его аулѣ ждетъ; много рабовъ, много плѣнныхъ въ саклѣ у него, всѣмъ онъ за тебя свободу даетъ и мнѣ сына обѣщалъ прислать. Иди! Полно тебѣ въ неволѣ изнывать. Тамъ ждетъ тебя любовь,—здѣсь чего тебѣ ждать? Скажи, хочешь?...

Сильно билось сердце Анны, что-то не отразимое влекло ее къ черкесу, а онъ уже спускался съ крутизны, она встала, уже протянула руки, уже открывались уста сказать «да!».... Какъ вдругъ что-то зашумѣло вблизи.

— Анна! крикнулъ отецъ.

Старуха изчесла какъ тѣнь; искры брызнули изъ подъ копытъ коня, уносившаго черкеса. Замерло сердце бѣдной дѣвушки.

— Анна! повторялъ отецъ....

— Мы здѣсь! вскрикнула проснувшая черкешенка въ отвѣтъ и, обхвативши рукою станъ Анны, увлекла ее съ собою.

На другой день Анна по обыкновенію сбѣжала къ ручью. Знакомый образъ мелькнулъ на горѣ. Вдругъ оглушилъ ее выстрѣлъ; пуля просвистѣла, черкесъ припалъ на сѣдлѣ.... и не знала Анна живаго или мертваго унесъ его конь.

— Ну кажется... проговорилъ отецъ изъ чащи. Онъ позвалъ Анну гулять съ собою и съ тѣхъ поръ она не гуляла одна.

Къ нимъ скоро пріѣхалъ молодой офицеръ Морозъ по какому-то дѣлу. Красота Анны его поразила: недумавши долго, онъ сдѣлалъ предложеніе. Отецъ, позвавши Анну, сказалъ:

— Я хочу тебя выдать за Мороза,— приготовься.

— Я его не люблю, робко произнесла она.

— Полюбишь, настойчиво сказалъ отецъ, махнувъ рукой.

Анна не знала что говорить, сердце ея сжалось, изъ глазъ полились слезы....

— Ну вы всегда плачете, какъ васъ выдаютъ замужъ, а какъ выйдете — такъ смѣетесь. Вотъ подумайка лучше какое я тебѣ платье къ свадьбѣ сошью.

Анна бросилась въ свою комнату и всю ночь прорыдала. Ея кроткій мягкій взглядъ сдѣлался грустнымъ, ея алый ротикъ пересталъ привѣтливо улыбаться. Не могла она придумать—какъ пособить своему горю. Скоро ихъ обвѣнчали Морозъ повезъ ее далеко, далеко... въ свой край въ свою семью! Тутъ ей все было дико! Здѣсь надъ ней безпрестанно смѣялись, учили ее какъ себя держать и что говорить. Недовольнѣе всѣхъ была старшая сестра Мороза—Марина. «Помилуйте, говорила она, навязалъ себѣ не жену, а заботу, ничего не умѣетъ, никакого понятія объ хозяйствѣ не имѣетъ, съ нашимъ-ли это состояніемъ! Сшить рубца путемъ не умѣетъ, срамъ, просто срамъ; сидитъ бѣлоручкой, а начни учить плакать принимается». Слушая безпрестанныя жалобы, Морозъ сталъ полупрезрительно обращаться съ женой. Красота Анны привлекла многихъ, и скоро нашлись утѣшители. Не понимая свѣтскихъ приличій, Анна, увлеченная ихъ участіемъ, передавала имъ свое горе, и какая буря поднималась на нее за это. «Любезниковъ нашла себѣ, овечка какая! говорила Марина. «Сплетни переноситъ!» кричала другая. Жизнь Анны становилась невыносимою, что дѣлала она по незнанію,—ей ставили въ порокъ. Свободную дочь природы ее заперли въ душной гостинной, отъ мужа она слышала только упреки; увлеченіе его скоро прошло и въ своей женѣ онъ видѣлъ только лишнюю тяжелую заботу, тѣмъ болѣе, что она только боялась его,—для нея онъ былъ бичемъ судьбы.... Долго свыкалась Анна съ обычаями свѣтской жизни, много стоило ей льстить въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ не хотѣлось-бы встрѣчаться, долго училась она солить и квасить, но эта наука, которою такъ хвасталась Марина, совсѣмъ ей не далась. Къ счастью у ней родилась дочь и на нее перенесла она всю свою нѣжность. Цѣлые дни проводила она съ ней. Мужъ былъ гостемъ дома; то шелъ онъ на службу, то ѣхалъ въ клубъ играть въ карты, то у товарища сидѣлъ, то на вечеръ приглашали.... Нашлись добрые люди уговорить и Анну показаться въ свѣтъ. Красота ея произвела фуроръ; увлеченная похвалами она начала свѣтскую жизнь; семейное счастіе стало для нея совсѣмъ неосуществимо: мужъ началъ ревновать, Марина стала его въ этомъ поддерживать. Рѣдко проходило, чтобы возвращаясь домой онъ не бранилъ, и не ревновалъ ко всѣмъ Анну;—да и много поклонниковъ было у нея. Чаще всѣхъ

ходилъ къ нимъ офицеръ Острый, позже всѣхъ засиживался онъ и часто, когда Морозъ поздно возвращался изъ клуба видѣлъ онъ въ полузакрытое окно двѣ тѣни, склонившіяся одна къ другой. Были пріятели, безцеремонно увѣрявшіе, что Острый ему рога ставитъ; взбѣшенный дурнымъ настроеніемъ, одинъ разъ возвратился онъ домой, съ цѣлью поймать жену и чтобы не сдѣлать шуму, пошелъ онъ на заднее крыльцо.... Въ столовой сидѣла Гурли одна, и жгла сахаръ для кашлявшей Маши; Анна въ углу залы качала на колѣняхъ уснувшую Машу. Острый сидѣлъ вдали, и не сводилъ съ нея глазъ. Черкешенка, все еще небросавшая Анны, увлекшись его разсказомъ, стояла наклонясь подлѣ него; — глаза горѣли, губы дрожали, — она вся была любовь.... И за частую бывало съ ней такъ отъ того замѣчались тѣни подъ окномъ.... А это падало на Анну; которая зная любовь подруги, внимательнѣе была къ Острому и чаще другихъ приглашала его. Гурли слышала уже, что Морозъ возвращаясь домой дѣлаетъ сцены. Увидя его подходящимъ къ дверямъ залы, поспѣшила остановить его словами:

— Неходите, тамъ гости....

— Знаю я какіе тамъ гости, проворчалъ сквозь зубы Морозъ.

— Острый сидитъ съ черкешенкой,—продолжала Гурли, отворяя потихоньку дверь залы.

Сидѣвшіе тамъ не обратили на это вниманія, а жадный взглядъ Мороза упалъ на сидѣвшаго противъ Остраго, и забывшуюся подлѣ него черкешенку.... Гнѣвъ его мгновенно изчезъ.

— Гдѣ же Анна? спросилъ онъ шепотомъ.

— Укачиваетъ Машу, отвѣчала Гурли.

Морозъ тихо прошелъ въ свою комнату.

Послѣ этого онъ пересталъ обращать вниманіе на сплетни, что крѣпко раздражило Марину. Она начала громко говорить всѣмъ, что Анна порочитъ семью.

VIII.

Одинъ разъ при Гурли собравшіяся барыни осуждали Анну. Одна увѣряла, что она по уши влюблена въ Остраго.

— Да просто по Кавказки, недаромъ дочерью природы называютъ.

— Просто страмъ! подхватила другая. По цѣлымъ ночамъ вотъ носъ съ носомъ сидитъ съ нимъ.

— Это ложь? прервала ее Гурли.

— Скажите какая дерзкая дѣвочка! вскрикнула дама, подскакивая на стулѣ. Я лгать стану.

— Извините ее, сказала сконфуженная Аня, она говоритъ это потому, что очень любитъ Анну.

— Нѣтъ! А потому, что я знаю, что это неправда, повторила Гурли и щеки ея вспыхнули.

— Какова?!.. замѣтила оскорбленная дама.

— Ну, правду не всегда можно говорить! поправляла смѣщавшись Аня.

— Аня! произнесъ строго отецъ, ты изъ пустаго приличія, портишь нравственность своей сестры. Истину не только можно, но должно всегда говорить. Ты знаешь, что Гурли никогда не солжетъ. Это въ ней высокое достоинство!

— Прекрасно! заговорила снова дама обидчиво, это значитъ я лгу?

— Вы меня извините, отвѣчалъ отецъ, для меня дороже всего нравственное развитіе моихъ дѣтей....

— Какъ это странно—развивать дѣвушку такъ, чтобы она не умѣла себя прилично держать въ гостинной. А всѣ увѣрены, что вы рѣшительно не обращаете на ея воспитаніе никакого вниманія....

— И всѣ ошибаются! потому-что я вовсе не желаю дѣлать изъ своихъ дѣтей свѣтскихъ дѣвицъ....

— Ахъ! я не знала, что вы хотите изъ своей Гурли сдѣлать волтижерку. Что же—доходное мѣсто! Она же такъ ловко прыгаетъ со втораго этажа и цѣпляется по деревьямъ!... протянула иронически дама.

— Не знаю чѣмъ приведетъ ей Богъ быть. Менѣе всего волтижеркой, потому-что это не въ ея характерѣ, Но и волтижеркой все-таки лучше, чѣмъ кокеткой. Волтижерка добываетъ себѣ хлѣбъ трудомъ, а кокетка, навязавшись кому на шею, тянетъ съ него послѣдній грошъ, заставляетъ залѣзть въ долги,—изъ удовольствія похвастаться нарядомъ.... А у насъ такихъ дамъ и по пальцамъ не перечтешь....

Дама позеленѣла. Она только-что заняла на покупку моднаго платья.

— Вотъ уже этого осужденія я отъ васъ не ожидала—запѣла она.

— Папа! принесть цвѣтокъ, что ты велѣлъ садовнику пересадить, прервала вдругъ Гурли разговоръ становившійся непріятнымъ.

— Принеси.

Гурли изчезла и черезъ минуту возвратилась съ великолѣпнымъ распустившимся цвѣткомъ и поставила его у ногъ недовольной дамы.

— Ахъ, какой прекрасный цвѣтокъ! похвалила барыня.

— Нравится? спросилъ отецъ, потирая руки. Говорятъ дурной миръ—лучше хорошей ссоры. Такъ не хотите-ли на мировую—я вамъ подарю его.

— Ахъ, очень благодарна! отвѣчала любезно дама, всякій воленъ думать, какъ ему хочется.... Прелестный цвѣтокъ и какой эффектъ сдѣлаетъ въ гостинной.

— А мнѣ что жь не подарите? заискивала другая....

Гурли принесла ей свой великолѣпный цвѣтокъ. Барыня осталась очень довольна.

IX.

Не много спустя отцу вышло новое назначеніе; пришлось сбираться въ дорогу. Аня засуетилась, укладывала что можно и сбывала за безцѣнокъ, чего нельзя было взять съ собою;—переѣзжать должны были моремъ. Снарядивъ все, и отправивъ изъ дому, отецъ молча взялъ шапку, медленно пошелъ къ пристани. Семья послѣдовала за нимъ, Гурли грустно оглядывалась на отворенныя ворота сада.

Давно уже она не видѣла моря и сильно забилось ея сердце при его шумѣ. Усѣвшись въ катеръ, она спустила руку за бортъ и задумчиво наслаждалась всплесками воды. Когда пристали къ пароходу, машина зашумѣла, повалилъ дымъ изъ трубы, пароходъ тронулся, берегъ сталъ отдаляться и наконецъ со всѣмъ исчезъ; — кругомъ только волны.... Куда эти волны бѣгутъ, думала Гурли, облокотясь на бортъ и не сводя съ моря

глазъ. Начало темнѣть, и передъ ней стали пресыпаться забытыя мечты. Вотъ, кажется, чья-то голова плыветъ! Нѣтъ!—это гребень волны. А тамъ чья-то рука бѣлѣетъ! Нѣтъ!—это пѣна морская. Между тѣмъ Лія, обѣгавши пароходъ, все разглядѣвши, обо всемъ распросивши, совершенно усталая, пришла звать Гурли спать. «Пойдемъ, говорила она, тормоша ея за руку. Посмотри, какую намъ постельку папа устроилъ; въ каютѣ говорятъ душно.— Пойдемъ! Аня уже лежитъ, ее совсѣмъ укачало и головы не подымаетъ». Гурли уложила Лію и снова пробралась къ борту. Вѣтеръ свѣжѣлъ, волненіе подымалось больше и больше...,

— Быть борѣ! сказалъ сѣдой усачъ, опираясь на бортъ.

— Что это бо̀ра? спросила она у него....

— Да вотъ треплетъ волна этотъ пароходишко словно перушко, то вотъ гдѣ она—подъ килемъ бьется; а разсердится—черезъ бортъ польетъ.... А ты скажи тамъ пусть они поуберутъ, а то завтра и не увидятъ—волна стащитъ, да и отвѣта не дастъ, обратился онъ къ матросу, свертывавшему веревки.

— Нешто задуваетъ?... спросилъ тотъ, оборачивая къ нему голову.

— Вишь нордъ-остъ завываетъ.

Становилось поздно, отецъ непозволилъ больше оставаться и Гурли пришла въ палатку, но и тамъ она все прислушивалась къ завыванію вѣтра; палатку трепало. Волна плескала на палубу. Пароходъ скрипѣлъ, будто стоналъ. Подъ этотъ шумъ она почти начала забываться, какъ вдругъ въ машинѣ, что-то лопнуло. Пароходъ вздрогнулъ, остановился, колеса перестали гресть—повалило на бокъ. Въ мигъ послышался голосъ вахтеннаго: «котелъ лопнулъ!» застучали по трапу шаги, капитанъ выскочилъ на верхъ. «Насъ несетъ!» докладывалъ ему вахтенный; Волна горой поднялась надъ бортомъ, хлынула на палубу и разсыпалась въ милліонъ алмазныхъ брызговъ. Пароходъ положило на другой бортъ и снова вкатившаяся масса воды полилась по палубѣ.

— Мы погибнемъ! вскричалъ кто-то за палаткой.

— Ну, нѣтъ! до погибели еще далеко, спокойно обозвался отецъ, насъ только не вѣсть куда занесетъ, измокнемъ всѣ какъ рыбы....

— Несетъ и несетъ! ничего не подѣлаешь, заговорилъ ка-

питанъ, обращаясь къ отцу. Поганая скарлупа, руля слушать не хочетъ!... Гдѣ мы завтра-то будемъ!... Чтобъ еще чего не сломало.

— Не думаю! къ свѣту вѣтеръ долженъ упасть. Только— назадъ-то намъ шлепаться безъ машины прескверно придется!...

— Авось вѣтеръ попутный зефиромъ повѣетъ, обозвался кто-то.

Вѣтеръ вылъ, качало такъ, что не ходить, а ползать приходилось; вода лилась черезъ бортъ; въ палаткѣ все было мокро,

Къ утру вѣтеръ стихъ; волненіе улеглось, солнце выглянуло изъ тучъ; пароходъ едва подвигался. Ночью однако удалось бросить якорь у берега. Изготовили катеръ. Лію снесли туда на рукахъ, Аню безчувственную почти стащили. Гурли ловко спрыгнула.

— Вотъ—это такъ наша барышня, проговорилъ урядникъ, бывшій на рулѣ.

Когда всѣ усѣлись, отецъ скомандовалъ:

— Отваливай!

X.

Катеръ повернулся къ пристани. Гурли старалась глазами проникнуть въ глубину, тамъ ей казалось, что трава колышется. Вышедши на берегъ, отправились въ заранѣе приготовленную квартиру. Дворъ былъ большой, пустой, обнесенъ высокой стѣной, ни гдѣ ни деревца, ни былиночки; въ окнахъ виднѣлась таже мертвенность. Песчаная, широкая, улица тянулась безконечно, по краямъ высокіе заборы, низкіе дома, съ завѣшанными сторами по окнамъ,—ни живой души уныло, тоскливо....

Сестры занялись своими вещами; Аня приводила все въ порядокъ; Лія отыскивала удобный бульваръ для своихъ куколъ и нашла его на письменномъ столѣ отца, обитомъ зеленымъ сукномъ.

— Ты бумагъ-то тамъ моихъ не трогай.

— Нѣтъ, нѣтъ папа! говорила она, грозя пальчикомъ предъ своимъ носомъ, они вотъ-тутъ по травкѣ будутъ гулять. Ви-

дишь, какая зеленая! И она хлопала ручкою по столу. Между тѣмъ и Гурли, переходя изъ комнаты въ комнату, проискивала себѣ удобный уголокъ:—все было не по ней; наконецъ въ одномъ изъ угловъ, гдѣ сходилось двое дверей, пріютилъ кто-то ящикъ: она усѣлась. Въ щели дверей ей было видно и въ залъ, и въ кабинетъ, и въ дѣтскую, и въ галлерею, а тамъ краюшекъ неба, по которому неслись облака.

— Но понемногу обжились, все вошло въ обычную колею. Забравшись въ свой уголъ, не разъ она видѣла престранныя сцены: показывался еврей, умильно раскланивался съ горничной, молча старался проникнуть въ кабинетъ отца, но рѣшительный натискъ Параски загораживалъ ему двери; онъ вынималъ серебряную монету, тыкалъ ей въ руку, усиливаясь сдвинуть ее съ мѣста и это не помогало, она грозила позвать лакея;—оглянувши, что лакей въ галлереи чиститъ сапоги, онъ поднималъ кулакъ, дѣлалъ видъ, что бьетъ, а другой рукой манилъ на улицу,—Параска показывала ему дулю; еврей ожесточался, плюнувъ, направлялся къ лакею,—снова кланялся, вынималъ кошелекъ, хлопалъ имъ по ладонѣ—но и тотъ все сердито качалъ головою и ожесточеннѣе теръ щеткою. Вдругъ по лѣстницѣ сбѣжала Лія. Еврей подошелъ:

— Какая хорошенькая барышня, говорилъ онъ, присѣдая на корточкахъ, какую я вамъ куклу принесу.... Пустите меня къ вашему папѣ— у меня дѣло важное есть....

— Я спрошу, и Лія хотѣла бѣжать въ кабинетъ.

— Не надо, не надо спрашивать! останавливалъ её еврей.

— Безъ спросу нельзя, папа не велѣлъ, важно протянула Лія.

Еврей почесалъ затылокъ, поглядѣлъ кругомъ; взглянулъ еще разъ на дверь кабинета и пошелъ на лѣстницу; потомъ вдругъ воротился, прилегъ на окнѣ, вынулъ изъ кармана какую-то пачку, написалъ на ней что-то карандашомъ и со вздохомъ передавая Ліи, проговорилъ:

— Отнесите папѣ, да осторожнѣе,—здѣсь деньги! много денегъ!... тише!... шепталъ онъ.

Лія побѣжала; чрезъ минуту вышелъ отецъ.

— Вѣдь я уже сказалъ вамъ, что я чести моей ни за какія деньги не продамъ, обратился онъ къ еврею. Какъ же ты еще смѣешь меня безпокоить? Не только двѣ тысячи, да хотя

бы двадцать двѣ прислалъ бы мнѣ, такъ я не возьму за неправое дѣло. На, возьми твои деньги! да чтобъ ты не попадался мнѣ, не то—велю кости переломать... Швырнувъ деньги еврею, онъ ушолъ въ кабинетъ.

Еврей проворно спряталъ деньги, осмотрѣлся кругомъ; въ раздумьи почесалъ затылокъ и медленно вышелъ.... Подслушивала ли Параска у дверей; стянетъ ли Настя десертъ съ блюдцевъ—Гурли видѣла и недовѣріе къ людямъ западало въ ней все больше и больше, росло съ тѣмъ вмѣстѣ и сомнѣніе въ честность людскую.

Однажды Гурли подлядѣла—въ залѣ отецъ сидѣлъ спиной къ дверямь, у которыхъ стоялъ еврей, выразительно телеграфируя жестами чиновинку, краснорѣчиво разсказывавшему.

— Думаю за это дѣло они дадутъ вамъ тысячъ—(онъ поглядѣлъ къ дверямъ—еврей сложилъ три пальца)—три!... докончилъ онъ.

— Да стоитъ-ли изъ за трехъ тысячь торговать совѣстью?... говорилъ протяжно отецъ.

— Ну это я говорю три, перебилъ чиновникъ, а они могутъ дать (онъ взглянулъ на еврея—тотъ быстро показалъ ладонь) пять; можетъ быть.... (еврей закачалъ головою, чиновникъ наморщился)—шесть!...

Еврей началъ перебирать по пальцамъ, показывая въ разныя стороны. . Чиновникъ обошелъ кресло отца и за его спиною погрозилъ кулакомъ; на пальцахъ показалъ еврею восемь... тотъ снова покачалъ головой.

Межъ тѣмъ отецъ громко разсуждалъ: три ли! десять-ли взять—не одинаково ли это безчестно?

— Да вамъ тутъ что такое? Вы только подпишите, перебилъ чиновникъ, садясь на свое мѣсто, а потомъ скажитесь больнымъ;—мы и безъ васъ пріймемъ провіантъ....

— Да это еще честнѣй! Взять деньги и сказаться больнымъ, чтобы не видать какъ примутъ соръ и гниль кормить ими сотни людей.... нѣтъ, ужъ вы меня извините—я на это не способенъ....

Чиновникъ вспыхнулъ.

— Ну, такъ я вамъ откровенно долженъ сказать, что вы лишитесь мѣста. Вы всѣмъ мѣшаете пользоваться доходами; у каждаго есть свои дѣти; каждому необходимо ихъ кормить,

воспитывать.... Нужно жить; — начальство угощать.... Изъ жалованья этого не сдѣлаешь....

— Лишатъ ли меня мѣста, или нѣтъ—про это я съ вами разсуждать не буду; а прямо скажу, что бумагъ не подпишу и потому честь имѣю кланяться....

Злобно провожали его маленькіе глазки чиновника; съ тѣмъ онъ и убрался. Юркнулъ за нимъ и еврей.

Подобныя сцены проходили не безслѣдно. Отецъ сталъ мраченъ и со службы возвращался раздраженный; долго ходилъ, ломая о чемъ-то голову, потомъ садился къ столу и писалъ; рылся въ кипѣ принесенныхъ бумагъ, брался за голову, бросалъ все. — и, отдохнувъ немного, снова принимался писать.... Недоставало ему даже времени поласкать дѣтей; и онъ часто говорилъ; «Нѣтъ не выдержать мнѣ здѣсь; не по мнѣ это мѣсто!... Только вотъ докажу этимъ мошенникамъ, что я не дамъ имъ украсть,—да и въ отставку! На покой въ Хохландію! Хлѣба хоть горы насыпай,— а къ лишнему мы не привыкли.... Проживемъ какъ нибудь».

XI.

Не такъ сбылось,—какъ думалъ отецъ. Непривычная кабинетная работа разстроила его силы: онъ занемогъ; но упрямился звать доктора и при первомъ облегченіи снова брался за перо. Наконецъ, въ одно утро, когда ужь не было силъ ему встать съ постели, онъ отправилъ бумаги и написалъ рапортъ о болѣзни. Позвали доктора, который сталъ аккуратно посѣщать два раза въ день больнаго.... Красно расписывалъ скорое выздоровленіе, пересыпая рѣчь латинскими фразами; однако облегченія отъ этого никакого не было. Послали за другимъ докторомъ и когда пріѣхавшій отъ адмирала чиновникъ узнавалъ о здоровьи отца, тотъ объяснилъ ему шепотомъ: «непоправимо. — Помилуйте! сначала кормили его хиной отъ лихорадки, потомъ дали каломелю отъ горячки, а наконецъ угораздило его дать ему желѣзный порошекъ.... Теперь помочь я не берусь!...» «Составьте консиліумъ», убѣждалъ чиновникъ. Они ушли.

Гурли, подслушавшей ихъ разговоръ въ своемъ уголкѣ, стало холодно и страшно. Ужели и папу зароютъ въ могилу, думала она и слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ. Хотѣлось ей бѣжать,

хотѣлось всѣмъ разсказать, но силь не имѣла встать. Горькія размышленія ея прервалъ шумъ на лѣстницѣ: пріѣхалъ д-ка Б—вь.

На носочкахъ, пыхтя и отдуваясь влетѣлъ онъ въ прихожую. Въ одной рукѣ держалъ уланскую фуражку, другой—поддерживалъ свое торчащее впередъ брюхо. Его маленькіе каріе глаза мигомъ обѣжали комнату и заглянули во всѣ уголки, какъ будто онъ пріѣхалъ дѣлать полицейскій обыскъ. Его густыя брови то сдвигались, то раздвигались, поднимались вверхъ или повисали надъ глазами. Подъ луковицей, висѣвшей между толстыми щеками вмѣсто носа, торчало два клочка сѣдыхъ волосъ, величаемыя имъ усами. Проворно обернувшись въ передней, понесъ онъ свое брюхо въ кабинетъ....

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! загорланилъ онъ, просунувшись бочкомъ въ отворенную дверь. Не стыдно вамъ болѣть! А я хоть сей часъ Парижъ брать идти готовъ, онъ захохоталъ. И теперь еще сердца нѣжнаго пола побѣждаемъ а въ двѣнадцатомъ году, какъ ходили въ Парижъ, гдѣ не стоянка—тамъ и любовь. Выходить—слезы, умирать. Сейчасъ падаешь на колѣни, клянешься воротиться, дѣлаешь предолженіе—а на другой стоянкѣ опять тоже. Что жь, когда пропасть хорошенькихъ! Сердце вѣдь не каменное.... Позвольте жь васъ поцѣловать по родственному, докончилъ онъ и сталъ лѣпить поцѣлуи въ щеки отца.

Видно было Гурли, какъ сдвинулись у него брови, какъ сдѣлалъ онъ нетерпѣливый жестъ, но д-ку Б—вь это не остановило. Наконецъ, кончивъ родственныя изліянія, повалился въ кресло пыхтя. Отецъ отвернулся къ стѣнѣ. Д-ку Б—вь это не остановило. Онъ снова началъ:

— «Опять, я вамъ вотъ что посовѣтую. Узнавши, что вы больны, я бросилъ и посѣвы, и все,— полетѣлъ къ вамъ. Знаете, имѣя пять дочерей, рисковать нельзя, а это,—я вамъ скажу,—средство вѣрное, испытанное, она у насъ этимъ средствомъ всѣхъ вылечиваетъ, и пустое, я вамъ скажу средство:—это васъ выведетъ на восходъ солнца, очертитъ кругъ кругомъ васъ, шепчетъ, шепчетъ.... потомъ соберетъ росы, что-то такое тамъ разболтаетъ и даетъ выпить—какъ рукой сниметъ.... Ее вамъ самъ привезу! А доктора эти!... у нихъ опасно лечиться.

— Нѣтъ ужь не безпокойтесь—у бабокъ лѣчиться не буду. Благодарю васъ за расположеніе.

Дяд-ка Б—вь вскочилъ. —

— Да это бабка-то какая,—испытанная!... Говорю вамъ, вѣдь у васъ пятеро дочерей; сироты круглыя останутся! Вамъ нельзя рисковать! Вѣдь—чортъ его знаетъ — доктора то, что онъ тамъ сунетъ такое. Мы рецепта читать не умѣемъ. А ей всѣхъ этихъ медикаментовъ взять не откуда, она—по простотѣ, что ей Богъ на умъ положитъ, то и дастъ.

— Ну, а заклинанія, круги чертить и шептать—это то-же Бога призываетъ?...

— Ну, тамъ безъ нечистой силы не обойдется! Да вѣдь это на ея душѣ останется, а вамъ что за дѣло—лишь бы помогла.

— Не поможетъ мнѣ, произнесъ слабымъ голосомъ отецъ, вѣки его опустились, онъ тяжело вздохнулъ.

— Какъ это можно, загорланилъ д-ка Б—вь. Тогда меня подлецомъ назовите.

— Папа спать хочетъ, перебила Гурли, смотрѣвшая изъ-за кровати. Пойдемъ лучше въ столовую....

— Да, я усталъ! проговорилъ отецъ, прошу васъ посидѣть съ дѣтьми....

— Не стѣсняйтесь—я свой, сейчасъ васъ оставлю.

Гурли своими ручками схватила два жирные пальца д-ки Б—вь и потащила его внизъ, въ столовую. Тамъ уже Аня хлопотала возлѣ закуски и любезно приняла дяд-ку Б—вь, полѣзшаго къ ней цѣловаться; она улыбалась на его устарѣвшія любезности. По временамъ навертывались у ней слезы, но она незамѣтно ихъ утирала, и опять улыбалась. Стащивъ дядиньку, Гурли снова возвратилась на свой наблюдательный постъ. Слышны были ей стоны отца. Видно было, какъ сестра, помѣстившаяся у изголовья, склонила на руки свою голову, а слезы катились; какъ она невольно выпрамлялась при каждомъ звукѣ больнаго, какъ она старалась не сдѣлать шелеста своимъ платьемъ. Тихо, тихо было вокругъ, только раздавался стукъ маятника, да—по временамъ хохотъ дяд-ки Б—вь, но лица всѣхъ были угрюмы и смѣхъ его никого не утѣшалъ, дико отдаваясь въ тишинѣ. Одна Аня принужденно улыбалась, отворачиваясь отереть слезы.

XII.

Дни медленно тянулись за днями. Отцу становилось еще хуже. Собрался консиліумъ. Потолковали доктора и разъѣхались—ничего несказавщи. Тогда дяд-ка Б—въ рѣшилъ, что надобно отцу сдѣлать послѣднее распоряженіе. Стараясь принять подобающую мину у постели больнаго, онъ началъ торжественнымъ тономъ:

— Знаете, мы всѣ ходимъ подъ Богомъ! всѣ люди смертные....

— Это вы о томъ, что я скоро умру, перебилъ его отецъ, тоскливо,—я знаю это и безъ васъ!...

— А если чувствуете близкую кончину, такъ распорядитесь вашимъ состояніемъ.

— Да нечего тутъ распоряжаться! Все, что я имѣю—моимъ дочерямъ, а .сыновьямъ—я весь вѣкъ прожилъ жалованьемъ—пусть и они живутъ!

— Но какъ же вы оставите пять дѣвъ однѣхъ?...

— Я всю жизнь служилъ честно. Не можетъ быть, чтобы, моихъ дѣтей бросили пропадать, какъ щенятъ! Богъ не безъ милости,—свѣтъ не безъ добрыхъ людей!...

— Но все таки пять дѣвъ жить однѣ не могутъ. Можетъ быть сыновей выписать?

— Нѣтъ! Саничка совсѣмъ неспособенъ, у него испорченъ характеръ,—а тотъ слишкомъ молодъ.

— Такъ значитъ вы никакого формальнаго распоряженія дѣлать не хотите?

— Нечего и дѣлать-то! Передайте моимъ братьямъ то, что я говорю вамъ. Тутъ деньги у меня еще въ столѣ—нѣсколько тысячъ—это, чтобы было дочерямъ чѣмъ жить, пока сдѣлаютъ распоряженіе о выдачѣ имъ пенсіи.—Я прошу объ одномъ—не стѣсняйте ихъ ни въ чемъ, не дѣлайте ни чего противъ ихъ воли, не разлучайте,—вмѣстѣ они проживутъ.... А теперь оставьте меня: я страшно усталъ....

Дяд-ка Б—въ, суетливо вышелъ. Гурли неслышно помѣстилась за изголовьемъ кровати. Изъ глазъ отца медленно катились слезы и падали на подушку, уста что-то шептали, онъ, кажется, молился.... Наконецъ тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ

груди.... При этомъ вздохѣ сестры вышли изъ-за ширмъ, явилея и дяд-ка Б—въ.

— Вы бы благословили дѣтей, сказалъ онъ торжественно зажигая свѣчу подъ образомъ.

Гурли побѣжала за Ліей, найдя ее гдѣ-то спрятавшуюся въ уголкѣ, привела въ кабинетъ и стала рядомъ со старшими, которыя, какъ не усиливались не плакать, но слезы противъ воли выкатывались.... Молча глядѣлъ на нихъ отецъ, переводя глаза съ одной на другую, медленно поднялъ на ихъ образъ, что-то хотѣлъ сказать, но губы его дрогнули, онъ поспѣшно отворотился къ стѣнѣ и махнулъ рукою.... Безмолвно разошлись сестры и каждая глухо зарыдала, спрятавшись по угламъ одна отъ другой. Лія и Гурли, крѣпко обнявшись, долго сидѣли за дверью кабинета, тамъ они и заснули. Ночью услышала Гурли рыданія сестеръ; ходила прислуга, разставляли столы, но не могла встать, жаль ей было будить спавшую Лію.

Утромъ разбудилъ ее однообразный голосъ дьячка, читавшаго псалтырь. Дѣвочки вышли въ залъ; на столѣ лежало уже тѣло отца. Ярко блистѣло золотое шитье мундира отъ пылавшихъ свѣчъ; на блѣдномъ, исхудавшемъ лицѣ выражалось страданіе. Въ головахъ лежали регаліи, блистѣла золотая сабля съ надписью: «за храбрость».

— Папа на столѣ, прошептала Лія, папа умеръ?... Умеръ! что-же будетъ теперь съ нами? проговорила Гурли медленно складывая свои руки крестомъ.

— Что съ нами теперь будетъ? повторила Лія, заглядывая въ глаза Гурли и слезы полились изъ ея глазъ... Дѣвочки обнялись, пошли къ столу и, припавъ головками, долго плакали, пока дяд-ка Б—въ безъ толку суетившійся, не нашелъ за нужное оттащить ихъ прочь—а его некому было останавливать.

XIII.

— Дяд-ка Б—въ объявивъ себя за покровителя, за душеприкащика и за ближайшаго родственника, распоряжался себѣ какъ хотѣлъ.... Удалилъ сестеръ отъ постели умирающаго отца, не пускалъ ихъ видѣть послѣднія минуты, запечатавъ всѣ комоды и столы отца, забралъ къ себѣ ключи. Бѣдную Аню, надрывавшуюся отъ рыданій, заставилъ хлопотать объ обѣдѣ для поповъ, увѣряя,

что это ея долгъ,—какъ старшей въ семьѣ. Вторую сестру, постоянно лишавшуюся чувствъ, велѣлъ стеречь горничнымъ, чтобы не шла къ отцу. Самъ-же распоряжался приготовленіемъ къ параднымъ похоронамъ, недумая о томъ, что каждая сбереженная копѣйка была бы кускомъ хлѣба для оставшихся сиротъ. Желавшимъ принять какое-либо въ нихъ участіе, любезно просилъ не безпокоиться и объявилъ: что онъ, какъ родственникъ, сдѣлаетъ все, что необходимо, — не даромъ же онъ душеприкащикъ... И удалялись посторонніе, покачивая головами, глядя на рыдающихъ сиротокъ.

Наконецъ отслужили панихиду всѣмъ соборомъ. Силой оторвали рыдающую Аню отъ гроба, также безъ чувствъ подняли и понесли другую сестру, повели за ними и отупѣвшую какъ-то Марусю. Лія и Гурли пошли вслѣдъ за гробомъ. Будто во снѣ видѣлось Гурли, какъ заколачивали крышку гроба, какъ опустили этотъ гробъ въ сырую, темную могилу, какъ сыпали землю туда, какъ застучала она на крышкѣ гроба—и страшной болью отозвалась въ сердцѣ Гурли. Какъ потомъ снова потащили сестеръ за ограду кладбища,—повела она за ними и Лію. Сестеръ втиснули въ экипажъ и повезли. Какой-то офицеръ схватилъ Лію и хотѣлъ понесть. Та заплакала и стала вырываться. Гурли крикнула: «оставьте!» Тутъ остановилась подъѣхавшая коляска. Выглянувшая изъ нея дама обратилась къ офицеру съ вопросомъ:

— Куда же вы хотите ее несть?

— Да надо куда нибудь помѣстить, пока есть тутъ экипажи. Старшихъ отправили, этимъ же не оставаться здѣсь!

— Да гдѣ-жь этотъ родственникъ?—вѣдь это его обязанность!...

— А вонъ разсказываетъ попамъ о войнѣ двѣнадцатаго года.

Дама съ участіемъ поглядѣла на дѣвочекъ.

— Хотите душенька я васъ отвезу домой, привѣтливо обратилась она къ Ліи.

— Поѣдемъ Лічка, сказала Гурли, цѣлуя ея глаза.

— А папу такъ и бросимъ? спросила Лія.

— Онъ ужъ больше не проснется, Лічка, у насъ нѣтъ ужъ больше папы! и по лицу Гурли покатились слезы.

Лія громко заплакала.

— Куда же намъ ѣхать?...

— Туда, гдѣ жили—домой....

— И Аня тамъ?

— Тамъ всѣ!

— Ну, поѣдемъ!

Дѣвочки усѣлись, экипажъ тронулся. Завернули въ улицу, на встрѣчу подъѣхала какая-то барыня, экипажи остановились. И встрѣтившая дама, кивая любезно головой, съ любопытствомъ спросила:

— Куда это вы ихъ везете?

— Да къ нимъ домой! Жаль ихъ бросили тамъ....

— А гдѣ же этотъ родственникъ, что все взялъ на себя?... Вы знаете, вѣдь онъ адмиральшѣ отказалъ; она хотѣла взять вотъ этихъ обѣихъ!

— Скажите?— неужели онъ сдѣлалъ такую глупость?

— Не говорите! Адмиралъ обѣщалъ дать казенную квартиру, лошадей.... отъ всего отказался!

— Скажите—какая опромѣтчивость?

— Увѣряетъ, что ихъ дяди золото лопатами гребутъ. Незнаю сколько тутъ правды, а завтра назначено продавать все съ аукціона.

— Какъ же онѣ-то бѣдныя будутъ?...

— Кажется онъ пользуется ихъ молодостію и непрактичностію. Не знаю, поѣду-ли я на эту продажу, но адмиральша не будетъ, она оскорблена отказомъ.

— Скажите—какъ это непростительно!...

Дамы раскланялись. И вотъ привезли Гурли и Лію въ знакомой дворъ; взошли онѣ по знакомой лѣстницѣ; встрѣчаютъ ихъ чужія лица! Въ залѣ за разкрытыми столами, заставленными блюдами и бутылками; толпились попы и гости. Пили, хохотали, спорили. Дяд-ка Б—въ съ торжественной миной усердно всѣхъ угощалъ. Сестры были по своимъ комнатамъ: Аня рыдала, зарывшись лицомъ въ подушки, вторая лежала въ истерическомъ припадкѣ Маруся сидѣла, какъ будто непонимая, что кругомъ ея дѣлается; молча и они сѣли въ уголокъ. Мимо нихъ ходили и говорили разныя лица; до нихъ же никому не было дѣла, только поздно вечеромъ вспомнила Аня, что ихъ нужно накормить.

XIV.

Наступилъ день публичной продажи. Полную комнату натаскалось евреевъ, мѣщанъ и различныхъ лицъ. Лія захотѣла перейти изъ одной комнаты въ другую, въ это время какой-то бородастый оттолкнулъ ее, приговаривая:

— Постокась, погляжу сюда еще!

Лія отскочила, слезы брызнула у нея изъ глазъ. Долго потомъ цѣловала ее Гурли, пока она успокоилась. Маруся затворилась въ комнатѣ перевязать горчишникъ, вдругъ распахнулись двери и два мѣщанина ввалились въ комнату; — Маруся едва успѣла накинуть платокъ.

— Что вамъ нужно?... спрашивала она сквозь слезы.

— А вотъ эфта шкафа должна быть наша, вишь номеръ этотъ самый и есть; берикась, потащимъ, сказалъ одинъ другому. Шкафъ взяли и вынесли.

Маруся долго бѣдная рыдала, припавши головою къ окну. Дико и обидно было ей перенесть такое оскорбленіе.

Аня собралась было помолиться, зажгла лампадку и стала на колѣни на коврѣ.

— Проваливай маленько сударыня, сказалъ подошедшій мѣщанинъ, потянувъ коверъ, евто мой таперича.

Зарыдавъ, Аня бросилась въ другую комнату. На диванѣ тамъ лежала другая сестра.

— Вставайте, говорили евреи, берясь за диванъ, мы ужъ купили.

Бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ.

— Куда бы намъ ее стащить, спрашивали они одинъ другаго,—да вонъ въ уголъ можно.

— Не трогайте, остановила ихъ Гурли—ее снимутъ сейчасъ! Бѣги Лічка позови Ганну.

Въ залѣ своимъ чередомъ шла продажа: молотокъ стучалъ; дяд-ка Б—вь, пыхтя и одуваясь, записывалъ, выдавалъ номера и отбиралъ деньги, наконецъ продажа кончилась и домъ опустѣлъ. Непроданныя на аукціонѣ вещи дяд-ка Б—вь заставилъ Аню, едва державщуюся на ногахъ, укладывать и бѣдная дѣвушка, молча, покорялась человѣку, которому ни чѣмъ не была обязана. Иныя вещи бросали такъ,—на дворѣ....

Но вотъ подводы снарядили, запрягли карету, въ которую дяд–ка Б-въ заставилъ сѣсть Аню первую, какъ старшую, для примѣра, снесъ туда и вторую, стащилъ также и Марусю; забравъ въ охапку Лію, вкинулъ въ карету и думалъ также поступить съ Гурли—но та вскочивъ проворно на поддоконникъ, схватилась за верхній край окна....

— Ахъ не троньте ея! вскрикнула Аня, она уйдетъ на крышу....

— Тьфу пропасть! Такъ ждать, что–ли ее прикажите! заговорилъ сердито дяд--ка Б-въ.

— Гурли! закричала сквозь слезы Лія, какъ же я поѣду безъ тебя!

Въ два прыжка Гурли уже была подлѣ и прыгнула въ карету. Дяд–ка Б-въ поспѣшилъ захлопнуть дверцы;—карета тронулась.

XV.

Какъ дома, такъ и въ дорогѣ сестры плакали, не осушая глазъ. Не развлекали ихъ ни разнообразные виды, ни сердили ни дождь, ни грязь; ихъ подавила одна мысль, одно горе!... Ни одной даже и въ голову не пришло спросить. Куда везутъ? За чѣмъ везутъ? Такъ пріѣхали въ деревню Орж–у, къ дядѣ, его превосходительству.

Въ сумрачной залѣ дяд–ка Б-въ выровнялъ въ рядъ пятерыхъ сестеръ. Послѣ долгихъ ожиданій, показался изъ дверей маленькій, щупленькій человѣчекъ. Войдя въ залу онъ принялъ наполеоновскую позу.

— Это старшая, ваше пре–во! забасилъ дяд–ка Б-въ, представляя Аню.

Та раскланялась. Очередь дошла до Ліи, которая по привычкѣ цѣловала всѣхъ; взяла за лацканъ сюртука, подпрыгнула и поцѣловала его пре–во, такъ какъ онъ не счелъ за нужное наклониться къ ней. Эта выходка показалась не уваженіемъ къ его сану: онъ весьма сердито взглянулъ на Лію. Губки у ней дрогнули, она бросилась къ Гурли.

Представленіе кончилось и дяд–ка его пре–во также важно

и медленно удалился, какъ и вошелъ. Ни ласковаго слова, ни привѣта не удѣлялъ онъ для сиротъ. За обѣдомъ было очень мизерно и даже мѣстнаго произведенія, хохлацкихъ вареннковъ, не достало бы на каждаго по половинкѣ, но бѣдныхъ сиротъ душили слезы и онѣ только отказывались. За то дяд–ка Б-въ ѣлъ за всѣхъ и тараторилъ о своихъ пожертвованіяхъ, что онъ и хлѣба̀ и сѣно, все бросилъ, чтобы исполнить долгъ родственника.

— Да кто же васъ просилъ все это дѣлать? произнесла удивленная Гурли.

Дяд–ка Б–въ побагровѣлъ.

— Я знаю, что мнѣ благодарности не ждать, заговорилъ онъ....

— Замолчи Гурли! сказала Аня.

— Да за чѣмъ же молчать? спрашивала та.

— Да молчи, уговаривала ее Аня.

Она замолчала.

Въ слѣдующее утро сестеръ повезли представлять другому дядинькѣ. Ввели ихъ въ свѣтлую, чистую комнату; все въ ней было чопорно прибрано, ни гдѣ пятнышка или пылинки; мебель въ такомъ порядкѣ, какъ будто на нее никто не садился, какъ будто ее ни когда не сдвигали съ мѣста, все отдавалось какой-то пустотой. Тутъ опять ихъ разставили въ томъ же порядкѣ, по старшинству. Дверь скрипнула и явился дядинька Сось, высокій, сгорбленный старикъ. Непріятно выдавался его большой носъ, нерасполагающее было что–то во взглядѣ его маленькихъ зеленыхъ глазъ. «Это старшая», началъ было дяд–ка Б-въ. Но дядинька Сось обвелъ мелькомъ всѣхъ глазами, махнулъ рукой и ушолъ: дверь затворилась. Слезы хлынули изъ глазъ сестеръ— ни участія, ни ласки.

— Да зачѣмъ вы насъ привезли сюда? обратилась вторая сестра къ дяд–кѣ Б-въ. Я немогу жить съ такими людьми.

— Я васъ возьму къ себѣ! только пожалуйста не дѣлайте шуму....

За обѣдомъ пошли пренія, куда дѣвать сиротъ. Дяд–ка Б-въ исчислялъ сдѣланныя имъ пожертвованія, и добавилъ, что теперь онъ ничего болѣе не въ состояніи прибавить....

— Да кто же просилъ–то васъ везти ихъ сюда? перебилъ дяд–ка Сось. Мы старые холостяки привыкли къ холостой жизни, онѣ будутъ намъ помѣхой и заботой, съ чѣмъ мы вовсе

не свыклись.... Да и съ какой стати, вы, не спрося нашего согласія, привезли ихъ сюда? Вѣдь были же у нихъ деньги и домъ гдѣ жить? Можно было подождать пока мы рѣшимъ какъ поступить, а не навязывать ихъ намъ.

И много слезъ привелось проглотить бѣднымъ сиротамъ, пока наконецъ не пришелъ къ соглашенію ареопагъ дяденекъ. Придумали размѣстить у каждаго изъ нихъ по одной. Его пре-во взялъ къ себѣ Аню, вторую—дяд-ка Б-въ, Марусю помѣстили къ дяд-кѣ Егорушкѣ, маленькому, черненькому человѣку, вѣчно жалующемуся на аневризмъ. Руки, ноги и голова его какъ-то странно болтались, будто привязанныя на ниточкахъ. Гурли досталось жить у дяд-кѣ Сось, а Лію намѣрены были отвезть къ богатому родичу С. Д. на воспитаніе при его дѣтяхъ; бѣдныхъ сестеръ разлучили, долго плакала Лія, нехотѣвшая разставаться, но ее повезли, увѣривъ, что скоро и Гурли туда пріѣдетъ.

Въ деревнѣ у дяд-ка его пре-во Аня нашла себѣ нѣсколько сиротъ и изъ состраданія начала учить ихъ. Вторая сестра, когда повезъ ее къ себѣ дяд-ка Б-въ, сильно заболѣла; долго колебалась между жизнью и смертью, а выздоровѣвши получила ко всѣму странную апатію. Воспоминаніемъ прошлаго Марусѣ оставалась ея комнатная собаченка. На ней сосредоточила она свои заботы и въ ней было единственное утѣшеніе въ настоящемъ. Оставленная одна въ своей комнатѣ, она выходила изъ нея только къ обѣду; въ прочее же время объ ней не вспоминали. Правда, вечеромъ заходила кухарка узнать, что готовить на ужинъ, но при этомъ всегда давала утвердительные отвѣты, что того или другаго нѣтъ, что поэтому то или другое нельзя сдѣлать.

— Ну такъ кашицу свари!

— Это можно и кухарка удалялась, повторяя неизмѣнно тоже каждый день.

Лія по немногу свыклась въ семьѣ С., прилежно выучивала свои уроки. Гувернантки хвастались ею... Одинокая оставалась Гурли въ домѣ дядиньки. Невыразимо долго тянулись для нея часы, безконечно длинны казались дни; все сидѣла она одна, подперши голову руками, въ большой комнатѣ, съ закрытыми ставнями для прохлады, ни мушки, ни паука, ни пятнушка не встрѣчалось глазу; ни звука, ни шелеста не было слышно, нигдѣ и не начемъ было остановить вниманія: такъ ли

тихо въ могилѣ, думала Гурли, куда зарыли папу? могутъ ли думать въ могилѣ? вѣрно нѣтъ!—во снѣ вѣдь не думаютъ. Если бы можно было не думать. Можно ли окаменѣть на одномъ мѣстѣ?... Вѣдь заключенныя сидятъ на одномъ мѣстѣ въ темницѣ. Такъ ли безотрадно въ темницѣ, какъ здѣсь... И за чѣмъ это нужно жить, когда нѣтъ папы? При немъ было такъ хорошо всѣмъ... И въ мысляхъ пробѣгало прошлое... и шептала она «хорошо, когда есть кого любить....»

Въ неизмѣнно опредѣленные часы отворялись скрыпѣвшія двери, показавшаяся въ нихъ Анисья, лаконически произнеся: «кушать», изчезала. Гурли шла къ обѣду. Молча угрюмый дядя Сось садился къ столу, потирая пальцемъ свой носъ, онъ указывалъ глазами на стулъ подлѣ стола. Гурли садилась. Молча проходилъ обѣдъ. Послѣ обѣда дядя уходилъ въ свою комнату, Гурли въ свою. Дверь со скрипомъ запиралась за ней и снова все смолкало до вечера. Снова садилась Гурли въ свой уголокъ и снова предавалась безотраднымъ мечтамъ. Всходилъ ли мѣсяцъ и свѣтился сквозь ставни: лучи его наводили мрачныя грезы: видѣлось снова море и какъ въ немъ тонутъ люди...

XVI.

Къ осени на ярмарку пріѣхала Аня съ дядинькой его превосходительствомъ. Раскланявшись съ дядинькой Сось, она поспѣшила въ комнату Гурли.

— Ты всегда такъ сидишь одна? спросила она ее цѣлуя.

— Всегда, отвѣчала та.

— Что же ты дѣлаешь?

— Ничего.

— Да, вѣдь такъ съ ума можно сойти! сказала Аня и задумалась. Постой, я тебѣ куплю на базарѣ шляпку и выведу гулять.

Двери, въ которыя вышла Аня остались открытыми. Гурли подошла къ нимъ и увидѣла въ слѣдующей комнатѣ на полу шкатулку, наполненною мѣдными деньгами. Присѣвши

возлѣ на корточкахъ, тетенька Настасья, набравши въ горсть пятаковъ, отсчитывала десять гривенъ и раскладывала на полу кругомъ себя. Вся ея небольшая фигурка какъ-то сгорбилась надъ шкатулкой; смуглое, небольшое лицо ея наморщилось; маленькіе черные глаза тупо слѣдили за работой рукъ. Нѣсколько секундъ глядѣла на нее Гурли и тяжолое, незнакомое чувство налегло ей на душу. Между тѣмъ дяд-ка его пре-во прикидывалъ на счетахъ разложенныя гривны. Дядинька Сось, насупившись, ходилъ взадъ и впередъ. Пересчитавши мѣдяги, ссыпали ихъ въ кожаный мѣшокъ. Дяд-ка Сось вынулъ ассигнаціи и оба они вслухъ отсчитывали сколько приходилось ихъ на обмѣнъ за всю мѣдь.

— Это все изъ шинка, угрюмо спросилъ Сось.

— Да больше не откуда получать. Хлѣбъ,—сами знаете,—не продается у насъ! отвѣчалъ его пре-во, расправляя полученныя ассигнаціи и тщательно завертывая ихъ въ бумажку.

— Своихъ мужиковъ, да самъ же и роспаиваешь, замѣтилъ лаконически Сось.

— Что-жь дѣлать-то! протянулъ его пре-во. Вѣдь вы же не позволяете, чтобы была недоимка на имѣніе сиротъ.

— Ну, ну! махалъ рукою и уходилъ въ свою комнату дядинька Сось,

— Вотъ и опять разсердился! прошептала тетенька Настасья, наклоняясь къ Его Пре-ву.

— Не буду больше говорить, отвѣчалъ онъ и пошелъ къ себѣ въ комнату.

Оставшись одна, тетенька Настасья все глядѣла въ окно. Воротилась Аня и повела Гурли на ярмарку. Тамъ, подъ рогожанымъ навѣсомъ, вдоль лавокъ, набилось всякаго рода люду. Съ большимъ трудомъ это тамъ протискивалась: все шумѣло, говорило, двигалось. Одичавшую Гурли, пестрота эта заняла, она заглядѣлась и не замѣтила, какъ ушла Аня изъ лавокъ. Незная куда идти она прижалась къ дверямъ и безцѣльно оглядывала толпу. Блуждающій взглядъ ея въ противоположной лавкѣ упалъ на картины. Выждавъ возможности, она перебѣжала на другую сторону и остановилась передъ изображеніемъ Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ. Это страждущее выраженіе, эти текущія капли крови по лицу, эти молящіеся глаза невольно какъ то проникали въ душу и чѣмъ больше вгля-

дывалась въ нихъ Гурли, тѣмъ больше чувство благоговѣнія охватывало ее.

— Ты какъ сюда попала? вскричалъ дядинька Егорушка, хватая ее за плечо и поворачивая къ себѣ лицомъ.

— Аня привела.

— Гдѣ же она?

— Я ее проглядѣла.

— Чего же это ты на образъ смотришь? за этимъ надо въ церковь ходить, а здѣсь,—вотъ постой, я тебѣ покажу картинку.

Перемявъ дюжину картинъ, брошенныхъ на прилавкѣ, вытащилъ одну и развернулъ передъ Гурли размалеванныхъ нѣсколько фигуръ полунагихъ женщинъ въ разныхъ позахъ.

— Что же тутъ хорошаго? спросила она съ удивленіемъ.

— Какъ что хорошее!—грація нарисована. Ну, да ты еще молода понимать въ этомъ, а вотъ пойдемъ я тебѣ сережки покажу.

Они перешли въ магазинъ золотыхъ вещей. Вниманіе Гурли привлекло Евангеліе изъ слоновой кости съ рѣзьбой изъ золота

— Вотъ какія! съ восторгомъ подносилъ дядинька къ Гурли,—массивныя, брильянтовыя!...

— Очень тяжелыя! сказала Гурли, они уши оборвутъ тому кто ихъ носить станетъ.

— Ну, тебя, я вижу, въ монастырь отдавать надо! замѣтилъ дядинька. Пойдемъ лучше отыщемъ Аню — да чай пора пить.

XVII.

Отбывъ ярмарку, дяд-ка Его Пре-во собрался ѣхать домой. Аня начала упрашивать дядинекъ позволить и Гурли съ ними отправиться въ деревню погостить.

— Вѣдь ей же одной одинешенькой скучно! жалобно го-

ворила она Согласіе послѣдовало и они поѣхали въ деревню Орж-у.

Весело глядѣла Гурли на широкія поля, покрытыя поспѣвшимъ хлѣбомъ. Весело было и на широкомъ дворѣ, покрытомъ травою. Цѣлые дни бродила она въ маленькомъ садикѣ, или опершись на плетень смотрѣла вдаль. Внизу тянулось болото, а за нимъ шумѣлъ и манилъ къ себѣ зеленый лѣсъ.

Всѣ полюбили Гурли. По вечерамъ она выпрашивала горничныхъ, доводила ихъ до хаты, гдѣ собирались вечерницы, а сама взбиралась на колокольню. И представлялось ей оттуда и море и садъ и проходило предъ ней все ея прошедшее....

Одинъ разъ Гурли вздумалось посмотрѣть, что дѣлаютъ на вечерницахъ. Переодѣвшись въ платьѣ горничной, она пошла съ ними. Въ хатѣ дивчата спрятали ее на печкѣ, а сами, поставивъ свѣчу среди хаты, взяли свои гребни, сѣли вокругъ свѣчи и запѣли: «Грицю». Это было сигналомъ для хлопцевъ и они начали скоро собираться. Приходя, каждый садился подлѣ любимой дивчины, хлопалъ ее по плечу, обнималъ и громко цѣловалъ. Потомъ начинались о чемъ нибудь разсказы. Хозяйка подчивала водкой и млинцами. Пили, ѣли, смѣялись. Послѣ начались пѣсни. Въ хатѣ становилось душно. Запахъ водки, сапогъ, вымазанныхъ дегтемъ, сала, которымъ мазали головы,—становился невыносимымъ и доставилъ Гурли ближе подвинуться на край.

— Хтось схований на пічі! крикнулъ одинъ изъ хлопцевъ.

— Дівчина, сказала черноокая Оксана, ударивши его веретѣномъ.

— Щожь у неі бильма на очахъ, що вона ховаится! острилъ другой.

— Ні, тіи очи якъ зірочка, мабуть въ такі очи николи нидивився! перебила голубоглазая Марья.

— Такъ чорна, та раба!

— Така чорна якъ снігъ! протянула красавица Мотря, блеснувъ чорными очіма.

— Ну хрома, або кривобока! смѣялися хлопцы.

— Така крива, якъ тополя, що стоитъ край села, замѣтила хорошенькая Лукерья, накладывая мычку на гребень.

— Такъ чегожь вона ховаитця? заговорили хлопци нехай йде до насъ!

— Ховаитця бо нэма пари! объясняла Марья

— Нехай выбира собі пару—кого выбире, то ей и буде, шумѣлъ одинъ хлопецъ.

— Ні! нэ такъ! подхватилъ другой, хто усихъ поборе — тому и дивчина!

Хлопци вскочили и стали бороться. Дивчата хохотали и подзадоривали.

Борьба кончилась.

— Ну, теперь моя! сказалъ побѣдитель, отдуваясь, и отирая обѣими руками катившійся потъ съ лица.

— Добрэ! а що дашь, якъ ты біля неі не сядишь? озадачивала его Марья.

— Якъ то не сяду?

— Чому?

— Та не сядешь.

— Ні, сяду! продолжалъ горячиться хлопецъ.

— А якъ не сядишь?—усимъ намъ по рядку, намиста купишь?

— Добре! нехай слиза!

Гурли спрыгнула съ печи и сняла платокъ съ головы.

— Паночка! пробормотали хлопцы и попятились къ двери. Всѣмъ стало какъ то неловко....

— Гуляйте, сказала она, я уйду!

Хлопцы оттолкнулись отъ двери. Гурли прыгнула за порогъ и побѣжала пустой улицей села. Мѣсяцъ въ полномъ блескѣ свѣтилъ. За ней раздавался хохотъ дівчатъ. Она шла и думала; меня здѣсь боятся... любить никто не будетъ. Каждую изъ нихъ кто-нибудь да любитъ—какъ грустно быть всегда одной. Задумавшись, Гурли пошла не той улицей и въ изумленіи остановилась на краю оврага На днѣ тамъ бѣлѣлись кости, отгнившія доски, съ краю лежалъ человѣческій черепъ, съ боковъ торчали концы полуизгнившихъ гробовъ, въ одномъ мѣстѣ отвалившаяся глыба открыла цѣлый скелетъ. Надъ этимъ провальемъ сидѣло странное существо; одѣто было въ грязныя лоскутья, связанныя узлами, на ногахъ навязаны были разноцвѣтныя склянки, голова обмотана бѣлой тряпкой; желтое, исхудалое лицо ярко освѣщалось луной. Въ рукахъ у него былъ человѣческій черепъ, въ который онъ что-то пряталъ, Свѣсившіяся въ оврагъ ноги болтались и отъ привязанныхъ склянокъ

издавался печальный, странный звукъ. Увидѣвъ Гурли, онъ какъ то окаменѣлъ; черепъ выпалъ изъ рукъ и глухо стукнулся на днѣ обвала....

— Барышня! Барышня, гдѣ вы?! послышался голосъ дивчатъ. Гурли отозвалась. Голоса стали приближаться и цѣлая гурьба подбѣжала.

— Що вы тутъ робіте? Се, стари могілки, сюды и у дінь боятця ходіть! Идіть до насъ! кричали они издали. Марья, подошедшая къ самой Гурли, глянула на загодочное существо, сидѣвшее надъ обрывомъ и крикнула въ ужасѣ: «Відьмакъ!» бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ. «Відьмакъ, Відьмакъ! заголосили дивчата и бросились бѣжать, что есть духу.... Обитатель могилъ поднялъ кулакъ и погрозилъ имъ вслѣдъ. Потомъ скатился съ обрыва на самое дно и собрался бѣжать,...

— Послушай! обозвала его Гурли, скажи мнѣ кто ты?

Вѣдьмакъ остановился, посмотрѣлъ на Гурли, переминаясь съ ноги на ногу.

— Поди сюда! звала его Гурли; маня и присѣдая на край оврага. Онъ сталъ ловко карабкаться по обрыву, цѣпляясь то за край гроба, то за камень и остановился на шагъ отъ Гурли, робко глядя на нее.

— Гдѣ ты живешь? спросила она.

Онъ показалъ въ конецъ оврага, гдѣ виднѣлась развалившаяся хата.

— Съ кѣмъ же ты живешь?

— Мати... сказалъ онъ отрывисто и какъ будто испугался своихъ словъ.

— Какъ же зовутъ твою мати?

— Відьма кажутъ люди! и лицо его передернулось;—брешутъ! прибавилъ онъ съ отчаяннымъ жестомъ.

— Куда жь пройти въ твою хату?

XVIII.

Відьмакъ пошолъ по краю оврага, боязливо оглядываясь Гурли пошла за нимъ. Дойдя до узкой тропинки, ведущей въ оврагъ, вѣдьмакъ сбѣжалъ и, присѣвъ внизу, уставилъ на Гурли свои чорные блестящіе глаза. Легко спускалась по ней и Гурли; иногда ее маленькая ножка скользила по скату; вѣдьмакъ дѣлалъ пугливое движеніе, но Гурли, граціознѣ изгибаясь, сохраняла балансъ, и відьмакъ успокаивался. Когда она подбѣжала къ нему. онъ вскочилъ и весело пошелъ впередъ, оглядываясь на Гурли. Близь хаты послышала она унылое пѣніе; разбитымъ голосомъ кто-то тоскливо пѣлъ:

„Ой сіну мій, сіну,
„Моя рідна дитина!
„Богато счастья за тебе
„Твій батько обіщавъ.
„Да, тілько гиркі слéзи
„Мині давъ!
„Ой! недавай мині слéзы літи!
„До кого ти пригорнеся, сіну?
“Цураются тобе люді!
„Родівся ти въ ліху годіну
„Нехай Богъ его зобиды“...

Голосъ порвался, раздалось рыданіе. Відьмакъ, сдѣлавъ тоскливый жестъ, снова побѣжалъ въ оврагъ. Гурли медленно пошла въ покривившіяся двери. Подлѣ окна на развалившейся лавкѣ сидѣла сгорбленная старуха; пасмы сѣдыхъ волосъ торчали изъ подъ трапки, повязанной на головѣ; на ней были такіе же лохмотья, какъ и у сына. Она силилась крутить веретѣно, но окоченѣвшіе пальцы не слушались ея.... Подошедши тихо, Гурли сѣла возлѣ нея и стала съ участіемъ смотрѣть на это изсохшее, изнуренное, но пріятное лицо.

— Отчего ты такая бѣдная? спросила ее наконецъ Гурли.

Старуха вздрогнула, подняла на нее свой потухшій взглядъ. Слезы тихо катились по лицу; какъ видно, она давно уже не знала никакого участья и ей будто легче стало, когда увидѣла на щекахъ Гурли двѣ свѣтлыя слезы...

— Чего я бідна ти питаешь? Хиба не знаешь що люді відьмой прозвали. Стали цураться, на работу не примать; геть далеко отъ мене бігали съ того часа, якъ у его побачили....

У мого батька богато було золота; цэ его и хата; була убрана коврами, семья богата. Люде казалы помежь себе, що батько съ чортами знався, бо біля могилокъ живе—та брехали, бо вінъ тілько мертвыхъ не боявся; не съ чортами, а съ поганими людьмі якшався. Бувъ тутъ панъ. Далеко за селомъ стояла его хата, на уси чотирі стороні двери; помежь дверимі каледори; підъ дверіми погреба поритi; цилий день можно кругомъ ходіть, нихто и не поба'иптъ. И той панъ нікого не боявсь; Лихий прозивавсь, за те що грабівъ по дорогамъ. Було и полиция зберетця на его; идуть съ одноі стороны, а вінъ завсегда сторожку державъ и въ день и въ нічь; побачуть та ему скажуть; вінъ подивитця въ маленьке виконце, що надъ хатою: по запира на запоры двери—виткиля идуть, а на другі утика; успижъ остальни въ бурьянахъ поховаютця; кругомъ хаті росли высокіе бурьяны и въ погребахъ, що помежь нихъ порыты. Отъ полиция вилома двери, обійде кругомъ въ хаті,—нема никого, тілько пакетъ великій на столі. Старшій визме его, роспечата, а тамъ повнисенько грошей. Подивитця-и схова; тай підуть додому, а панъ знова збира своихъ въ дорогу. Набачуть гдэ чумакивъ, або купцивъ—идуть на ярманку, наскочуть разомъ, а вже уси люди знали его такимъ—куди хто попало—тихъ що попаде съ возами забирае, та со своіми людіми далеко посыла продавать, а коли зъ ихъ хто распрода и ему грошей не привезэ-то того знайдуть и убьють. Тілько и страху було отъ пана Якова, що сотникомъ бувъ, ось що біля церкві его хати стоять. (Дѣдушка, подумала Гурли). Не разъ вінъ на того пана орломъ налітавъ, такъ вінъ, якъ жаба по бурьяні ховаитця; другихъ заловили—его ні. За тімъ же ніколи съ паномъ Яковомъ не встричався. Виклыкавъ ще Якова нічью на дорогу дратця; такъ той отвічавъ: що Царски указы читае и законы добре знае, що тому Сибирь не миновать, хто безъ Царской воли на дорогахъ деретця. Отъ у сего лихого пана мій батько служивъ. Не разъ зъ нимъ и на дорогу ходівъ. Богато було чого до дому приносить—и намиста, и шовковихъ лентъ, и червонихъ запасокъ. Въ нидилю якъ кралю нарадить мене мати, а мині все чогось сумно -ховаюсь, щобъ не бачилы люде. Отто разъ біжу черезъ село—чую музики грають, москалі идуть на хватиры до насъ. Дивлюсь на

білому кони охвицеръ випэріжае, а кинь підъ нимъ такъ и грае. Поривнявся зомною: «дэ твоя хата!» пытае. «Ось тамъ», кажу, біля могилокъ». «Добрэ, каже, побуваю». Поминули воны; побігла я додому. Прибігла, сила підъ хатою, а сердце у мене бьэтця, ни якъ не спочину. «Що съ тобою доню», пита мати. «Москалівъ, кажу, бачила». «То що; до насъ не поставлють,—батько заплатэ». Надвинула платокъ на брови и пишла до коровы, а я усю нічьку не спала и на другій день же выжидала охвицера. И страшно, що вінъ приде и хочется щобъ прйшовъ. Коли надъ вечіръ, дивлюсь, идэ, спива и тоненькою паличкою махае. Да сразу до маты: «здравствуй! каже, чи нема молока продати? Пишла въ погрібъ мати молока шукать, а вінъ тоді до мене: обнимае, въ очі дивитця, тягнэ до себе; толкнулабъ его, такъ не смію, и побіглабъ,—такъ нігъ не подниму; такъ вінъ иціловавъ мене поки мати не вернулось. Напився молока; росплатывся и пишовъ. Мати щэ въ ноги ему поклонилась, а я застидилась. И ставъ вінъ що вечіра ходіть до хаті молока покупаты; мати гроши забирае, молоко шукае, а вінъ мене цілуе, та до себе пригортае, якъ гдѣ побачить, заклика до себе на хватиру. Довго я не заходила, потімъ якось у вечері силкомъ затащивъ, та и ставъ диковины разні показувать: взявъ финарикъ, свічку загасивъ —дивлюсь, а по стінкамъ чорты бігаютъ, відьми; со страху у мене волоси пиднялись. Дівчата, що підъ окномъ стояли порозбігались,—а вінъ сміетця... Потимъ ставъ праниками кормить, солодкимъ виномъ поить, обіщався вікъ кохать, вікъ не покидать, тай заночовала я у его.... Стало мині страшно до дому вертатця, осталась я жить у его. Якъ вишла я вперве съ его хаті стали кликать відьмою. Дівчата стали казать що я заворожила, що я по его слідамъ ходила, що маті молокомъ съ зільемъ поила. Стала маті за мною тужить, заболілэ и померла, бо никому було за нэю доглядать. Батько, якъ почувъ, що я до охвицера убігла, забравъ гроши, да кудась далеко пішовъ и нэ звэрнувсь;—чули, буцимъ того, попався. Не довго я съ милимъ кохалась, назначили імъ далеко идти у походъ. Заплакавъ, якъ прощавсь: «жди, кажэ, я за тобою вернусь. Пишла я до своей пустои хаті; цілу нічъ було просижу підъ вікномъ, плачу, співаю его вижидаю. Стали люде мене відьмою звать, стали хату обигать, ніхто моі гроши нэ бере; ні-

хто мині ничого не дае; ніхто мині въ очі не гляне; ніхто слова не промовэ. Родилась дитина, никому було мині помогати. Стала я сама собі хліба заробляти, сама дітину годувати. Почала и хата валитця; ніхто нейде по правляті; сміютця люди та кажутъ: «треба твого князя дожидати.» Стала гратця моя дитина, не пускаютъ другі своіхъ зъ нимъ грати, кажуть: «мужикамъ до князивъ не приставать», — тай усе тімъ княземъ поприкаютъ. Стало ще мині гірше трудно було заробляти хлиба, я заболіла, — пришлось продавать усе съ хаті, а сінъ рісъ самъ собі поміжь могілками, ни съ кімъ нэ размовляючи, тай вирісъ такий чудний, дикий не вміе слова сказати; людей боитця ничімъ его и зодягать, а вжэ я тэпэръ больная стала нічимъ и годувать. Вінъ самъ не уміе зароблять, бо ніхто его не прима у работу, — відьмакомъ прозываютъ. Мабуть прійдетця зъ голоду пропадать....

— Ні, осья птичку убівъ, зварить мамо! сказалъ неожиданно відьмакъ; подымаясь съ порога.

— Ось що мы теперь імо! сказала старуха, улыбаясь сину и показывая Гурли убитую камнемъ ворону.

— Онъ только воронъ и бьетъ? спросила Гурли.

— Ні, що попадетця, коли и курицю и перепілку.

Между тѣмъ вѣдьмакъ принесъ охапку топлива; тутъ былъ и бурьянъ, и сухія вѣтки, и сгнившія доски. Бросивъ охапку, онъ проворно досталъ съ печи крисало и высѣкъ огня. Веселое пламя освѣтило печальное жилище вѣдьмы. Голыя стѣны покосились, потолокъ обвисъ, одинъ уголъ обвалился. Каждую минуту надо было ждать, что все это рухнетъ. Не было тутъ ни стола, ни лавки. Грустно обвела глазами вокругъ себя Гурли и остановила ихъ на старухѣ, отогрѣвающей надъ огнемъ свои коченѣющія руки.

— Мамо! що вона за дівчина, що я такоі гарноі ніколи не бачивъ? спросилъ відьмакъ, робко глядя на Гурли.

— Не знаю моя дитино, грустно отвѣчала старуха.

— Я внучка пана Якова! сказала Гурли улыбаясь.

Старуха оборотилась и стала внимательно разглядывать ее.

— Мабуть чи ні дочка того сина Яковаго, що гдѣсь далеко на морі служивъ.

— Развѣ ты его знаешь?

— Бачіла разъ, та ніколи не забуду. Якось заболіла я.

У пана хліба заробить не удалось. Пішла до другіхъ—не приймають; стала прохать—нихто нэдае. Сила я підъ Церквою и гирко плачу. Бачу панъ молодий йде.—Чего ти? питае. Да ничимъ дитины годувати, — хлиба нема. Вінъ сразу вытягъ зъ кармана гаманецъ держи, каже, руку! Я протягла. Вінъ потрусівъ—тілько гривинникъ и выпавъ. Вінъ еще подувъ въ его, покрутивъ—нема! каже, а самъ сміетця такъ гарно и въ очи дивитця такъ пріязно, Я ему: може вамъ самімъ треба, а вінъ каже: ховай швидчэ,—а то отнимуть, тай пішовъ дали. Подывилась ему вслидъ, а мині такъ лехко, вэсело стало. Купила соби хлібца, дитину на годувала, тай думаю: піду того гривинніка отроблю. Прішла въ двіръ пітаю, нема кажуть; старий панъ пославъ его на царску службу, щобъ дурно не шлявся, на дівчатъ не задівлявся. Старый панъ у ту пору дуже сердитий вже ходівъ; хмурний такий усе тихенько самъ соби розмовляе. Палица у его здорова въ рукахъ, же махае, ніхто не попадайся на зусопричъ — такъ и потягне. Дочки уси було отъ его ховаются: не любивъ вінъ чогось не одноі Обстриже якъ хлопцивъ, помінють зъ свого полотна спидници, та такъ вони и ходють. Бувало привезуть черниговцы оброкъ та усе мідными грішми. Отъ стара пани пристае до его:— трэба дочокъ зодягать, треба ихъ заміжъ выдавать; що нэ вікъ же ихъ держать та годувать. «Вінъ на неи палицею махне, а вона усе свое тороче. Вінъ лае, лае, а потимъ крикне:»—да, ну—отчипись! Бери одинъ мішокъ грошей на расходи, та більшъ не вяжись.» Отъ и сыплють ті гроши въ коморі; стара и помье дочкамъ паньски платтяя. Якъ стояли тутъ москалі, охвицеры, до іхъ сходятся. Паночки понаряжаютця, поставять наливки; панъ за музыкою пошле; пьють, гуляють, танцюють—ажь до світа на усе село чуть. Ось одну білу высоку та хорошу и взявъ охвицеръ, та не знаю якэ счастя було іі, бо и поміжъ москалями вінъ считався дуже сердитий. Б—въ якось прозывали его. (Дядинька Б—въ, подумала Гурли). Було якъ що нэ по ему, триска того біднаго салдата, такъ той и зомліе. Сказавъ бы ризать кого, той ризали бъ—бо дуже его боялись. Другу лочку старшу панъ силою видавъ. Вона вже плакала, запиналась; та вінъ сказавъ, якъ не пидешь—убью!... Самъ и до винця водивъ, та тамъ зъ палицею стоявъ. Пипъ невісту пита:—«чи согласна? Мов-

чить бідна, тілько якъ стіна біла стала. Вінъ якъ закричить на усю церкву «согласна!» — да попові палицею... Бачить піпъ, що палици нэ мэнэ—тай и повінчавъ. Пишли молоди съ цэркви. Молодій до молодоі заглядае, а вона ему якъ въ очи не плюна. На весиляе молодий съ паномъ пьють горилку, сміются, а молода съ матерью переглянуться и слизами зальются. Після поіхали воны въ село молодого—Бугай. Старий панъ третию дочку не защо не хотивъ отдать за того, кого вона любила; такъ вона смарнила. Тогді панъ побоявся, щобъ нэ вмерла, та и отдавъ. Да, не довго пожила и замужемъ; годивъ черэзъ два померла у скорости и стара пани померла, а самъ Яквівъ розуму ришився. Бувало у цэркви съ палицею дерется. На хозайство тоді настоновився панъ Сось. (Дядинька Сось, подумала Гурли.) Любивъ вінъ жинку якогось-то пана Куляды, а его полюбила паночка отъ та, що осталась на хозяйстви одна, писля стараго Якива и полюбила его ни якъ брата, а якъ хлопця чужаго. Да и смущався жь вінъ надъ нею. Звечера, було прикаже щобъ ранкомъ,—якъ щэ тэмно,—вона іхала у поле; идэ копи ситать, глядить скілько хто наваже. Въ ранці змокне, змерне — дрожить, а приде до дому-заразъ іде ему докладывать да якъ ще не по ему, накрічить и на лае. Прибіжить вона въ свою хату плаче, рукі ломае, якъ не умирае, а вінъ собі зодягнется гарненько и підэ до своеи коханої панни Та для его и мужа покинула. Тілько вона дуже боліла—харкала кровью. Кріпкожь и побивався вінъ біля неі; при послідку самъ на простиняхъ іі переносівъ; цилі нічі надъ нею сідивъ. Но скілько не лічили—не пособілось помэрла. Съ горя вінъ и хозяйновать покинувъ. У городі купівъ домъ, за людьми не бачівся; начавъ самъ собою сумовать: дума умерты та и досі, кажуть, живий, тілько такій неприступний—никому и въ очи весело не гляне. А паночка... тутъ огонь въ печі стухъ; старуха взглянула въ окно. Світа вже! сказала она...

—Какъ же я домой дойду? спросила Гурли, вставая.

—Да! ты живешь въ паньскому дворі, що біля цэркві?

— Да! отвѣчала Гурли. Проводи іі моя дитино, обратилась старуха къ сыну. Онъ всталъ и пошолъ впередъ, постоянно оглядываясь на Гурли. Молча пришли они къ церкви.

— Прощай! Спасибо! сказала Гурли, входя въ ограду.

Ти більшь до насъ не прийдешь? спросилъ онъ робко, ломая себѣ пальцы на рукахъ.

— Какъ взойдетъ мѣсяцъ приходи сюда за мною, отвѣтила Гурли и побѣжала домой. Тихонько пробралась она въ свою комнату, въ которой свѣча догорала и Аня спала нераздѣтая. Гурли легла. Ей и въ постелѣ еще долго представлялись образы когда-то жившихъ людей, вызванныхъ изъ забвенія разсказами старухи.

VIII.

Поздно проснулась Гурли. Дивчата крѣпко обрадовались: имъ представилось, что видьмакъ околдовалъ ее на вѣчный сонъ. Напрасно Гурли увѣряла ихъ, что ни вѣдьмы, ни вѣдьмака не существуетъ, а что это несчастные, которымъ ѣсть нечего. Дивчата качали головами и твердили «свое: вы не знаете, они прикинулись передъ вами, а люди давно знаютъ».

— Чтожь они сдѣлали дурного?

— Та бають онъ у Грицька теля пропало такъ ни съ чего.

— Ну такъ чѣмъ они виноваты?

— А хто жь винний, уже жь теляти ни съ чого пропасти: се відьма наурочила!

Такъ всѣ несчастья на селѣ складываютъ на бѣдную женщину, которая никогда никому ни единаго не сдѣлала зла, думала Гурли, оставшись одна. Вечеромъ она взяла у дивчатъ два ломтя хлѣба и оставшуюся отъ обѣда кашу, завязала въ платокъ и пошла гулять къ церкви. Видьмакъ ее ждалъ, спрятавшись въ кустъ сирени. Подойдя къ оврагу Гурли сѣла отдохнуть, видьмакъ сѣлъ возлѣ. Долго разсказывала она ему, что много странъ есть на свѣтѣ, что много разныхъ людей живетъ въ этихъ странахъ, что есть широкія рѣки, большія моря, какія звѣзды, какія промыслы есть на свѣтѣ, какъ люди живутъ, какъ вѣруютъ, какъ нужно Богу молиться, для чего церковь строютъ. Видьмакъ слушалъ, не спуская съ нея сво-

ихъ черныхъ большихъ глазъ; все было ему ново, умъ просыпался, воображенie разыгрывалось.

Послѣ того каждый вечеръ Гурли ходила гулять къ оврагу; каждый вечеръ носила она хлѣбъ бѣдной старухѣ. Радостно встрѣчали ее мать и сынъ. Было ей легко и весело. Здѣсь меня любятъ, думала она, здѣсь меня ждутъ! Какъ хорошо быть любимой, какъ тяжело жить съ тѣмъ, кто не любитъ.

Не долго пользовалась Гурли свободой: опять повезли ее къ дядинькѣ Сось. Рѣшили также, что и Марусю возьмутъ къ нему, но онъ терпѣть не могъ комнатныхъ собакъ, а Маруся ни за что ни хотѣла разстаться съ своею собакою,—то дали ей отраву. Цѣлую ночь проплакала Маруся надъ своею любимицей; однако сильный прiемъ рвотнаго спасъ собачонку. Тихонько подъ бурнусомъ принеса ее Маруся въ свою комнату, прибывши къ дядинькѣ Сось. Всей ея заботой и единственною мыслiю стало скрывать присутствiе своей собачонки въ домѣ; неотлучно сидѣла Маруся при ней.

Гурли по прежнему опять оставалась одна съ своими мечтами. Одинъ разъ она чего то громко разсмѣялась, такъ громко, что дядинька пришолъ освѣдомиться, не съума ли она спятила, такъ необыкновеннымъ казалось малѣйшее нарушенiе тишины въ этой могилѣ живаго человѣка.

XIX.

Скоро Аня объявила, что Саничка согласился вести ихъ опять туда, гдѣ они жили, что онъ будетъ жить съ ними.

— Да вѣдь папа же говорилъ дяд-кѣ Б—въ, что на Саничку нельзя надѣяться? возражала Гурли.

— Ну, это прежде было, сказала Аня,—теперь совсѣмъ другое: я описала ему все и онъ принялъ участiе.

Саничку ждали не долго. Прiѣхалъ онъ разбитый, съ ревматизмомъ въ ногахъ, безпрестанно охалъ и потиралъ ноги. Возлѣ дядинекъ онъ увивался и чуть ни на каждомъ шагу говорилъ комплементы познанiямъ ихъ и уму всегда любезно улыбался,

но когда дядиньки уходили, лицо Санички представляло такую кислую гримасу, какъ будто ему попалось что-то непріятное для обонянія. Гурли, наблюдавшая безпрестанно всѣхъ и все, съ удивленіемъ смотрѣла на перемѣну лица Санички. Онъ же весь былъ поглощенъ своими предположеніями и разсчетами, постоянно спрашивалъ сестеръ обо всемъ что и какъ дѣлается у дядинекъ, давалъ наставленіе Ани какъ устроиваться въ дорогу, мечталъ съ Марусей какъ они вмѣстѣ будутъ жить и какъ никто ужъ не помѣшаетъ дѣлать что захочется. Онъ ласкалъ Гурли, но эта ласка не согрѣвала ея сердца: отчего это ни легко, ни отрадно, когда ласкаетъ Саничка, думала Гурли; оттого-ли, что обращается со мною какъ съ бесмысленнымъ ребенкомъ? оттого-ли, что онъ любить не умѣетъ! Онъ любитъ и ласкаетъ какъ будто по заказу, какъ будто потому только, что сестрой его называюсь, а любилъ ли такъ, если бы была ему чужая; вѣрно нѣтъ!.. А люблю ли я его? спросила себя Гурли.

— Нѣтъ! произнесла она вслухъ.

— Что это нѣтъ? спросилъ Саничка, входя въ комнату.

— Да не люблю.

— Кого это?

— Тебя!

— Ахъ, какъ дѣвочка лжетъ! говорилъ Саничка улыбаясь и нѣжно взявши ее за побородокъ. А за чѣмъ же дѣвочка растираетъ мнѣ ногу, когда я лежу, зачѣмъ спѣшитъ подавать сигары когда встану?...

— А мнѣ жаль, что у тебя нога болитъ! отвѣтила Гурли.

— Ну, а когда намъ кого жаль, когда хочется сдѣлать то, что ему нравится это значитъ—мы его любимъ, проговорилъ наставительно Саничка. А дѣвочка этого не знаетъ! добавилъ онъ, нѣжно погладивши по щекѣ Гурли. Что же это, думала она, когда Саничка поспѣшно вышелъ на зовъ дядиньки, я и не знаю или Саничка незнаетъ, что такое любить. Мнѣ жаль всѣхъ кого вижу страдающихъ и но всѣхъ ли я люблю? О, нѣтъ! Развѣ я могу любить видьмака, его мать,—а вѣдь жаль же мнѣ ихъ...

Случай ускорилъ отъѣздъ сестеръ. Маруся, ободренная присутствіемъ Санички, перестала стеречь свою собаченку; дяд-ка Сось узналъ. Свыкшійся съ мыслію, чтобъ никто не смѣлъ

не исполнять его приказаній, раздраженный вошолъ онъ къ сестрамъ.

— Я велѣлъ, кричалъ онъ, сжимая кулакъ, и грозно глядя на Марусю. Я велѣлъ, чтобы собаки не было въ моемъ домѣ! Какъ ты смѣла принести ее?...

— Я говорилъ, я говорилъ! подкрикивалъ дядинька Егорушка, грозя пальцемъ изъ за его спины.

— Пойдемъ, пойдемъ! заговорила испуганная Аня, таща Марусю за руку.

— Какъ ты смѣла ослушаться моей воли въ моемъ домѣ? Поди сама вонъ!... продолжалъ кричать дяд-ка Сось.

Гурли съ удивленіемъ смотрѣла на Саничку. Глаза его выражали непреодолимое желаніе ляснуть дядиньку въ морду, губы его, дрогнувшія при началѣ словъ дядиньки остались сжатыми, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, только пальцы его раздавили сигару, только что имъ закуренную.

Между тѣмъ Аня успѣла накинуть бурнусъ на Марусю, и выпроводить ее за двери. Дядинька Сось, невидя предмета своего гнѣва поворотился и ушолъ.... «Подлецъ!» прошепталъ тогда Саничка и, походивши минутъ пять по комнатамъ, отправился къ дядинькамъ. Слышала Гурли, какъ онъ оправдывалъ предъ ними поступокъ Маруси ея молодостію и незнаніемъ жизни. Саничка, неужели ты двуличный, думала Гурли, а онъ, выйдя отъ дядинекъ, ругнулъ ихъ потихоньку и сказалъ Ани: «что надобно торопиться выѣзжать, да съ дядиньками полюбезнѣй обращаться, а то денегъ мало дадутъ на дорогу,» и ушолъ искать Марусю. Гурли, засѣвши въ уголокъ, подумала: «какъ же будемъ мы жить съ нимъ:—весело ли, покойно ли? и какое то сомнѣнье шевельнулось у ней въ головѣ.

Когда собрались въ дорогу; дяд-ка Сось объявилъ, что Гурли можетъ остаться у него. Поэтому Саничка счелъ за нужное, чтобы она сама попросилась у дядиньки отпустить ее съ нимъ.

— Вотъ Гурли говорилъ онъ подводя ее къ дядинькѣ, пришла просить, чтобы вы отпустили ее съ нами. Саничка улыбался.

— Если ты больше вѣришь брату, чѣмъ мнѣ,—такъ и поѣзжай съ нимъ.

Гурли молчала. *

— Такъ благословите же ее дядинька подхватилъ Саничка.

— На что ей мое благословеніе? угрумо проговорилъ онъ вставая.

Экипажъ подали. День былъ майскій, чудный, солнце ярко свѣтило; невольно манило всѣхъ прогуляться; пошли черезъ городъ пѣшкомъ. Дядинька Егорушка провожалъ.

— Ну, сказалъ онъ Ани, Саничка снялъ образъ и поклялся, что онъ всѣмъ пожертвуетъ для васъ!...

— Дай Богъ! дай Богъ! твердила Аня, набожно крестясь.

Наконецъ попрощались, усѣлись и поѣхали. Всѣ были веселы,—точно вырвались изъ неволи. Саничка шутилъ, Аня хохотала, Маруся выдумывала анекдоты на дядинекъ. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, дорога была пріятной прэгулкой для Гурли.

XX.

Скоро пріѣхали въ деревню. «Трудолюбіе».

Маленькій домъ, нѣсколько чахлыхъ деревъ, пять-шесть хатъ, разбросанныхъ далеко одна отъ другой, на голой степи и ничего больше — никакого жилья вотъ все. Громкое названіе, присвоенное дяд-кой Б—въ своей деревушкѣ, казалось скорѣе въ насмѣшку, а не въ ознаменованіе его собственныхъ трудовъ. Получивъ за женою деньги и нѣсколько семей крестьянъ, онъ поспѣшилъ населить ихъ въ этой мѣстности, неразбирая, что водопой находился за десять верстъ и чрезъ это бѣдные обитатели не могли держать въ дворахъ ни скота, ни овецъ, а въ бездонномъ колодцѣ подъ сухое лѣто едва хватало воды для людей. Когда строился господскій домъ, воду привозили изъ далека. Однако это не помѣшало разрисовать на потолкахъ амуровъ и букеты цвѣтовъ, хотя у мужиковъ не было въ хатахъ ни скамей, ни лавъ. И все же дяд-ка Б—въ гордился тѣмъ, что онъ сдѣлалъ поселеніе въ глухой степи.

Гостей встрѣтили съ открытыми объятьями. Дяд-ка Б—въ цѣловалъ Аню и въ голову, и въ плечи, Саничку чуть не задушилъ обнимая; всѣмъ улыбаяся, всѣхъ угощалъ, но подгля-

дѣла Гурли какъ сверкали его глаза, какъ сдвигались его брови, то на жену, то на прислугу.

Саничка тоже улыбался, шутилъ и смѣялся, но когда дяд-ка выходилъ, то на лицѣ его была видна таже непріятная гримаса, какъ и прежде. Видно тебѣ и здѣсь, Саничка не по сердцу, думала Гурли.

Аня и Маруся скоро отправились съ Синичкой дальше а Гурли и вторую сестру оставили тутъ погостить, пока они устроятся. Весело она бѣгала по широкой зеленой степи. Не разъ, вставши до зори, выбѣгала въ поле и, припавъ на влажную землю, выжидала восхода солнца. Оно вдругъ поднималось изъ подъ края горизонта и блестящіе лучи отсвѣчивались милліонами радужныхъ искръ по всей степи; какъ будто каждый листокъ, каждая былинка были усѣяны брилльянтами. Вылетали птички поднимались жуки, порхали бабочки. Все это кружилось, неслось вокругъ нея; тысячи голосовъ раздавались въ этомъ безлюдьи. Предъ этой картиной природы глубокое благоговеніе охватывало душу Гурли. Она молилась безъ словъ—о чемъ—сама не знала. Ей было такъ легко, такъ хорошо.

Неохотно возвращалась она домой, знала она, что на крыльцѣ дяд-ка Б—въ пьетъ чай. Что предъ нимъ едва живой стоитъ приказчикъ и, при каждомъ его движеніи, пятится назадъ, ожидая каждую минуту, что вотъ задѣнутъ его по рожѣ. Что дрожащая Варвара шепчетъ молитву, подавая со страхомъ стаканъ, чтобы не полетѣлъ бы онъ ей въ голову вмѣстѣ съ чаемъ. Замѣчала не разъ Гурли, какъ сама бѣдная тетя блѣднѣетъ при крикѣ супруга; какъ тщательно перетираетъ она блюдцо, стаканъ, чтобы не было ни пылинки, какъ старается она улыбаться проходя мимо, чтобы не получить упрека.... Всего тяжелѣй было Гурли, когда онъ начнетъ упрекать жену въ томъ, что та не заботится накормить ее. Поэтому она всегда старалась пройти мимо незамѣченною.

Скоро однако бѣдная женщина сильно заболѣла, но ничего не говорила мужу, пока совсѣмъ не слегла въ постель. Тогда уже, предчувствуя смерть, просила послать за сыномъ, который былъ тогда въ лицеѣ. Дядинька засуетился, послалъ за докторомъ, самъ поѣхалъ за лекарствомъ,—но было уже поздно; она кончала свою тяжелую жизнь, повидимому, только одного желая,—чтобы увидѣться съ сыномъ. Иногда она забывалась и ей

казалось, что онъ уже возлѣ, что слушаетъ ее, и шептала: «тяжело мнѣ было съ вами перевозиться съ мѣста на мѣсто вездѣ новые хлопоты, недостатки. Ну, какъ поселились здѣсь— домъ этотъ сталъ могилой для меня; ревновалъ онъ меня ко всякому живому человѣку.... здѣсь я и съ вами разсталась....» Вдругъ приходила въ себя: искала его глазами, вздыхала и опять начинала ждать, говорила Варварѣ какую комнату приготовить, чтобы было чисто, чтобы приготовить и творогъ который онъ любитъ, каждый день заказывала его любимое кушанье,—но дни проходили, а его не было. Она видимо изнемогала. Наконецъ получили письмо: Алешинька чувствительно благодарилъ за присланныя деньги, писалъ, что не можетъ кончить экзамена, не выкупивши книги, просилъ еще прислать денегъ—расчитаться съ учителями,—крѣпко сожалѣлъ, что не можетъ выѣхать сейчасъ и возлагалъ всю надежду на Бога, оканчивалъ письмо нѣжными пожеланіями.... Горько улыбнулась нѣжная мать. что-то прошептала и отвернулась къ стѣнѣ. Ни жалобъ, ни стона никто не слыхалъ отъ нея. Вечеромъ велѣла все приготовить къ своей смерти, разсказала гдѣ что достать и какъ одѣть.... Къ утру прибылъ священникъ и пріобщилъ ее. Прежнія ожиданія и тоска прекратились. Она лежала совершенно спокойною, только въ сильной слабости не могла и рукъ передвинуть. Вдругъ она преподнялась, осѣнила себя большимъ крестомъ, громко произнося: «Господи прими мою душу...» и голова ея скатилась на подушку—она скончалась. Началась суета, завопилъ, закричалъ дядинька. Посланный поскакалъ въ городъ за покупками для похоронъ. Полетѣли верховые во всѣ стороны сзывать на церемонію. Дяд-ка самъ писалъ приглашенія въ наичувствительнѣйшихъ выраженіяхъ о постигшемъ его несчастіи. Натолпилось полную комнату званыхъ. Всѣ корчили маски сожалѣнія и участія. Дадинька Б—въ рыдалъ, ломалъ руки, увѣрялъ, что это вышло такъ неожиданно, его какъ громомъ поразило, что онъ теперь потерянный, не знаетъ, что дѣлать, за что взяться и тутъ же выходилъ на крыльцо отдавать приказанія. Бранилъ прислугу за медленность и неисправность, грозилъ всѣмъ отблагодарить, потомъ снова бѣжалъ къ гробу, припадалъ къ ногамъ покойницы и заливался слезами. Когда же гробъ понесли къ могилѣ, онъ сорвалъ башмакъ съ ноги покойной и спряталъ на груди. Отъ могилы привели его подъ руки, думали уложить,

но онъ объявилъ, что «хотя и чувствуетъ всю глубину своего несчастія, но помнитъ свой долгъ въ отношеніи другихъ и твердъ, твердъ какъ желѣзо—все перенесу...» докончилъ онъ со слезами на глазахъ и отправился приказывать подавать обѣдъ. За столомъ много кричали и спорили и съ шумомъ разъѣхались подпившіе гости. И какихъ тутъ лицъ не пришлось видѣть Гурли. Былъ тутъ помѣщикъ Рычагъ, небрежно игравшій своей цѣпочкой, иронически поглядывавшій на всѣхъ окружающихъ и любовавшійся на глаза дяд-ки Б—въ. Тутъ и сестра его красавица, выданная замужъ вмѣсто векселя за долги. Былъ и помѣщикъ Яворъ, искавшій развода съ женой за то, что она вѣтреничала съ офицеромъ, да и самъ прижилъ дѣтей съ ея родной сестрой, и его сестрица, отправившая своего мужа къ праотцамъ и состояніе дѣтей передавшая управителю, чтобы на ней женился. Былъ ближайшій сосѣдъ, который во время своего сватанья наговорилъ, что у него огромный домъ и садъ, а привезъ молодую жену въ мазанку—хату, гдѣ эта обитательница большаго свѣта зачахла отъ тоски; тутъ же сидѣла она подлѣ мужа, харкая кровью. Здѣсь же былъ выслужившійся маіоръ, обрадовавшійся случаю уйдти отъ кулаковъ своей прежде бывшей любви, онъ исправно пилъ вино съ ватагой поповъ.... Шумъ, крикъ, упреки другъ другу; одни потихоньку говорили о похожденіи другихъ.... Съ удивленіемъ глядѣла на все это Гурли и думала: зачѣмъ сошлись они сюда, въ эту комнату, гдѣ только что лежалъ прахъ страдавшей женщины, что нужно имъ здѣсь, гдѣ должно плакать?... А попадья все безъ устали шепчетъ ей въ уши біографію присутствующихъ, пока наконецъ паны, опорожнившіе бутылки, собрались домой. Разъѣхались остальные; въ домѣ стихло и даже самъ дяд-ка Б—въ легъ отдохнуть, только храпъ его раздавался по комнатѣ....

Гурли побрела на свѣжую могилу. Двѣ женщины Анисья и Варвара рыдали на колѣняхъ. Она присѣла къ нимъ.

— Уходилъ таки, заговорила Варвара.

— А сколько-то горя натерпѣлась, добавила Анисья, утирая слезы.

— И всѣхъ-то она покрывала, за всѣхъ сама въ отвѣтъ шла.... продолжала Варвара, глотая слезы, не кому будетъ теперь за насъ заступиться....

— Да гдѣже прежде вы жили? спросила Гурли.

— Да куда онъ не таскалъ несчастныхъ насъ, грустно продолжала Анисья. Какъ выдали это барыню, поѣхали первое къ его отцу, въ Петербургъ—похвастать женой захотѣлъ; и понравилась она всѣмъ да бѣда—по ихнему говорить не умѣла; смѣются было надъ нею, а онъ-то бѣсится да упрекаетъ, «да чѣмъ же я виновата», обозвется барыня, а онъ крикнетъ: «молчи, деревенская дура!...» Послѣ того поѣхали мы по походамъ, ѣздимъ за нимъ, а онъ то и дѣло бранится,—все не такъ. Пошли дѣти. Купилъ онъ землю; много хлопотъ перенесли пока построились, не успѣли оглядѣться, поссорился онъ съ сосѣдями, взялъ и продалъ. Перешли на другое мѣсто и тамъ не успѣли обжиться—опять продалъ, да вотъ уже здѣсь строится, а здѣсь все степь да степь, ни дерева, ни хлѣва не увидишь, гдѣ и дороги нѣтъ.... Пріѣзжаемъ—въ полѣ стоитъ одна хата, кругомъ глушь безслѣдная. Глянули мы на барыню—сидитъ блѣдная, словечка не промолвитъ, забрали дѣтей, вещи внесли, а онъ по хатѣ бѣгаетъ и кричитъ: «я ему докажу, подлецу, что я не трусъ. Что онъ мнѣ глаза колетъ, что другіе вотъ на дикіе острова переселяются: я самъ вотъ въ голой степи поселеніе сдѣлаю». И пошли эти устройства. Пригнали сюда нашихъ мужиковъ, вырыли колодезь, хаты и домъ поставили. Сколько пошло труда и слезъ, когда строили домъ! Дождались конца думаемъ отдохнемъ — да не тутъ-то было! Сталъ гостей собирать—домъ показывать. Молчитъ барыня—не до веселья ей; проводитъ гостей на нее кричитъ: «чего ты какъ дура молчишь, слова промолвить не умѣешь!» Сберутся другой разъ гости, станетъ говорить барыня, разсмѣется съ кѣмъ,—опять бѣда: зарѣвнуетъ: «не смѣй, кричитъ, любезничать ни съ кѣмъ—живую разорву! А самъ онъ ни одной проходу не давалъ,—едва отобьешься. Къ мужу предешь—бранитъ бариномъ поприкаетъ! Что за житье было проклятое! Давно бы его бросили, хотя-бъ и въ Сибирь идти, такъ жалѣли барыню видѣвши, какъ онъ надъ ней издѣвается. Она жь за всѣхъ заступалась, плачетъ такъ, что никто ни видитъ; одна утѣха была ей въ дѣтяхъ да и тѣхъ въ ученье развезъ. Привезли это съ науки старшую дочку. Нечистая сила подвела, чтоль? влюбился онъ въ нее. При немъ раздѣвайся, при немъ одѣвайся. Ей стыдно, а онъ цѣлуетъ, вездѣ цѣлуетъ. Она и не понимаетъ, а мы то видимъ куда дѣло клонитъ! Да какъ сказать барынѣ?—не смѣемъ.

А ужь вижу барыня извелась ходитъ—лица на ней нѣту. Подумавши—ужь будетъ, что будетъ—сказала, а она покачала головой и говоритъ: «сама я давно вижу, да что сдѣлать-то—въ люди показать, можетъ женихъ присватался. Что-жь—просила, просила ни куда взять не хочетъ. Догадаться-бы ей самой попроситься». Смекнула я это. Пошла къ ней, подговорила,—попросилась. Повезли на балы и присватался къ ней генералъ Р....а, невзрачный такой. Барышня въ слезы, баринъ отдавать не хочетъ, а барыня и говоритъ: «не хочешь—не выходи! Только съ отцомъ тебѣ хуже будетъ!» Написала барышня къ дѣдушкѣ,—тотъ прiѣхалъ на почтовыхъ. Распросилъ барыню и барышню—давай послѣ его бранить, сибирью стращать. Посогласовался баринъ. Взялись за приданное; прiѣхалъ женихъ. Барышня отворачивается, тошно ей глядѣть на него.—Барыня молчитъ, баринъ изъ кабинета не выходитъ, почитай, одинъ дѣдушка всѣмъ распоряжается. Къ вѣнцу пора ѣхать, а баринъ за ножъ да въ поле. Мы было за нимъ, а дѣдушка остановилъ—не надо, воротится? Барыня мертвецомъ ходитъ, барышня плачетъ. Не знаю, какъ этотъ женихъ не отказался. Кто ее знаетъ, какъ мы и день этотъ пережили.... Ночью баринъ воротился. На другой день чуть, чуть молодаго ножемъ не пырнулъ.... да подоспѣлъ дѣдушка. Молодыхъ повезли въ городъ. Старикъ ихъ провожалъ. Съ той поры баринъ какъ будто прiутихъ немного, а все ему покою нѣтъ—съ пустяка такъ и взбѣленится. А барыня молчала, все терпѣла, что-тожь и горя натерпѣлась,—упокой Господи ея душу!» Анисья встала и позвала.

— Варвара, пойдемъ, солнце сѣло. Проснется закричитъ не отозвутся—до смерти изобьетъ, некому заступиться!....»

Перекрестясь, онѣ обѣ пошли. Гурли склонилась къ могилѣ: крупныя слезы полились изъ глазъ ея!... А кругомъ все дышало жизнью, все зеленѣло.

XXI.

Дней черезъ десять пріѣхалъ и давно жданный кузенъ Алешинька, вылитый портретъ отца, только высушенный, если можно такъ выразиться. Онъ былъ не худъ, а сухъ, кожа, казалось, присохла у него къ костямъ. Когда дядиньки Б—въ доложили о пріѣздѣ сына, онъ всталъ и медленно пошелъ на встрѣчу, какъ бы поджидая пока тотъ войдетъ. На порогѣ они бросились въ объятья другъ друга со слезами на глазахъ. Отецъ долго обнималъ сына, но Гурли была удивлена, замѣтивши, что глаза его все время были устремлены на грязные сапоги пріѣхавшаго, съ Алешинькой пріятеля и выражали: неужели онъ такъ и вотрется въ комнату съ этими сапогами. Глаза-жъ Алешиньки косились на сестеръ, какъ будто говоря, «ну мы не одни—тутъ есть и общество».

Объятія кончились. Товарищъ Алеши поклонился дяд-кѣ, но, неполучивъ отвѣта и нисколько несмѣшавшись, спокойно раскланялся съ Гурли, та пригласила его сѣсть. Помѣстясь на ближайшій стулъ онъ съ любопытствомъ сталъ разглядывать ходившаго по комнатѣ дяд-ку...

— Теперь я все потерялъ, я горькій сирота!... я не знаю, что мнѣ дѣлать, горе убило меня!... Какъ громъ на голову—не ожидалъ, совсѣмъ не ожидалъ.... Я не переживу такой потери!... Дяд-ка постоянно утиралъ глаза. Алешенька подносилъ платокъ къ глазамъ, но молчалъ и слушалъ. Его товарищъ Филиппъ Петровичъ, какъ отрекомендовалъ онъ послѣ, все косился на дяд-ку, а по временамъ пробѣгала на губахъ едва замѣтная улыбка, оживляя его черезчуръ не красивое лицо. Но впрочемъ въ его глазахъ свѣтилось столько ума, смотрѣли они такъ привѣтливо, что, при появленіи улыбки, чрезвычайно расположило къ себѣ. За чаемъ Алешинька отнесся къ Гурли:

— Что кузина очень вамъ не нравится мой товарищъ? Такого чучела вы еще не видали?

— Нѣтъ у него прекрасные глаза, отвѣчала она.

Филиппъ Петровичъ догадался о комъ рѣчь, слегка покра-

снѣлъ и засуетился съ папиросой, но въ рукахъ табакъ сыпался, пальцы путались.

— Дай я тебѣ сдѣлаю! прислуживался Алешинька съ усмѣшкой....

— Ну къ ч....! отвѣчалъ тотъ, покосившись на него.

— Вы вѣрно устали съ дороги? заговорила Гурли.

— Да! Нѣтъ, почти нѣтъ! отвѣчалъ онъ скороговоркой, поднимая глаза на Гурли. Поднялъ и остановилъ на ея лицѣ, какъ будто удивляясь, какъ же я это не замѣтилъ ея прежде. Пальцы машинально скрутили папиросу.... Она тоже смотрѣла на него и улыбалась.

— Вотъ и сдѣлали!

Тогда только онъ замѣтилъ, что его папироса готова и закурилъ ее.

Весь вечеръ дядинька не переставалъ говорить о своихъ распоряженіяхъ и исчислялъ предстоящій доходъ. Алешинька слушалъ и поддакивалъ. Филиппъ Петровичъ улыбался и подмигивалъ ему; сестра раскладывала пассьянсъ, Гурли въ сторонкѣ слѣдила за всѣми.

Филиппъ Петровичъ сошелся скоро съ Гурли. У нихъ было почти одно направленіе, одни вкусы. Одинаково они подмѣчали комическое въ выходкахъ дяд-ки и потомъ, уходя гулять, по долгу хохотали надъ его затѣями. Алешиньки неудавалось сопутствовать ихъ въ прогулкахъ. Долгъ приковывалъ его выслушивать великія предположенія папеньки и онъ зло косился на товарища когда тотъ, отправляясь на гулянье, комически важно отдавалъ глубочайшее почтеніе дяд-кѣ, который принималъ это за чистую монету.

XXII.

Разъ какъ-то, бродя въ степи, Филиппъ Петровичъ и Гурли заговорившись зашли далеко и не замѣчали набѣгавшую тучу.

— Дождь будетъ! вскрикнула Гурли, увидѣвъ тучу.

— Градъ! произнесъ Филиппъ Петровичъ, взглядывая на тучу и обводя глазами поле. Защиты нигдѣ не видилось.

—Чтожъ теперь дѣлать! Изобьетъ, изобьетъ! шепталъ онъ, посматривая на открытыя плечи и руки Гурли. Ее одѣвали еще какъ дитя.

Грянулъ громъ; посыпался градъ.

Филиппъ Петровичъ на что-то рѣшился.

— Глупо! пробормоталъ онъ и, стащивъ съ себя сюртукъ, накинулъ его на плечи Гурли. Теперь только она догадалась о чемъ онъ раздумывалъ. На немъ была не рубаха, а грязныя истасканныя лохмотья. Когда взглядъ ея остановился на его плечахъ, онъ покраснѣлъ, но когда въ глазахъ ея выразилось безграничное участіе,—онъ поспѣшно заговорилъ:

— Ничего! это ничего! это ничего! я уже привыкъ. Да теперь еще лучше, вѣдь жарко....» И онъ тщательно окутывалъ ее. Вотъ скверно, что грязноватъ сюртукъ-то мой: неряха—отъ что! Ну, оно больше и отъ долгаго ношенія; другаго-то, по глупости своей, добыть не могу....»

А градъ все хлесталъ ему въ лицо.... Это ему совѣстно показывать мнѣ свою рубаху, подумала Гурли, это онъ дорожитъ моимъ мнѣніемъ, оправдывается, что ему негдѣ было взять.... Да онъ любитъ меня! заключила она и вдругъ, распахнувши сюртукъ, обхватила его шею и крѣпко поцѣловала.

— Что вы! вскричалъ онъ испугавшись. Вѣдь это неприлично! Ну, увидятъ, тогда, тогда!... бормоталъ онъ растерявшись... Господи! и что это вы распахнули сюртукъ! Вѣдь градъ изобьетъ! неожиданно заключилъ онъ и, укутавъ ея хорошенько въ сюртукъ, схватилъ на руки и зашагалъ домой. Ей и въ голову не приходило не только сопротивляться, но даже и возражать что-нибудь. Подлѣ дома, запыхавшись, онъ осторожно поставилъ свою ношу.

— Благодарю! проговорила Гурли протягивая ему руки.

Онъ взялъ ихъ; сложилъ вмѣстѣ, поцѣловалъ, покраснѣлъ и, схвативши сюртукъ, бросился бѣжать.

Гурли въ раздумьи пошла въ свою комнату. Онъ меня любитъ, это вѣрно, думала она, но отчего же онъ меня оттолкнулъ! увѣряетъ! увидятъ,—въ степи-то? Неприлично,—говоритъ,—а самъ на рукахъ притащилъ. Ничего я тутъ не понимаю; надобно будетъ у него спросить, рѣшила она и начала придумывать, какъ бы спросить объ этомъ.

Филиппу Петровичу въ этотъ вечеръ все что-то ни сидѣ-

лось, ни стоялось. Главное же, онъ нерѣшался сѣсть подлѣ Гурли; ему мѣшали глаза Алешиньки, который былъ очень веселъ: потому что ихъ прогулка вышла неудачна и еще потому, что разстроилось наказаніе виновныхъ *покояніемъ*.

Это способъ, придуманный самимъ дяд-кою. За малое воровство мужиковъ однимъ у другаго, за драку и брань, ихъ приводилъ прикащикъ на панское крыльцо и ставилъ на колѣни лицомъ къ востоку; по знаку дяд-ки мужики начали класть земные поклоны по сто и по двѣсти,—смотря по винѣ. Прикащикъ громко считалъ и, если кто не положитъ, то долженъ былъ начинать снова. За большія вины было и большее наказаніе—вѣнецъ. Желѣзный вѣнецъ, съ лучами замыкался на шеѣ виновнаго, чрезъ это нельзя было ему облокачиваться сидя, ни лечь, торчавшіе кругомъ лучи мѣшали. Это называлось *прощеніемъ*. Сдѣлавшаго кому обиду облекали въ этотъ вѣнецъ и заставляли земно кланяться, приговаривая при этомъ: «прости меня» и получая въ отвѣтъ: «Богъ проститъ»! Однако эти наказанія не исключали другихъ—ареста, порки розгами и проч.

Такому-то наказанію помѣшалъ градъ текущаго дня. Алешинька этому очень радовался, но его отецъ крѣпко возмущался что виновные останутся безъ наказанія.

XXIII.

На слѣдующее утро Гурли вышла гулять. Увидѣвъ ее, Филиппъ Петровичъ бросился за ней, но потомъ вдругъ остановился. «Вѣдь это безчестно! Ты свинья этакая!...» разсуждалъ онъ тыкая пальцемъ въ лобъ, и поворотилъ въ другую сторону. «Болванъ! пришло ему въ голову, не она—я пропаду!» И онъ снова пустился за ней. «Ну, заговорилъ онъ, опять останавливаясь и разводя руками, коли пекутъ, такъ нужно лѣзть на сковороду. Дуракъ дуракомъ и пропадетъ! Вѣдь чувствуешь, что бѣда—нѣтъ же лѣзишь....» проговорилъ онъ иронически. Онъ махнулъ рукой и направился вслѣдъ Гурли.

— Ахъ какъ все это глупо! то есть—это я не про васъ

это не то—это такъ! Тьфу! какъ глупо, съ досады онъ плюнулъ. Ну и чего вы прилѣзли ко мнѣ?! совершенно растерявшись, обратился онъ явившейся передъ нимъ съ улыбкой Гурли.

— Да я совсѣмъ не лѣзла, а бѣжала, хохотала она, ну пойдемте гулять. Вѣдь мнѣ теперь одной будетъ скучно, прибавила она, серьезно взявъ его за руку.

Мишинально побрелъ онъ за ней.

— Да чего вы это такъ раскудахтываетесь? вдругъ обратилась она къ нему.

— Какъ это? спрашивалъ онъ, потирая лобъ и какъ бы силясь собрать растерянныя мысли.

— Да вотъ! чего это вы крутитесь на одномъ мѣстѣ, какъ крученная овца, да вдругъ стали глядѣть такъ, какъ будто кто обухомъ васъ по затылку съѣздилъ?

Вмѣсто отвѣта Филиппъ Петровичъ тяжело опустился на траву, Гурли сѣла противъ него.

— Ну, чтоже?! вскричала она потерявъ терпѣніе.

— Что?

— Дождусь ли я отъ васъ словечка или вы на меня разсердились?

— Разсердился!

— За то, что я васъ поцѣловала вчера?

— За то, за то, именно за то, поспѣшно повторялъ онъ, какъ будто это было то слово, которое онъ искалъ.

— Ну, я не буду больше цѣловать!

— И не надо! неприлично!... сказалъ онъ такимъ печальнымъ тономъ, какъ будто все было потеряно. Ну, довольно объ этомъ, будемъ говорить о другомъ....

— Ну, говорите о естественныхъ наукахъ, что еще тамъ открыли берлинскіе ученые.... Вы такъ хорощо разсказываете, и я вѣдь ничего этого не знаю.

— Не помню. Да и неразскажу я теперь толкомъ ничего,— не то въ головѣ.

— Ну, да что-жь у васъ въ головѣ?! добивалась Гурли.

— Долго разсказывать....

— А развѣ вы спѣшите куда?

— За чѣмъ? здѣсь все, все! Больше нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ.... онъ всталъ чтобы идти.

— Ну сядьте! я больше не о чемъ не буду васъ распрашивать. Онъ сѣлъ.

„Мой странникъ милый,
„Развесели свой взоръ унылый..."

запѣла Гурли, смѣясь и заглядывая ему въ глаза. Потомъ вскочила, захлопала въ ладоши и понеслась въ качучѣ кругомъ изумленнаго Филиппа Петровича. Ея одушевляло желаніе развеселить его во что бы то нистало. Щеки ея разгорѣлись, волосы выбились изъ подъ шнурковъ, разсыпались золотистой волной, при блескѣ утренняго солнца она была восхитительна. Филиппъ Петровичъ заглядѣлся.

— Устала! проговорила она, склонясь на землю подлѣ него. Что-жь дадите за то, что плясала? смѣясь спрашивала она, подбирая волосы въ шнурокъ.

— Всю душу, весь мозгъ! отвѣчалъ онъ такъ, что Гурли испугалась.

— Что-жь это, сказала она печально васъ ни чѣмъ не развеселишь. Пойдемъ лучше домой.

— Нѣтъ! теперь я хочу разсказать, чего я разкудахтался.

— Ну, ну, говорите! обрадовалась она.

Филиппъ Петровичъ улыбнулся и задумался.

— Ну, что же? спросила она черезъ минуту.

— Какое вы еще дитя;—теперь я васъ понялъ совершенно. И какая чудная женщина сказывается въ васъ. Какое высокое счастье дадите вы тому, кого полюбите.

— Ну, вы этого еще не доказали... Все разкудахтываетесь чего-то.

— Я честный человѣкъ!... Гурли,—вотъ что! я и теперь хочу быть честнымъ, потому-что я васъ узналъ. Теперь я увѣренъ, что есть женщины на свѣтѣ.

— А то вы думали, что это мужчины въ платьяхъ ходятъ? прыснула вдругъ она.

— Не то Гурли! продолжалъ Филиппъ Петровичъ серьезно, не то! я вотъ много женщинъ встрѣчалъ, снаружи они такія миленькія; такъ и тянетъ поцѣловать, а внутри ничего нѣтъ— ни мысли, ни чувства, вѣтеръ свищетъ да кровь переливается.

Гурли закусила губы и уставила на него удивленные глаза.

— Вы думаете, что я съ ума спятилъ—нѣтъ! продолжалъ онъ. Теперь вы не поймете меня, вы только не забудьте, что

я говорю.... Вы послѣ поймете меня. Не скоро, когда будете женщиной, когда разовьетесь вполнѣ, достигните совершенства красоты. Тогда вы будете способны любить не такъ какъ теперь меня.... Только не ошибитесь въ выборѣ, не ошибитесь! Вамъ нужно человѣка для вашей любви, для счастія—настоящаго человѣка, развитаго, съ человѣческимъ понятіемъ о женщинѣ.

— Значитъ мнѣ васъ-то и нужно!

— Нѣтъ Гурли, нѣтъ! я не къ тому говорилъ, произнесъ онъ, горько усмѣхнувшись; я никогда не вылезу изъ грязи, на которую осужденъ. У меня нѣтъ ни одного таланта, что бы вытащить себя — а подличать, кланяться я не могу. Надобно, что-бы мнѣ встрѣтился человѣкъ богатый дѣльный, далъ-бы мнѣ дѣло... А гдѣ эти люди? Шлепаются въ грязи, вытаскиваютъ себя на свѣтъ Божій, — мнѣ не выползти, а васъ такую прекрасную! я не затащу въ вонючую лужу нищиты, изъ которой мнѣ не выбиться никогда!... Не мнѣ губить васъ Гурли! Вы достойны счастья!... Только не ошибитесь въ выборѣ. Вамъ не нужно богатства, въ васъ нѣтъ ни капли пустаго тщеславія, которымъ заражена девять десятыхъ всѣхъ женщинъ. Вы созданы любить! Каждый шагъ вашей жизни посвѣщевъ будетъ на трудъ, для того, кого вы полюбите.... Вы всю себя отдадите для его счастія.... Не ошибитесь-же въ выборѣ!—я только это и хотѣлъ сказать вамъ. Ищите человѣка способнаго васъ понять, способнаго любить по человѣчески, который бы полюбилъ не одну вашу наружную красоту, которая способна хоть кого свести съ ума. Нѣтъ! пусть онъ пойметъ вашу внутреннюю красоту, этотъ свѣтлый умъ, эту быстроту соображенія, эту глубину чувства!

— Ну, долго вы меня будете расхваливать?

— Не мѣшайте мнѣ Гурли, не мѣшайте! Дайте мнѣ кончить. Я хочу, чтобы вы вспомнили обо мнѣ тогда, — когда вы будете женщиной. Тогда вы съумѣете и узнавать и цѣнить людей, — а теперь берегитесь ошибиться. Если вы встрѣтите самца человѣка — бѣгите отъ него, Гурли — бѣгите! Онъ васъ погубитъ онъ не съумѣетъ ни оцѣнить ни любить. Сегодня для него одна....

— Да, какъ же я его узнаю? вѣдь на лбу у нихъ нѣтъ клейма, прервала его Гурли.

— Есть, Гурли, есть! Не на лбу, а на немъ на всемъ клеймо, только нужно умѣнье разбирать.... Когда онъ встрѣчаетъ самочку, сейчасъ подбодрится, перемѣняетъ тонъ, начинаетъ улыбаться, граціозно поправлять волосы... Иной развалится эффектно; другой понесетъ околесную любезностей и всѣ въ родѣ того, какъ помните, гулявши мы увидѣли вели съ водопоя жеребца, какъ онъ согнулъ шею при видѣ кобылъ, какъ онъ сталъ красиво выбирать ногами. Это общее влеченіе отъ природы у всѣхъ самцовъ: это желаніе увлекать самокъ. Только человѣкъ можетъ побѣдить въ себѣ;—вы не думайте, что я говорю о себѣ, я слишкомъ дуренъ для того, чтобы увлечь какую бы то ни было паршивую самку.

— Значитъ дяд–ка самецъ! вскрикнула Гурли. Вы никогда не видѣли, какъ онъ скользя на носочкахъ подаетъ бурнусы дамамъ и пальцами старается дотронуться щеки или плечика? продолжала она смѣясь.

— Вотъ видите, вы уже умѣете узнавать ихъ въ маскахъ замѣтилъ Филиппъ Петровичъ улыбаясь. Это пошлые циники, которые покупаютъ красоту на вѣсъ золота, вмѣсто чувствъ у нихъ вонючія лужи. Да они и не способны понимать другихъ наслажденій кромѣ чувственныхъ....

Гурли сдѣлала движеніе....

— Вы не понимаете меня теперь, остановилъ онъ ее—я это знаю.—Вы только не забудьте. Послѣ все поймете, когда встрѣтите этихъ пошлыхъ, истасканныхъ людей.... Они потому только и не рисуются, что у нихъ кровь перестала играть. Ихъ только обоняніемъ можно узнать, отъ нихъ холодомъ какимъ то вѣетъ! пошлымъ цинизмомъ... такъ и высказывается нравственная пустота, отсутствіе способности глубоко чувствовать, какъ бы ни былъ онъ хорошъ? Въ немъ есть что–то отталкивающее.... Такого человѣка вы никогда не полюбите, а не любя невозможно, чтобы вы отдали себя кому то ни было! только чтобы васъ другіе не отдали. Нужно, чтобы вы съумѣли противиться чужимъ желаніямъ, чужой волѣ....

— Это значитъ,—замѣтила Гурли, слушайте языцы и покоряйтесь моей волѣ въ этомъ случаѣ....

— Да! ни чьей не должно быть воли, кромѣ вашей—ваше желаніе выше всего; отдайтесь тому, кому захотите....

— Ну,—такъ возьмите! вскричала Гурли, весело вскакивая и обнимая его шею руками.

— Господи! Я вамъ дѣло говорю, а вы—шалости.... протянулъ Филиппъ Петровичъ отводя ея руки.

— Ну, да и надоѣло мнѣ ваше дѣло.... Вонъ уже жарко стало, а я еще не гуляла. Все слушала вашу скучную пѣсню. Да ее не переслушать. Спрячьте лучше въ карманъ: кому нибудь пригодится. Она встала и побѣжала, Филиппъ Петровичъ тоже побрелъ за ней.

Онъ больше уже не заводилъ съ ней такого разговора; иногда только спрашивалъ; не забылали она скучную пѣсню....«Забудешь! отвѣчала та, покачивая головою; такъ сама въ голову и лѣзетъ непрошенная.... Только, пожалуста, не пойте ее больше. Лучше разскажите мнѣ какъ это добились разложить солнечный лучь». Филиппъ Петровичъ тотчасъ принималъ важную позу ментора. Гурли же превращалась въ скромную ученицу. И на каѳедрѣ Филиппъ Петровичъ не употреблялъ бы столько краснорѣчія столько усилій доказать свою мысль, какъ здѣсь, въ голой степи, гдѣ только вѣтеръ разносилъ далеко его голосъ.,.. Гурли совершенно была счастлива. Она чувствовала, сознавала, что ее любятъ.... Какъ хорошо, какъ отрадно быть любимой! думала она оставаясь одна. Какъ весело, какъ легко теперь жить! И вдругъ ея счастье порвалось неожиданно.... Дяд-ка задумалъ отвезти, для опредѣленія на службу, сына и Филиппа Петровича.

— Довольно погуляли, говорилъ онъ, пора и за дѣло.

Отъѣздъ назначенъ былъ чрез нѣсколько дней. Эта новость какъ будто раздавила Филиппа Петровича. Онъ не о чемъ не могъ думать; въ его мозгу только и засѣла одна фраза: «надо ѣхать, надо бросить.» Грустная ходила Гурли. Останусь я снова одна! Лучше бы онъ,—думала она идя по саду.

— И за чѣмъ онъ пріѣхалъ?... сказала она громко.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ машинально Филиппъ Петровичъ, слѣдовавшій за ней.

— Да вы!

— Куда это?

— Да сюда!

— Когда это?

— Да въ первый разъ.

— Да, лучше бы не пріѣзжалъ! да нельзя было. Видите-

ли—вмѣстѣ кутнули. При выходѣ нужно же проццаться съ товарищами. Онъ тутъ попался. У меня были деньги; долгъ повелѣвалъ выкупить товарища. Ну, безъ денегъ куда дѣться, онъ и говоритъ: поѣдемъ поваландаемся въ деревнѣ; воздухомъ свѣжимъ напитаемся, пока средства какія нибудь добудемъ,—а тамъ и работать. Ну,—а мнѣ все равно было куда ни ткнуться! У лягушки хоть лужа есть, а у меня вѣдь ничего и никого; отверженъ закономъ, незаконнорожденный графа. Папинька изволили распорядиться на счетъ моего воспитанія, а на счетъ дальнѣйшей жизни позабыли и умерли.... Мать тоже въ грязной лужѣ прожила.... Чтожъ мнѣ—сѣлъ да и пріѣхалъ сюда. Зналъ бы гдѣ упалъ — соломки подослалъ. Ну, да положимъ мнѣ, а вамъ то что?

— Какъ что! А кто-жъ любить меня будетъ? вѣдь опять одна одинешенька останусь.... заключила она сквозь слезы, глядя на Филиппа Петровича.

Лучь невыразимой радости блеснулъ въ его глазахъ озарилъ все лицо его. Гурли обхватила руками его шею и двѣ слезы покатились по ея щекамъ....

— Прощайте Гурли! говорилъ онъ горько улыбаясь, прощайте! Не забудьте моей скучной пѣсни! Если когда нибудь выбьюсь на бѣлый свѣтъ.... да нѣтъ! Это пустая надежда! Вы еще дитя теперь.... Будьте счастливы! Увижу ли я васъ когда нибудь—кто знаетъ. Но забыть мнѣ васъ—напрасный трудъ! Въ васъ сошлось все о чемъ я когда нибудь мечталъ! Будьте всегда такой какъ вы теперь.... Прощайте! онъ тихо сжалъ ее въ объятіяхъ и поцѣловалъ; потомъ отшатнулся отъ нея и пошелъ....

Долго стояла она въ оцѣпенѣніи на одномъ мѣстѣ и очнулась при веселыхъ крикахъ Алешиньки.

— Знаете кузина, мы завтра ѣдимъ! Папа письмо получилъ; ему нужно завтра ѣхать! и онъ былъ очень веселъ. На силу то онъ дождался свободы. Наконецъ то терпѣніе вознаградилось, не прійдется больше слышать ни наставленій, ни наказаній......

XXIV.

Филиппъ Петровичъ цѣлую ночь бродилъ по степи. Утромъ Гурли пошла его искать. На рву за садомъ, гдѣ они часто отдыхали, лежалъ онъ блѣдный. Прежде она не замѣчала его такимъ. Брови сдвинулись, губы сжались, возлѣ лежала изгрызанная комишинка... Тихо подойдя она сѣла возлѣ него.

— Зачѣмъ вы пришли — уйдите, обратился онъ къ ней. Голосъ его порвался.

— Не прогоните! сказала Гурли, поднимая на него свои ясные глаза. Уже экипажъ подмазываютъ.

Приподнявшись на локтѣ, онъ уставился своимъ взглядомъ въ упоръ и долго, долго глядѣлъ ей въ глаза... Страннымъ и непонятнымъ казался ей этотъ взглядъ. Проникалъ онъ ей прямо въ душу, чего то искалъ онъ тамъ.

— Дитя! прошепталъ онъ, откидиваясь на спину и сжимая лобъ обѣими руками.

— Что Гурли? сказалъ онъ, силясь улыбнуться. Я снова раскудахтался!

— Да! Отчего это вамъ тяжело? спрашивала она взявши его за руку, и прижимая къ груди.

Онъ отвелъ свою руку.

— Вы не поймете теперь! послѣ вамъ все будетъ понятно, только не забывайте, ничего не забывайте! отвѣчалъ онъ съ улыбкой, но улыбка эта была такая горькая, такая безотрадная, слезы такъ и поднимались. Я еще разъ васъ увижу! иначе невозможно, силъ не хватитъ! Гдѣ, когда — не знаю! Не скоро, — когда будете не дитя! До того попробую выбраться на свѣтъ. Удастся — не разкудахтаюсь уже больше, а не удастся — земля въ землю и обратихся... Попробуемъ жить глупой надеждой. Вы вѣрите въ счастіе, Гурли?

— Да когда только не отнимали его добрые люди...

— А кто же его у васъ отнялъ?

— А дядинька то! И чего это вдругъ онъ заегозилъ ѣхать; хотя бы далъ къ мысли привыкнуть...

— Да это лучше! Сразу перемучился—и все кончено, а то умирай, изнывай каждый день.

— Нѣтъ, не лучше! Когда долго ждать все, все можно передумать и додуматься, какъ горе облегчитъ, если нельзя миновать...

— Да, вы мудрецемъ будете современемъ, сказалъ онъ, любуясь одушевленнымъ лицомъ Гурли. Ну, а чтобы вы сдѣлали, еслибъ отложили теперь поѣздку?

— Просила бы, чтобы меня взяли съ вами, посмотрѣть тотъ городъ, куда васъ везутъ.

— Ну, а потомъ?

Она задумалась.

— А потомъ, сказала она вдругъ, просила, чтобы меня проводили всѣ къ Саничкѣ; вѣрь будутъ же къ нему везти. Тамъ не далеко.

— Ну дальше, дальше! нетерпѣливо спрашивалъ Филиппъ Петровичъ.

— А дальше, въ раздумьи повторяла она, стала бы просить Саничку найти вамъ тамъ мѣсто. Вотъ и не нужно было бы разставаться. А послѣ я таки добилась, чтобы быть такой какъ вамъ хочется... Вотъ и горю конецъ! кончила она хлопая въ ладоши и улыбаясь.

Филиппъ Петровичъ тоже улыбнулся, потомъ задумался.

— Да! при счастіи все возможно! Зачѣмъ раньше времени убивать надежды. Вы мудрецъ, Гурли умѣете воскрешать надежды! Мы непремѣнно увидимся и кто знаетъ, можетъ быть... Онъ взялъ ея руки крѣпко прижалъ къ губамъ, потомъ всталъ и они вмѣстѣ пошли къ дому.

У крыльца стоялъ уже громадный тарантасъ. Вся дворня суетилась. Изъ кухонь, погребовъ несли узлы, узелочки, коробки, мѣшки, чемоданы, все это укладывали, упаковывали. Самъ дяд-ка пилъ чай на крыльцѣ и указывалъ куда что положить.

— Ваши вещи? обратился онъ завидя Филиппа Петровича.

— Все со мной! отвѣчалъ тотъ, показывая табачницу. А книги Алеша вѣрно не забудетъ; у него память не хуже моей и принялся пить чай.

Послѣ неугомонной суеты наконецъ тарантасъ уложили и запрягли. Какъ подобаетъ—закусили, помолились; дяд-ка громко отдалъ приказъ какъ поступать безъ него, распрощался, (вся дворня подходила къ ручкѣ) и полѣзъ умащиваться въ подушки, наваленныя въ тарантасѣ. Алешиньку тоже разцѣловала прислуга. Поцѣловавъ кузинъ и, пожелавъ увидѣться, пошелъ забираться въ тарантасъ. Филиппъ Петровичъ раскланялся на всѣ стороны и сказалъ:

— Спасибо за хлѣбъ, за соль и за ласку, схватилъ протянутую руку Гурли, крѣпко сжалъ, глянулъ еще разъ ей въ глаза, шагнулъ потомъ къ тарантасу. Кучеръ прыгнулъ на козлы, подобравъ возжи, свиснулъ и откормленная четверня поднялась въ скачь, оставивъ за собою столбъ пыли.

XXV.

Оставшись одна, Гурли немедленно сошла со ступенекъ крыльца, машинально пошла за исчезнувшимъ вдали тарантасомъ. Въ головѣ у ней отзывались еще послѣднія слова Филиппа Петровича, Разбирая каждую фразу и вдумываясь въ нее, она незамѣтно ускорила шаги... Солнце прижгло ей открытую голову; она оглянулась. Ровная степь простиралась кругомъ; ни дороги, ни тропинки, ни жилья! Виднѣлись только копны сжатаго хлѣба... «Куда же это я зашла... какъ теперь найду дорогу домой... И какъ я устала!» она легла подъ копной. Теперь уже никто не придетъ меня искать,—онъ уѣхалъ, и снова углубилась она прежнія мысли... Наконецъ глаза ея невольно закрылись, голова опустилась—она заснула... Неясный шумъ разбудилъ ее; она открыла глаза. Громадный аистъ ходилъ возлѣ; она встала. Аистъ побѣжалъ по полю, Гурли побѣжала за нимъ. Гдѣ же это его гнѣздо? думала она. Аистъ поднялся и полетѣлъ, она остановилась въ раздумьи... Куда же мнѣ домой идти... откуда я пришла! Въ это время аистъ опять опустился.

Пойти развѣ за нимъ? вѣдь они всегда вьютъ гнѣзда у жилья... И направляясь за аистомъ она скоро добралась до кладбища. Проходя по могилкамъ она услышала чьи-то рыданія и глухой кашель, она пошла по ихъ направленію. За рвомъ, въ концѣ кладбища, насыпана была высокая могила; ни крестъ, ни камень не украшали ея. Одна только чахлая бѣлинка качалась на ней. Припавъ лицомъ къ землѣ, причитала старуха. Жолтая, изсогшая совершенно живой скилетъ...

— О комъ плачешь? спросила ея Гурли, садясь на могилу.

— О немъ плачу, о немъ! заговорила старуха. Такъ и все пропало, все! А сколько то было всего! Все то ему старики берегли, все его ожидали!...

— А гдѣ же они жили?

— А тамъ въ сѣренькомъ домикѣ! разваливается уже. Пойдемъ я тебѣ покажу.

Они пошли. Старуха шла ощупью, по привычкѣ; она ничего не видала и безпрестанно спотыкалась. Гурли каждый разъ поддерживала ее, чтобы она не упала и каждый разъ старуха останавливалась долго глядя на нее.

— Скажи мнѣ откуда ты? спросила она наконецъ. Я не вижу, но ты не наша — издалека должно быть? Здѣсь всѣ надо мной смѣются, сумашедшей называютъ, гонятъ, собаками травятъ, а ты вотъ—помогаешь мнѣ. Откуда же ты?

Гурли сказала.

— Помню, слышала! Какъ же ты такъ далеко зашла?

— Заблудилась!

— Заблудилась? Эко несчастіе.—Какъ же теперь домой попадешь?

— А не знеешь ли ты, чтобы кто проводилъ; я что нибудь подарю--хоть ленту.

— Не пойдутъ ли мои внуки, они туда гулять ходятъ. Какъ добреду домой, отдохну и схожу къ нимъ — можетъ и пойдутъ.

— А ты развѣ не съ ними живешь?

— Нѣтъ! Я ужь поклялась покойницѣ барынѣ умереть въ этомъ домѣ, такъ отъ клятвы отступить нельзя.

— Зачѣмъ же ты клялась?

— Да вотъ постой, я тебѣ все разскажу какъ пріидешь,

а ты еще кому нибудь разскажешь... Пусть люди узнают какая то на свѣтѣ не правда была. Мнѣ никто не вѣритъ, сумашедшая—говорятъ—а тебѣ можетъ и повѣрятъ.

Тропинка шла по косогору. Старуха едва плелась, солнце жгло; Гурли теряла терпѣніе. Вдругъ тропка круто поворотила въ кусты сирени и вишень; предъ глазами открылся сѣренькій домикъ. Развалившееся крылечко ступеньками выходило на улицу; крыша упала, стѣны покосились, ни оконицъ, ни дверей не было.

— Вотъ онъ! нашъ домикъ-то падаетъ да и стоять то ему не для чего; некому жить то въ немъ,—въ землѣ!...

XXVI.

Старуха присѣла на ступенички. Гурли вошла въ открытую дверь и сѣла на какой то обломокъ. Вскорѣ и старуха доплелась къ ней и помѣстилась возлѣ на полу. «Это зала у насъ была заговорила она. Тутъ-то, какъ мы на перво пріѣхали, кутнуть-то онъ все собирался. Какъ приду бывало прибирать, а онъ и говоритъ; прибирай, прибирай, Параша! Вотъ я денегъ соберу кутнемъ такъ, что небу жарко будетъ! Двадцать лѣтъ собирался сердешный-да такъ и умеръ-не кутнулъ! А что за добрая душа была у него. Мы его еще тогда узнали, какъ онъ у насъ на квартирѣ стоялъ, когда еще на службѣ былъ. Все было, все сдѣлаетъ, что не попроси: и веревку для бѣлья привѣситъ, и гусей загонитъ. Онъ мнѣ то крѣпко полюбился, а ему то барышня больно понравилась. Я сама его затрогивать стала, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: чтожь! обидѣть тебя я не хочу наградить тебя не чѣмъ, а жениться-то не могу. Барышню твою люблю... а она; можетъ, на меня и глядѣть не хочетъ! да я на другой жениться не рѣшусь, вотъ что! Крѣпко ужъ люблю!... Сгрустнулось мнѣ отъ этого такъ, что я и расплакалась. Тутъ

барышня и пристала: чего ты, Параша, плачешь? Я и то и се ей, а она все свое: разскажи да разскажи чего плачешь?... Я разсердилась и говорю: оттого плачу, что несчастная! Смотрѣть на меня не хочетъ, а на васъ такъ и посвататься боиться!... Она сразу угадала о комъ я говорю, да какъ бросится мнѣ на шею, да давай цѣловать, да просить: Параша голубушка скажи ему, что я пойду за него, у меня самой духу не хватаетъ, оттого и не гляжу на него, что папа сказалъ, что если я хоть словечко скажу съ нимъ, такъ съ квартиры его прогонитъ... А я вырвалась, да и говорю: что мнѣ съ того, что онъ на васъ женится, а я такъ и останусь—пусть лучше ни вамъ ни мнѣ!... Она опять за меня: такъ пусть ужъ намъ обѣимъ будетъ! Будемъ жить вмѣстѣ. Какъ будетъ у меня дитя, я сама тебѣ его отдамъ, уговорю его. Вѣдь есть же у папеньки любовница... все равно весь вѣкъ надобно служить, ну и будешь намъ служить! Я опять ее оттолкнула, да говорю: вы то теперь такъ, а послѣ, изъ дому выгоните! Вотъ она сняла образъ, стала на колѣни и поклялась, что слово свое она исполнитъ, а потомъ прибавила: если ты не пойдешь и не скажешь ему теперь, такъ я сама пойду, тогда пусть будетъ, что будетъ! Скажу, что хочу женой его быть, а ужъ ты и глазъ тогда не смѣй показывать! Увидѣла я тутъ, что она больше моего его любитъ. Что мнѣ все равно такъ ли, не такъ горю не пособить, по крайности хоть видѣть буду, а послѣ можетъ и полюбитъ еще. Вотъ и пошла я къ нему да вмѣсто того, чтобъ за барышню да про себя стала говорить: «не нужно мнѣ вашего награжденія; вы такъ меня любите, мнѣ ничего не нужно!...» Поглядѣлъ онъ на меня, да и отвѣчаетъ: «какъ же я, Параша, любить тебя стану, когда барышню твою люблю!...» Меня вдругъ такое зло взяло, какъ крикну ему: «ну такъ поди—поцѣлуйся съ ней! вонъ она въ кухнѣ, ажъ трусится-дожидается... Какъ вскочитъ онъ, словно громомъ ударило, бросился къ дверямъ, а потомъ вдругъ будто ноги у него отнялись—идетъ, шатается. Вошелъ въ кухню. Барышня стоитъ руки крестомъ сложены, молится, что ли. Такъ и бухнулся передъ нею на колѣни, да и заговоритъ такъ тихо, тихо, будто голосу не достаетъ: «Какъ если Параша правду сказала, такъ я все брошу; я вѣдь только чина хотѣлъ добиться,—да ну его, этотъ чинъ! Вы мнѣ всякаго чи-

на дороже! У меня есть тамъ маленькій домикъ и земли немножко отъ отца осталось, тамъ, если вамъ не будетъ тяжело—кускомъ хлѣба не будемъ нуждаться. Говорите—я на все готовъ!» Наклонилась она къ нему, дышетъ тяжело, тяжело и шепчетъ: Сама я ничего незнаю какъ сдѣлать; папенька меня ни за что не отдастъ за васъ, а если придумали что сдѣлать, такъ я на все согласна.... Тутъ вдругъ дверь настежъ и самъ баринъ. Какъ затрусится, какъ схватитъ его за шиворотъ такъ сразу его на ноги и поднялъ, да какъ крикнетъ: ты что тутъ дѣлаешь? А тотъ выпрямился, смѣло глянулъ ему въ глаза, да и отвѣчаетъ: Просилъ руку вашей дочери. Она меня любитъ, и я ее, а потому жениться хочу. А баринъ ему чтобы я за тебя, за паршука, дочь мою выдалъ! Вонъ сейчасъ съ двора! А самъ со злости трусится... Но тотъ ни крошечки не испугался, а его никогда и не видѣла такимъ, да такъ и отрѣзалъ: я пойду со двора и она пойдетъ со мной. Такъ дайте разрѣшеніе, чтобы насъ перевѣнчали, Больше мнѣ ничего и не надо!... Ты лжешь подлецъ! опять на него баринъ.... А онъ глянулъ на барышню да жалобно такъ говоритъ, будто проситъ: «скажите правда ли?» Барышня встрепѣнулась: правда, правда! а сама такъ и побѣлѣла.... Баринъ какъ размахнется со всей руки и треснулъ ее повиску.... Она такъ бы и рухнуласьна землю, какъ бы тотъ не подхватилъ на руки, да и понесъ въ свою комнату. Баринъ кинулся въ кабинетъ, всю ночь писалъ, бумагъ то бумагъ нарвалъ.... Барышня у того въ комнатѣ и что-то наговорились они тогда!... Утромъ призвалъ меня баринъ: сунулъ письмо: говоритъ: отнеси, попу—чтобы обвѣнчалъ. Да завтра чтобы и духу ихняго тутъ не пахло, чтобы и на улицѣ со мной не встрѣчались! Самъ за шапку и съ двора. Отнесла я письмо къ попу, одѣла барышню; пошли они обвѣнчались ворочаются, земли подъ собой не чувствуютъ рады радешеньки. Подалъ онъ прошеніе объ отставкѣ. Стали мы думать съ чѣмъ намъ въ дорогу ѣхать, хотѣли ужъ вещи закладывать. Тутъ баринъ домой идетъ—я къ нему объясняю, что ужъ барышня перевѣнчалась, хочетъ прійти прощаться и прощенія просить... Не надо! Пусть возметъ все свое; да вотъ отдай ей на дорогу (25 рублей) пусть себѣ ѣдетъ куда хочетъ! Попросилась и я, что хочу съ ними ѣхать... Ничего не сказалъ, подарилъ на дорогу 5 рублей, а самъ опять со двора пошелъ.

Собрались мы и поѣхали. Дорогой то онъ съ ней какъ маленькимъ дитей носился, да вотъ привезъ насъ въ этотъ домикъ. Тогда онъ такой славный былъ свѣтленькій, веселенькій. Начали мы тутъ жить тихо да счастливо. Барыню это онъ больше чѣмъ душу любилъ. Это встанетъ ранехонько, пойдетъ самъ въ поле, работу распредѣлить между людьми; воротится тихонько вотъ къ той двери идетъ тамъ спальня была, ухо приложитъ и слушаетъ встала ли. Сначала зло меня брало, что онъ ее такъ любитъ, а потомъ и привыкла».

— А чтожь барыня исполнила свою клятву? спросила Гурли.

— А какъ же, какъ же! Сидѣла это я на крыльцѣ сѣмена чистила; она выходитъ да и говоритъ: Ну, Параша! чувствую я, что у меня подъ сердцемъ бьется; пора мнѣ клятву исполнить! Страшно мнѣ, что Господь дитя мое накажетъ.... Хочешь, баринъ къ тебѣ придетъ? «Хочу!» и сама незнаю какъ это сказала; послѣ мнѣ на нее и глянуть было совѣстно.... Барыня молча поворотилась въ спальню. Смотрю баринъ сталъ приходить ко мнѣ. Думала я отказаться да не смогла. Послѣ уже какъ увѣрилась что не полюблюсь ему, что только ее одну ласкаетъ и ей угождаетъ, а больше изъ ревности—отворотилась отъ него, да и сошлась съ нашимъ кучеромъ. Тотъ меня такъ любилъ, что хоть въ огонь за меня пошелъ бы.... и дочь съ нимъ прижила. Радъ онъ былъ и жениться, да я не захотѣла, надобно было къ нему въ хату идти, а я работать въ полѣ не любила; съ непривычки тяжело было, такъ я и осталась тутъ вѣкъ вѣковать. Родился это у барыни сынъ, тихое дитя такое. Посадитъ бывало она его на столъ, дастъ палочку стучитъ онъ ей-и голосу его никогда не слыхать. Уже ходилъ онъ когда у меня дочь родилась. Дочь моя была горластая такая кричитъ цѣлый день разсержусь я возьму и выброшу за порогъ. Барыня—какъ тутъ подберетъ, накормитъ и закачаетъ.... Мнѣ то и совѣстно стало, что она за зло добромъ платитъ, я и поклялась, что не брошу ее пока жива буду.... Такъ и жили мы и дѣти росли. Ласкаетъ баринъ своего и мою по головкѣ гладитъ; даетъ барыня пряникъ сыну и дочки моей тоже, а она то забіяка уловчилась прибить его. Заплачетъ только бѣдняжка тихой такой. Барыня жъ—ничего; отниметъ его и приласкаетъ... А ужъ какъ подросла моя дочка и, и! за день и все обѣгаетъ,—по

деревьямъ лазитъ, и подерется съ кѣмъ угодно, и разобьетъ что нибудь, а мальчикъ сидитъ тамъ на ступенькахъ, да смотритъ какъ птички кругомъ летаютъ. Сталъ баринъ ихъ грамотѣ учить. Моя то руками и ногами—слушать не хочетъ, а сынокъ ихъ старался выучитъ все и знаетъ такъ разсказать не можетъ, въ толкъ бывало не возьметъ. Баринъ и придумай его въ училище весть, тамъ говоритъ, разтормашатъ. Ну и начали въ дорогу сбирать. Барыня какъ глянетъ на сынишку, такъ слезами и зальется. Чуяло ея сердце.... Баринъ было и утѣшать ея примется, да потомъ и самъ расплачется. Ну и везти надо вѣдь дуракомъ нельзя жь ему рости.... Наконецъ собрались. Нашили всего наварили, напекли. Денеги баринъ и прежде откладывалъ каждый годъ. Все позабиралъ онъ съ собою и повезъ сына въ училище. Мѣсяцъ цѣлый проплакали мы съ барыней, пока баринъ воротился. Пришолъ онъ пѣшкомъ: денегъ не стало, говоритъ. На крылечкѣ, какъ встрѣтились они, такъ и усѣлись тамъ. Баринъ сейчасъ и разсказывать сталъ. Привезъ его, начали экзаменовать—ничего не разскажетъ. А еще какъ прикрикнули на него, совсѣмъ опѣшалъ, только жмется ко мнѣ да дрожитъ.... Ну и забраковали, сказали: негодится, не способенъ! Хотѣлъ уже домой вести, а тутъ чиновникъ какой-то говоритъ мнѣ: вы вотъ обратитесь, есть здѣсь вліятельное лицо, беретъ дѣтей, выучитъ, въ училище определитъ, а потомъ и на службу отдастъ; только нужно порядочный кушъ дать! Поблагодарилъ я пятью рублями:—ничего принялъ. Пошолъ я, занялъ денегъ подъ вексель. Набралъ въ карманы пирожковъ, пряниковъ, конфектъ. Отыскалъ вліятельное лицо. Иду въ калитку, дворникъ кричитъ: «вамъ чего?» Двугривенный ему пропустилъ, Я на крыльцо тутъ собачище, такъ зубы и оскалилъ; пирогъ ей въ зубы—пропустила. Въ передней сидитъ лакей разфранченный крикнулъ: «не лѣсть!» Этому ужь полтинникъ, мусью, будьте милостивы, позвольте войти. Махнулъ головой. Я вошелъ въ залу, опять собаченка, пудлатая такая, бросилась на насъ. Сеня то испугался, а я ей крендельку. Она понюхала, схватила, завиляла хвостомъ и побѣжала: мы за ней... Смотрю въ другой комнатѣ сидитъ барышня въ розовомъ, какъ куколка вскочила, спрашиваетъ: тебѣ что надо? Я барашка сахарнаго. Кланяюсь, проводите къ папенькѣ. Мнѣ вотъ сына надо опредѣлять. Поглядѣла на барашка, улыбнулась. Вонъ дверь къ папа!

Отворяю вижу сидитъ вліятельное лицо, въ волтеровскомъ креслӗ, сигару куритъ, брови сдвинулъ, бумага на полу валяется. Ты какъ сюда попалъ? крикнетъ на меня. Отвѣсивъ поклонъ, говорю: прослышалъ о вашей добродѣтели.... Изволите чужихъ дѣтей уму разуму наставлять и на дорогу выпускать... «Да я занятъ теперь!» отвѣчаетъ мнѣ сердито. Я опять поклонъ. Могу и послѣ зайдти, а вотъ теперь осмѣливаюсь предложить нѣчто, чтобы сынишка мой въ тягость не былъ. Взялъ онъ, сначала посчиталъ про себя, потомъ отодвинулъ ящикъ въ столѣ и бросилъ туда: хорошо! я выучу его и послѣ въ юнкера выпущу. Вы не безпокойтесь больше! Въ случаѣ чего вотъ напишите адресъ я извѣщу. А до того оставьте вашего сына. Людмила поиграй съ этимъ мальчикомъ!... Хорошенькая барышня подбѣжала къ Сенѣ и за руку увела въ другую комнату. Написавши свой адресъ, я еще попросилъ не оставлять мое дитя. Отдалъ его бумаги и раскланялся. Выходя вижу, что Сеничка и глазъ не сводитъ съ хорошенькой барышни; я къ нему: останешься съ барышней, видишь какая миленькая!... Говоритъ «останусь». Я обрадовался, боялся ужъ очень, чтобы не расплакался—въ чужомъ домѣ не любятъ вѣдь этого. Отдалъ я всѣ конфекты и пирожки и прошу барышню, чтобы она не обижала моего сынишку. Она погдядѣла на меня: если ссориться со мною не будетъ такъ я его очень буду любить».... Поблагословилъ я его, поцѣловалъ, наказалъ, чтобы скромно велъ себя; слушался бы всѣхъ, и пошелъ...... Мнѣ только тяжело такъ стало, тяжело не помню какъ и до гостинницы добрелъ!... Скрѣпя сердце, собрался и въ дорогу. Навѣдался было еще утромъ. такъ всѣ спали, а деньги то ужъ всѣ отдалъ; не чѣмъ жить то.... такъ и побрелъ домой.... Какъ докончилъ то это баринъ обнялись они крѣпко и заплакали. Стали мы по прежнему жить, только все грустно было. Только и разговоровъ то, что про Сеню, какъ онъ выучится, какъ воротится.

И во всемъ то стали они себѣ отказывать. То долгъ выплачивали, что для Санички занимали, а то и просто стали беречь для него каждую копѣечку; ему все откладывать. Вѣсточки отъ него ждали, вотъ выучится напишетъ, а то и баринъ осмѣлился написать вліятельному лицу и подарочекъ приложилъ. Долгенько отвѣта ожидали, ну и пришолъ; Сеничка живъ и здоровъ, а не пишетъ вамъ потому что занятъ....,

Опять ждать да ждать! годъ за годомъ.... Дочка моя и невѣстой стала; влюбилась въ сосѣда; вольный казакъ былъ. Баринъ въ награжденіе далъ и воловъ, и коровъ, и овецъ. Поженились. Мужъ то бить ее сталъ, училъ работѣ, а мнѣ то глядѣть на это не захотѣлось—осталась здѣсь...... Объ эту пору барыня за сыномъ совсѣмъ затосковалась. Баринъ и рѣшилъ поѣхать за нимъ... Забралъ всѣ деньги, сколько накопилъ и отправился. Прощавшись съ барыней, все упрашивалъ не плакать, что тамъ-какъ ни на есть—а Сеню привезетъ! Не нужно ему больше ни учиться, ни служить. Остались мы вдвоемъ. Цѣлые денечки ждемъ да выглядываемъ. Вотъ какъ то сидимъ на крылечкѣ, смотримъ: пыль поднялась на дорогѣ. Барыня вскрикнула: «это онъ!» а я говорю, ну, чего бы такъ скоро, ужъ и воротился, а она руки къ груди прижимаетъ и все шепчетъ: «онъ, онъ, я чувствую, что онъ!» И точно съ дороги жидовская буда повернула къ намъ, только сѣдаковъ то никого не видать. Подкатилъ жидъ подъ самое крыльцо. Вылѣзаетъ это изъ буды такъ и есть баринъ! такой блѣдный и посѣдѣлъ весь!.... Барыня только руками всплеснула да къ столбу прижалась. Вышелъ баринъ, глянулъ ни нее, «не жди! говоритъ, кончилъ всю науку: отдыхаетъ тамъ».... показалъ въ землю пальцемъ, а самъ, какъ бревно такъ, и повалится на ступени... Кинулись мы къ нему; онъ дышетъ такъ тяжело, тяжело, да шепчетъ: «убили, убили его..... Снесли мы его на постель, ужъ онъ и не всталъ съ нее..... Больше всего былъ въ безпамятствѣ. Очувствуется когда—барыню уговариваетъ: ты не убивайся, на то видно воля Господня! Руки ей цѣлуетъ, какъ души не выглядитъ! а потомъ и опять обезпамятуетъ и зашепчетъ: «убили, убили его!...» Передъ смертью ему полегчало. Пришолъ въ себя, оглядѣлся, припомнилъ, что съ нимъ было и сталъ разсказывать. Ѣхалъ я тогда и все думалъ: возьму Сеничку. Вогъ съ ней, съ наукой то! Хоть бы и заплатить, лишь бы мнѣ отдали назадъ. Пріѣхалъ я утромъ и прямо пошелъ къ вліятельному лицу. Ворота настежъ — никого нѣтъ. Вхожу въ домъ и тамъ всѣ двери открыты. Ну, я помнилъ куда идти, пробираюсь къ самому кабинету—ни кто не останавливаетъ. Въ кабинетѣ дверь притворена, шумъ тамъ; женскій голосъ говоритъ: если ты не отдашь моему мужу деньги, завѣщанные мнѣ матерью, я тебя опозорю! Всѣ твои благоденія выведу на чистую

воду; послѣднія-то послѣднія..... въ моихъ рукахъ! Я все помню. Деньги за Сеничку спасли тебя отъ долговаго отдѣленія, отъ позора, а ты что съ нимъ сдѣлалъ?! взялъ учить, а на другой день отдалъ въ кухню, поварямъ каструли чистить, воду носить, съ собаками на дворѣ голодать..... Такъ ты его развивалъ..... А что онъ тебѣ сдѣлалъ, кроткое дитя.... Я ужъ больше не смогъ слушать, бросился искать Сеничку. Думаю себѣ: на кухнѣ схвачу его и убѣгу; только что на крыльцо, а тутъ попъ въ чорной рязѣ, въ рукахъ крестъ, такъ дорогу и загородилъ. Я спрашиваю: чего вы, батюшка? Съ похоронъ воротился.... Кого жь вы хоронили? Онъ и называетъ нашу фамилію и имя Сенички. Меня какъ громомъ ударило!..., Мысли перемѣшались. Тутъ-то я и присѣлъ... дальше ничего не помню..... Очнулся это я въ госпиталѣ. Припомнилъ какъ все было. Тутъ и докторъ ходитъ. Прошу его: выпустите — я совершенно здоровъ. Согласился—выпустили. Деньги отдали. Нанялъ жидка—поѣхали. Дорогою мнѣ опять въ голову пришло, съ чѣмъ же я къ тебѣ ворочусь.... Снова меня горе пришибло не помню, какъ это я и доѣхалъ.... Взялъ то онъ ее за руки цѣлуетъ, а слезы такъ и льются. У барыни-жь глаза сухіе, а смотритъ такъ, что душа надрывается. Умеръ наконецъ онъ, тихо, словно заснулъ. Барыня ничего не убивалась, только при прощаніи сказала: «скоро увидимся». Вернувшись съ могилы, она легла такъ, такъ спокойно, а ни пить, ни ѣсть не хочетъ да и словечка не промолвитъ. Я же плачу, плачу, больно мнѣ ее жалко. Выхожу я на крыльцо солдатикъ идетъ, барина спросилъ. Умеръ? отвѣчаю. Онъ барыню. Больна! да чего тебѣ? «Мнѣ что и барыня все равно... подумалъ, подумалъ, да и говоритъ: «Ну, нечего дѣлать, не носить же съ собою въ Рапею. Вотъ это письмо отъ ихняго сына», Я ему и скажи: Должно быть служивый не туда зашелъ; ихней сынъ померъ.... «Нѣтъ, говоритъ, не померъ, а только другимъ именемъ у начальства прозывается, а ужъ извѣстно какъ начальство прикажетъ хоть умереть, такъ умирай, да никому не сказывай, а то хуже будетъ, на то начальство. Про это я ничего бы отъ него не узналъ. Онъ мнѣ не сказывалъ. Да какъ узналъ, что я чрезъ это село проходить буду, больно тужить сталъ. Ну, я и давай допытываться, значитъ услужить хотѣлъ за его добро. Когда-бъ не онъ заступился Сибири мнѣ не миновать. Я ужъ ему по-

клялся на образѣ приказъ его исполнить и никому про то не разсказывать. Такъ ужъ тогда письмо это написали вмѣстѣ—я тоже грамотной. И разсказалъ мнѣ, что вотъ тутъ родители его живутъ, а про него и не знаютъ, потому что другимъ именемъ велѣно ему называться, а своимъ называться—пропадетъ. Такъ вы будьте милостивы—не говорите,—а письмо отдайте, а то я боюсь, чтобы товарищи не ушли. Поклонился и ушолъ. Я къ барынѣ: письмо отдаю и перасказываю, что Сеничка и живъ, и здоровъ, и въ полку служитъ, что сейчасъ мнѣ все это солдатикъ говорилъ и самое письмо далъ.... Затряслась она вся бѣдная поднялась съ подушки, взяла, а оно то и не письмо, а такъ сворочена бумага и печати не было. Развернула она, улыбнулась такъ радостно а прочитавши, покачала головой и сказала. Голубчикъ мой, и писать то тебя не выучили, какъ писалъ дома, такъ и пишетъ.... Выслужиться—пріѣдетъ! Когда же это будетъ! Не дождусь я его.—Крѣпко уже тяжко мнѣ было. Жизнь то горе разбило..... Поѣхать бы къ нему, да какъ его найти. Имя чужое, а какое не написалъ; въ какомъ полку неизвѣстно. Не дожить мнѣ, не видать мнѣ его, Параша! обратилась она ко мнѣ. Не бросай домика нашего, какъ я умру. Сбереги ему что можно... А сама такъ жалостно на меня глядитъ. Тутъ-то я и поклялась и душой своей и дочкой, что только мертвую меня съ этого дома вынесутъ. Поуспокоилась она. Письмо подъ подушку положила, да каждый день потомъ его читала. А такъ ужъ ослабла, что съ подушекъ подняться не могла, такъ и отошла ночью. Я возлѣ кровати сидѣла, задремала слышу, что шепчетъ. Я голову подняла она только вздохнула, да Богу душу и отдала. Похоронила я ее рядомъ съ бариномъ. Стала сама хозяйствомъ заправлять. Но слушать меня никто не хотѣлъ; все паныча ждали; про смерть то его ничего не слыхали. Что могла я все приберегала да сбирала, ждавши его и дождалась... Выметаю я тутъ, смотрю, прибѣжалъ кто-то къ крыльцу какъ ахнетъ, какъ упадетъ; да такъ и припалъ лицомъ къ ступенькамъ. Плачетъ да цалуетъ. И какъ приподнялъ голову, гляну: ажъ это Сеничка. Такъ его сразу и узнала. Перемѣнился-то онъ мало; усы только что начали пробиваться а то все такое дѣтское, и худѣй сталъ. Ходитъ это на крыльцѣ, кланяется мнѣ и проситъ: «пустите, здѣсь мой отецъ и мама живутъ; вотъ образокъ и крестикъ, которымъ меня благословляли, какъ

увозили учиться. Показываетъ мнѣ ихъ; я сейчасъ узнала. Да какъ не узнать—не разъ сама на шейку надѣвала! сторонюсь... Бросился онъ въ комнаты, ко всему припадаетъ, все узналъ, все цѣлуетъ. Обошолъ всѣ комнаты, а потомъ и спрашиваетъ: Гдѣжъ они? Взяла его я за руку, привела къ могилкамъ и говорю: вотъ тутъ лежатъ не дождались васъ! Упалъ онъ на могилы; долго, долго пролежалъ, рыдая; наконецъ воротился домой, сѣлъ на крылечкѣ и сталъ смотрѣть все туда въ сторону. Позвала я его обѣдать... Поѣлъ да и опять на крылечко. Спросила: какъ онъ домой попалъ? Да вотъ, говоритъ, исключили изъ службы, на счастье попался солдатъ по дорогѣ такъ и добрелъ. И началъ онъ тутъ жить, ну словно дитя малое. Не давай ему ѣсть, не спроситъ. Утромъ сбѣгаетъ на могилку, поплачетъ, воротится да и просидитъ весь день на крылечкѣ, заговаривать я стала съ нимъ о хозяйствѣ. Да Богъ съ нимъ, скажетъ—не знаю я нечего и не умѣю. А самъ все поглядываетъ туда на огородъ. Мѣщанинъ или баринъ какой жилъ тамъ незнаю. Вонъ еще стѣнка виднѣетъ: домикъ бѣленькій стоялъ и до самой рѣчки огородъ шолъ; отъ насъ туда тоже шла дорожка;—за водой было ходимъ—пересохнетъ рѣченка, то и курица перебредетъ. Стала замѣчать: онъ частенько туда заглядывается. Дай посмотрю себѣ, чтобы его такъ приманило? племянница сосѣдская воду изъ рѣчкиноситъ, грядки поливаетъ... Вотъ что! Ну, ну, гляди и не стала ему мѣшать. Жду, что изъ этого будетъ. Пойдетъ ли онъ съ ней словечко промолвитъ? Вѣдь и она не съ чего же все на грядкахъ толчется! то политъ, то польетъ... Ни чуть не бывало, ну! только какъ увидитъ ее, сбѣжитъ внизъ къ рѣчкѣ, да тамъ и сидитъ. Такъ и лѣто прошло. Осенью пошли лить дожди; разошлась наша рѣчонка. Сняла я горохъ; сидимъ мы съ нимъ на крылечкѣ да чистимъ. Прибѣгаетъ моя дочка, запыхалась, дайте самоваръ; становой пріѣхалъ! Я спрашиваю: чего же онъ пріѣхалъ—не слыхала?—Да спрашивалъ, не проживаетъ ли здѣсь баринъ такой-то?—не помню какъ она по фамиліи назвала... Наслѣдство—говоритъ ему, большое досталось,—такъ разыскиваетъ. Глянула я, а Сеничка какъ стѣна побѣлѣлъ .... Взявши самоваръ, дочка ушла, а онъ и говоритъ: гдѣ бы мнѣ спрятаться, какъ прійдутъ меня искать?—Да развѣ васъ ищутъ?—То-то, что меня!

Это то самое имя, которымъ велѣли прозываться. — Да кто же вамъ велѣлъ?—А то вліятельное лицо, къ которому отвезъ-то меня отецъ.—Какъ же, я говорю, это такъ и вышло?—Да вотъ какъ: оставили меня у него, я тотъ день все игрался съ барышней; потомъ позвали къ нему въ кабинетъ; началъ онъ спрашивать; я и знаю о чемъ спрашиваетъ да отвѣчать то не посмѣлъ. Дуракъ! проговорилъ онъ и отправилъ меня на кухню. Тутъ и лакеи, и повара, и кучера каждый заставлялъ меня дѣлать свое, тому воды принеси, другому конюшню чисти, ну, я помнилъ отцовское приказаніе: слушался всѣхъ. Кто первый прикажетъ, тому первому и дѣлаю, а потомъ другому; а всего не успѣю сдѣлать — обѣдать не даютъ, только душу и отводилъ, какъ барышня позоветъ къ себѣ. Бывало все раскажешь гдѣ и какъ жилъ; какъ любилъ отецъ и мама, чему учили..... Вотъ все такъ и перебивался; все поджидалъ какъ бы отецъ пріѣхалъ меня взять..... Какъ вдругъ привозятъ къ намъ паныча какого-то, изъ училища; онъ ужъ кончилъ тамъ науки: говорили его отецъ пять тысячъ заплатилъ, чтобы экзаменъ то выдержалъ. А вліятельное лицо самъ и отдавалъ его учиться. Пожилъ онъ сколько то у насъ. Повезли его въ гости къ какой-то барынѣ. Кучеръ разсказывалъ что къ ней часто господа гулять собираются..... Самъ баринъ оттуда поздно воротился, меня еще разбудили лошадей отпрягать; а чуть свѣтъ только я проснулся,— смотрю паныча несутъ мертваго. Разбудили вліятельное лицо; приказалъ онъ его отнести его въ ту пустую баню, гдѣ я жилъ; а меня уже перевели въ панычовскую комнату умыли, остригли, причесали, напомадили, духами обливали, и въ постель уложили; да и наказъ такой дали; что если кто двери отворять будетъ, такъ закрыться одѣяломъ съ головой. Я все исполнялъ, что мнѣ говорили, потому что отецъ это приказывалъ, и мама просила.... Ну и пролежалъ я два дня, а на третій—принарядили меня въ юнкерской мундиръ; сапоги тонкіе дали; шинель такая щегольская..... Представили вліятельному лицу. Оглядѣлъ онъ меня съ ногъ до головы. Потомъ говоритъ: пора тебѣ служить, ты теперь юнкеръ! Вотъ съ этимъ письмомъ явись куда тебя отведутъ; отдашь письмо, такъ и зачислятъ; но только для своей пользы ты не долженъ своимъ именемъ называться; такого уже нѣтъ, ты померъ сегодня похоронятъ,—понимаешь? Если имъ назовешься—пропадешь! въ сумашедшій домъ

посадятъ! а тебѣ имя и фамилія панычa. Вотъ тебѣ и бумаги на это; береги пуще глаза! Вотъ и аттестатъ; отличный!—дорого стоитъ! За то съ такими рѣдко и выпускаютъ. Вотъ и деньги на дорогу Да помни какъ прозываться! Собьешься—пропадешь! Ну ступай со мной, и самъ вывелъ на крыльцо. Тамъ что то еще приказалъ. Унт. Офиц. Стали мы укладываться въ почтовую телѣгу. Только сѣли—вижу изъ бани несутъ хоронить панычa, а священникъ поминаетъ мое имя. Тутъ-то я понялъ, что жить-то мнѣ своимъ именемъ значитъ нельзя, а надобно за панычa жить. Съ тѣхъ поръ такъ за панычa и пошелъ...... Привезли меня къ полковнику. Отдалъ я ему письмо. Прочиталъ и засмѣялся: аттестатъ вашъ? Подалъ аттестатъ.—Прекрасно молодой человѣкъ! мы такимъ рады. Въ добрый часъ, начинаете служить! Поклонился я и вышелъ. Отвезли меня на казенную квартиру. Пошло ученье, маршировки, пріемы ружейные. Я скоро и выучился. Деньги мнѣ откуда-то присылали. А этотъ У. О. все показывалъ какъ и что на службѣ слѣдуетъ дѣлать. И ничего мнѣ было жить; только крѣпко скука брала; все хотѣлось, домой къ отцу и мамѣ!..... Разъ какъ то сбирался въ отпускъ солдатикъ и раскажи мнѣ, чрезъ какіе мѣста ему проходить; горько мнѣ стало, такъ слезы а прошибли, какъ и наше село называлъ... Увидивши это, сталъ онъ допытываться, что это со мною? Ну, я признался. Помогъ онъ мнѣ; вмѣстѣ и письмо написали: обнадежилъ розыскать непремѣнно..... Вотъ и началъ поджидать; думаю себѣ: теперь отецъ сыщетъ и возьметъ меня домой; и такъ объ этомъ задумываюсь, что и приказанія всѣ изъ головы выйдутъ... забылъ даже разъ и приказъ генеральскій.... Призываетъ меня генералъ, кричитъ: Я на отца вашего не погляжу; изъ службы исключу! такъ юнкеромъ и домой отправитесь!...... Какъ услышалъ я это упалъ ему въ ноги. Откуда и смѣлось взялась.—Прошу выключите В. П.; я давно домой хочу! Поглядѣлъ сначала на меня, потомъ крикнетъ въ другую комнату: «написать ему прошеніе объ отставкѣ и подать». Тутъ же я и подписался, я черезъ недѣлю сказали: могу идти куда угодно. Попутчика нашелъ, да вотъ и домой добрался. А теперь то опять ищутъ. Что какъ это вліятельное лицо меня разыскиваетъ! вѣдь онъ велѣлъ мнѣ служить.... а узнавши о моемъ исключеніи вѣрно разсердился.

Оно и ничего бы—не страшно! Да подумаю что ее придется бросить также лучше умереть. Она ужъ говорила сегодня со мной. Я хотѣлъ и перебресть туда къ ней, такъ остановила, говоритъ: теперь нельзя—увидятъ; бранить будутъ. Лучше ночью придите.—Ну что-жъ, говорю я ему; сама звала значитъ любитъ! Пойдетъ сюда, возьмите къ себѣ, а тамъ и женитесь; да тогда можете брать куда ни прійдется. — Любитъ прошепталъ онъ, это значитъ... да, вдругъ и покраснѣлъ. Вскочитъ и побѣжитъ..... Объ эту пору дождь разошелся. Жду да жду нейдетъ въ комнату. Пошла, позвала его; уговорила, что ужъ спать пора. Послушался, улегся. Только не спалось ему. Вскочитъ! бѣгаетъ, бѣгаетъ по комнатѣ; приляжетъ на минуту; а тамъ—опять; что-то самъ съ собой разсказываетъ. А дождь то такъ ливмя льетъ. Задремала я; вдругъ дверью стукнуло. Стала, осмотрѣлась, комната пустая; на крыльцо прямо;—нѣтъ, смекнула: наровилъ. Я натропку: скользко,—идти нельзя; а тутъ слышу вода всплеснула, онъ крикнулъ; да и борахтается въ водѣ; встать то вѣрно не могъ, а дождь то не перестаетъ; знай хлыщетъ! Побѣжала на село къ зятю. Собрали сосѣдей.... сюда къ рѣчкѣ. Тутъ темень такая: вода ужъ реветъ. Слышно несется.—Видно мостъ снесло, что вода такая шумитъ, говоритъ зять мой.—Нѣтъ греблю порвало; отвѣчаетъ кумъ.—Теперь и мельницы снесетъ! Стала я ихъ молить: Спасите же его... тутъ онъ упалъ.—Да гдѣ жь его въ такой темнотѣ сыщешь? заговорилъ кумъ. Я ихъ Богомъ заклинать. Зять послушался: пошли къ спуску. Ступила я разъ другой шлепнулась въ грязь; поползла внизъ; за мной зять съ багромъ; долѣзла до воды кричу ему: тутъ упалъ! Пошарилъ, ткнулъ онъ багромъ.—Нѣтъ тутъ. Видно вода снесла! А тутъ послышалось гдѣ то затрещало;—да вдругъ грянетъ громъ! Зять завопилъ:—Съ нами крестная сила! Нынчѣ надо душу свою спасать: вишь страсти какія! Ужъ завтра, какъ живъ буду, такъ вытащу его тебѣ. Поговорилъ еще съ кумомъ, да и пошли домой. Поплелась съ горемъ себѣ и всю ночьку на крыльцѣ высидѣла. Къ утру буря стишилась; вода упала. Пришли мужики багры забрасывать; гдѣ въ бродъ ходили съ головой покрывало. Сеничку вытащили не живого; водой далеко его снесло... Становый съ лекаремъ прибыли, освидѣтельствовали. Становый и вещи осмотрѣлъ; бумаги забралъ и сталъ читать одну: вотъ гдѣ наслѣдникъ то нашелся! вскрик-

нулъ онъ. Какъ жаль не подождалъ; неслѣдство-то какое громадное досталось! — Да вы что хлопочите? отозвался лекарь. Наслѣдники всегда найдуться; дѣло только по лучше устроить, чтобъ живымъ черезъ мертвыхъ хлопотъ не нажить! И начали они по тихоньку между собою разговаривать..... Послѣ людей спрашивали: знаетъ ли кто Сеничку? Народъ отперся: знать не знаемъ; никогда не видали! Я же всю правду показала и то, какъ ему прозываться иначе заказывали. Поглядѣли они на меня; да сумасшедшею послѣ такъ и прописали. Прочитали они мужикамъ, что понаписывали... ну народъ простой не понимаетъ! Отвѣчаютъ: такъ? Я тоже ничего не разобрала, что читали. Тѣмъ и кончили. Сеничку закопали безъ попа. Слухъ то вѣрно разнесся: какіе то родичи наѣхали наслѣдствомъ дѣлиться. По разбирали все изъ дома. Становый и землю продавалъ. Меня заказалъ зятю кормить пока жива. Я и осталася въ пустомъ домѣ; своему слову не измѣнять живой отсюда не уходить; такъ тутъ и помру. Спасибо дочькѣ приноситъ ѣсть..... Старуха смолкла. Пригнулась до земли, и о чемъ то задумалась.

Въ раздумьи сидѣла и Гурли. Глазамъ ея представились развалины бѣленькаго домика.

— А отъ чего же онъ то развалился? спросила она,

— Да также отъ неправды! отвѣтила старуха! Этокакъ схоронили Сеничку. Зима миновала; вода сбыла. Меня все къ тому мѣсту и тянетъ гдѣ утонулъ онъ; правда было поплачу, мнѣ легче станетъ..... Племянница сосѣдская смотрю тоже сойдетъ къ водѣ себѣ, плачетъ. Ну, разговорились мы съ ней, сперва о Сеничкѣ; полюбился ли онъ ей! Послѣ и свое горе передала. Это говоритъ какъ умеръ отецъ; родные хотѣли имущество оттягать! Одинъ чиновникъ предложилъ, что онъ все выхлопочетъ, если я пойду за него! Самъ то онъ препоганый. Я сказала, что лучше пойду поміру, чѣмъ женой его буду. Онъ тогда присталъ къ матери; уговаривая выйти за него. Что говорить вамъ дѣтей нежаль, нищими хотите сдѣлать. Послушалась мать; пошла за него. Тутъ уже крѣпко сталъ ко мнѣ навязываться. Видитъ что лаской, ни подарками не беретъ: то простой силой. Пожаловалась я въ судъ, что нѣтъ отбою отъ него. Призвали его. Онъ показалъ, что я все лгу! Всѣмъ извѣстно какъ онъ объ имуществѣ моемъ хлопоталъ. Выставилъ свидѣтелей какіе подарки мнѣ дѣлалъ, что и жениха мнѣ отыскалъ. А что я такого характера, что ни съ кѣмъ ужиться не

могу. Что наконецъ доведу его до самоубійства. Проситъ меня въ повиновеніе привести. Указали мнѣ законъ, что должны кориться родителямъ и попечителямъ своимъ и отправили съ тѣмъ домой. Тутъ его ни что не сдерживало накинулся на меня. Вырвалась я, ушла къ дядѣ; тотъ меня принялъ: взялъ къ себѣ и то, что мнѣ въ наслѣдство приходилось, землю и этотъ домъ; съ тѣмъ что ужъ будетъ содержать и защищать пока женихъ пріищется; а тогда все отдастъ, и замужъ меня выдастъ Пріѣхали мы сюда Дядя и поставилъ меня за работницу. Воду носи, грядки копай..... Тяжело мнѣ пришлось съ непривычки; не захотѣла слушать. Дядя началъ бить меня. На ту пору становой пріѣхалъ; я къ нему. Прибѣжалъ и дядя; подтвердилъ: дѣйствительно билъ! Да что! такая распутная, что иначе и нельзя сомной, что моя мать ему и отдала. Что могутъ и вотчима спросить... Потомъ, потихоньку еще что-то говорилъ становому и ушолъ. Становой предлагаетъ: ночуй здѣсь такъ похлопочу о тебѣ; а не хочешь—такъ убирайся. Не то велю вотчима запросить. Отвернулась я, пошла домой.... Взялась за работу,—да не посиламъ мнѣ. Ужъ такъ тяжело подъ часъ бываетъ.... Почитай мы этакъ съ ней, все лѣто проплакали. Пріѣхалъ къ нимъ сынъ хозяйской, ея братъ двоюродный. Приглянулась ему она съ перваго взгляда, и почилъ за ней волочиться, Плачетъ она пуще прежняго. Жаловалась ужъ и дядѣ, что не отобьешся никакъ, а тотъ себѣ только подсмѣивается. Я ее къ себѣ сговаривать стала. Обрадовалась, думала спробовать перебраться.... И такъ сидѣли то мы, разговаривали, вдругъ изъ за кустомъ и выскочилъ онъ самый,—къ ней! Ахнуть не успѣла, какъ онъ простыню накинулъ и спуталъ ее.... она ну кричать. Поблизу ни кого не слышно; въ жнива по уходили.... Бѣжать я—на село. Захватила двухъ старухъ: приходимъ. Сидитъ она бѣдная одна уже, руки ломаетъ, горько плачетъ. «Пропала я теперь пропала».... Поглядѣли старухи—разошлися. А она въ тужъ ночь утопилась, той самой простыней и голову себѣ замотала. Вытащили ее. Становый пріѣхалъ. сбирать на допросъ, а ужъ домъ пустой — слѣдъ простылъ! куда всѣ разъѣхались!? Людей допрашивали: опять ни кто ничего не знаетъ. Я туды доплелась говорю съ насилія то она утопилась. Становой узналъ меня, «а говоритъ; это та сумасшед-

шая! махнулъ рукой и слушать не захотѣлъ. Лекарь освидѣтельствовалъ тѣло.—«Нѣтъ тутъ никакихъ слѣдовъ насилія! Сама утопилась»... Велѣли зарыть, тѣмъ и кончилось. Остался домикъ пустовать. Вѣтеръ вѣетъ, ставни хлопали. Совы ночью кричали. Сосѣди боялись заглянуть въ него. «Тамъ говорятъ утопленица по душѣ своей тужитъ».... Такъ и развалился бѣленькой домикъ. Старуха опять замолкла, и, углубившись въ воспомининія, склонилась со всѣмъ къ землѣ.

Что-то зашевелилось, и на крыльцѣ показалась румяная дѣвчина, въ пестрой спидницѣ. Поднесла старухѣ горшечекъ, она улыбаясь сказала:

— Ось вечеряйте бабусю! Вамъ сегодня локшина зъ молокомъ!...

Старуха встрепенулась и нехотя взяла ложку. Дивчина обратилась къ Гурли.

— Може и вы, паночька, будыте исты? Ось я и другу ложку взяла для себя. Казала мати, що тутъ повечеряю,—та не хочу. Бильше для того щобъ вона мене не ждала.

Гурли, не ѣвшая съ утра, взяла ложку и съ апетитомъ принялась за локшину.

— Чого же это дома варятъ не хотѣла! Спросила старуха у дѣвчины.

— Сватать меня пришли! а за того я не хочу и не пиду!

— Закого-жъ ты пойдешь? Спросила Гурли.

— За того, кого люблю!

— А гдѣ-жъ онъ?

— А тамъ! Била села Трудолюбова скотъ пасе.

— Какъ-же ты пойдешь за него, когда батько не отдастъ? спросила старуха.

— Я утечу до его, ось я соби и сорочьку взяла! якъ не отдадуть—я такъ зъ нимъ буду жить, отъ же вы жили бабусю!?...

— А ты найдешь дорогу! перебила Гурли.

— Чому-жъ, хиба мини у перви! Тилько страшно самой... та усежъ краще, бо цей страхъ гивыдко мынеться, а тамъ викъ викуй!

— Ну пойдемъ вмѣстѣ чтобъ не было страшно! сказала Гурли.

— Ходимъ, ходимъ! радостно вскрикнула дивчина, вскакивая съ своего мѣста.

Гурли распростилась со старухой. Весело побѣжали онѣ по тропинкѣ. Солнце спускалось уже за горизонтъ. Въ степи становилось прохладно. Выйдя въ поле привычныя ноги дивчины быстро сколзили на скошеной травѣ, легко и свободно слѣдовала за ней Гурли.

Стемнѣло. Утомившись спутницы пошли тише.

— Що воно, мовь щепчеця у поли? Чи духъ степний! Кажуть кого винъ не залюбыть, то и погубыть.

— Нѣтъ! Это вѣтеръ траву колышетъ.

— А ще вонъ онде по полю біжить? вскрикнула останавливаясь дивчина.

Гурли направилась къ предмету наводившему страхъ.

— Это перекати-поле! вскрикнула она, добѣжавши къ тому мѣсту.

Подбѣжала и дивчина.

— Якижь вы панночко не боязки! съ вами хоть куды питти можно!....

Поздно воротилась Гурли домой. Варвара ждала ее у крыльца.

— Гдѣжь это вы были? спрашивала она.

— Заблудилась отвѣтила Гурли.

— Та можножъ такъ далеко заходить? хотабъ кого съ собой брали. Вѣдь насъ заколотятъ, какъ что случится?

XXV.

Дяд-ку ждали не долго. Воротившись онъ разохался?..., разнѣжился, улоложили въ постель; позвали знахарку съ деревни.

— Съ глазу! опредѣлила она. Положила въ миску три уголька, три фасоли; три камушка, налила водой, пошептала надъ ней; и умыла дяд-ку, Легче стало, но исцѣленія не получилъ, послали за Сонькой. Ея черныя блестящія глаза и румяныя щеки всегда привлекали особенное вниманіе дяд-ки. Она спросила два яйца, и начала катать ихъ на головѣ дяд-ки въ тактъ подъ какой-то припѣвъ. Больнаго склонило ко сну; всѣхъ отпустили одна Сонька осталась у кровати бармоча,

Утромъ дяд-ка вышелъ совершенно здоровымъ и принималъ отчеты по хозяйству; по докладу прикащика производились наказанія виновныхъ разными способами. Къ обѣду все угомонилось.

Дяд-ка далъ обѣщаніе вести Гурли съ сестрой къ Саничкѣ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Распрощалась Гурли со степью и чрезъ нѣсколько дней уже входила подъ кровъ Санички. Ее встрѣтили разцѣловали Саничка увидѣлъ Гурли что тоже уже не дитя.

— Наша дѣвочка совсѣмъ барышня! Надо ей длинное платье.

— Пора, отвѣтила Аня.

Преобразили Гурли въ большую дѣвицу. Когда туалетъ былъ оконченъ позвали Саничку.

— Та, та, та! Какая эта дѣвица у насъ. Да, эта наша дѣвочка, совсѣмъ не узнать говорилъ Саничка взявши ее за подбородокъ.

— Значитъ дѣвица и дѣвочка разнятся только длиною платья? спросила Гурли.

— Ну еще кое-чѣмъ и другимъ разнится да эта дѣвочка пусть сама догадывается, продолжалъ онъ шутливо.

Весело болтали и она. Но морщился лобъ Санички лишь коснется слово о хозяйствѣ. Предъ ней повторялись семейныя сцены; Анѣ хотѣлось, чтобы въ домѣ было также какъ и при отцѣ. Саничка же, привыкшій жить по своей волѣ требовалъ чтобы было такъ какъ ему нравилось. Дружба сестеръ не могла возстановиться подъ эгоистичнымъ управленіемъ Санички. Аня не умѣла быть старшей, не умѣла покоряться необходимости и домашнія сцены не прекращались. Взошли твои сѣмяна раздора, тетенька Саша... думала Гурли.

Скучная тяжелая жизнь для нея началась снова По цѣлымъ днямъ просиживала она подъ окномъ а тамъ за окномъ ходили

и спѣшили куда-то люди: у каждаго было свое дѣло; у ней же не было дѣла, ей не куда было идти....

Саничка знакомилъ своихъ товарищей съ сестрами. Галка, Янъ и Коржъ наперерывъ ухаживали за Гурли. Часто собравшись всѣ трое, они старались выказать предъ ней силу и полноту своихъ чувствъ; надежды въ будущемъ... Но какая то фальшивая нота звучала для Гурли въ ихъ разговорахъ.

Ужъ не рисуются ли, думала она слушая своихъ собесѣдниковъ и теряясь отъ сбивчивыхъ, однообразныхъ хотя и восторженныхъ рѣчей ихъ.

Утомленная, ссылаясь на головную боль она прощалась съ гостями и пробиралась въ свою комнату. Который же сильнѣй любовь?!.. Ея молодой умъ отказывался постичь. Отягченной головой прислонилась она къ окну; пахнувшій вѣтеръ задулъ свѣчу....

Изъ кладовой свѣтился огонь и слышалась пѣсня. Тамъ Дуня между ящиковъ, кадокъ и узловъ занялась своими нарядами. У Дуни были большіе черные глаза какъ у цыганки и казались еще чернѣе отъ пунцовыхъ лентъ и цвѣтовъ вплетенныхъ въ косы. Алыя губы были ярче караллъ, обвитыхъ около шеи, Гурли сама любовалась ею, сама ее наряжала, обдаривала.

Раздались шаги. Остановится и полюбуется подумала Гурли Янъ остановился....

Вотъ она красота табора произнесъ онъ протяжно въ двухъ шагахъ отъ Гурли.

— Чего ты здѣсь; продолжалъ онъ переступая порогъ. Да какъ идутъ тебѣ эти наряды. Гдѣ ты ихъ взяла?..

— А вамъ какое дѣло засмѣялась Дуня показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Какое дѣло? Ты красавица сегодня хоть поцѣловать.

— Что же говорите да не цѣлуѣте кокетничала Дуня заливаясь веселымъ смѣхомъ, такъ вамъ повѣрить нельзя.

— Будто нельзя.

Раздался поцѣлуй и Дуня съ насмѣшливой бранью проваживала Яна. Когда она вернулась назадъ Гурли завладѣла свѣчей.

— Знаете что заговорила Дуня идя вслѣдъ за ней офицеръ Галка подарилъ конфекты Груши.

Въ голосѣ ея слышались и наивная досада, и смущеніе и

еще неулегшійся хохотъ, это обезоружили Гурли, она не могла сердиться.

II.

— Правда-ли Груша что Галка дарилъ тебѣ конфекты? спросила потомъ ее Гурли.

— Это вамъ вѣрно Маша, сказала оправдываясь Груша сердито, небось не говоритъ,, что сама отъ Коржа пряники брала.

Гурли опечалилась: гдѣ нибудь есть люди которые любятъ по человѣчески. Было поздно; сидѣла она у окна. Сестры собрались спать а она сѣла у окна и припоминалась ей скучная пѣснь Филиппъ Петровича. Мѣсяцъ всплылъ высоко и отъ лучей его ярко блисталъ крестъ церкви куполъ который былъ видѣнъ изъ окна. Въ домѣ все стихло, Гурли все сидѣла.

— Живое существо или мечта, раздался голосъ около нее.

Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ. Его черные глаза смотрѣли на него съ удивленіемъ. Будто окаменѣлая она не тронулась съ мѣста.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ схожу съ ума, продолжалъ онъ протягивая къ ней руку. Гурли отклонилась назадъ. Онъ что-то проговорилъ и поспѣшно отошелъ.

Гурли заглопнула окно. Въ пустой улицѣ раздался усиленны лай сторожевыхъ собакъ.

III.

Весь городъ собрался накладбище поминать родныхъ. Начиная отъ пышной аристократіи, которая пріѣзжала въ модныхъ траурныхъ нарядахъ граціозно молиться нарѣдко посѣщаемыхъ могилкахъ и кончая толпой оборванныхъ полунагихъ нищихъ бѣгавшихъ отъ одной могилы къ другой одинаково чуждой и неотступно кричащихъ на всѣ голоса «Христа ради милостынку» [illegible] по обычаю напекла пироговъ, покрасила яицъ, велѣ-

ла отнести на кладбище и съ Гурли поѣхали туда же слушать обѣдню. Въ церкви была духота и толкотня такая, что Гурли не выдержала и пошла на могилу отца. На ступеняхъ памятника сидѣлъ незнакомый молодой человѣкъ съ грустными черными глазами. Гурли думала помолиться, но взглядъ его провожалъ ее ощущался на ее лицѣ, губы шептали молитву, но умъ и сердце были заняты встрѣчей. Не совладѣвъ съ своимъ волненіемъ Гурли присѣла. Вблизи ссорились мальчишки изъ-за поданнаго пирога. Обдѣленный еще совсѣмъ маленькій мальчикъ ловко подпрыгнулъ и выхватилъ пирокъ, у болѣе сильнаго товарища; тотъ быстро оборотился и хватилъ его кулакомъ. У ребенка хлынула кровь изъ рта и носа. Гурли вскочила съ своего мѣста. Незнакомецъ тоже пошелъ за ней.

— Дайте копѣйку вопилъ мальчика утирая кулакомъ текущую кровь. Гурли изумилась.

— Васъ это удивляетъ, обратился къ ней молодой человѣкъ.

— Гдѣ бы достать воды умыть его проговорила она въ отвѣтъ.

— Да онъ не захочетъ умываться. Это ему еще къ лучшему. Скорѣе внушитъ состраданіе и вымолитъ что нибудь. Здѣсь всѣ средства позволительны чтобы обманывать состраданіе людей. Я приглядѣлся: вонъ посмотрите,

Гурли оглянулась. Дѣйствительно разбитый мальчикъ уже успѣлъ привлечь участіе трехъ мѣщанокъ усердно его одѣлявшихъ.

— Неужели это бываетъ? приходила она въ удивленіе.

— Не это собственно,—а въ родѣ, я часто вижу здѣсь. Я часто хожу сюда, въ городѣ я никогда не бываю.

— Никогда! я васъ видѣла.

Раздалось пѣніе. Аня со священникомъ и дьячками подошла. Гурли поспѣшила встать возлѣ нее: поставили кутью, зажгли свѣчи. Панихида кончилась и все было роздано нищимъ и пироги, и гроши, и кутья, которую раздавали по ложкѣ въ подставленную горсть. Аня усадила Гурли на дрожки и взволнованная печальными воспоминаніями молча ѣхала домой. У Гурли же воспоминанія объ отцѣ путались съ новыми образами: она думала, что встрѣчи могутъ возобновиться.

Гурли пользовалась каждымъ удобнымъ случаемъ чтобы бывать на кладбищо. Ее ждали уже какъ на усаовленное свиданіе.

Возвращаясь домой она припомнила каждое слово изъ сдержанной рѣчи, о печальной жизни большой бѣдной семьѣ тяжело было ему... Бѣднякъ, на одномъ жалованьи, мать, сестры, задумываться приходилось много, тутъ сосѣдки сочувственно жужжали такъ съ ума можно сойти.

— Домашніе плачутъ; поневолѣ изъ дому уходилъ да и надѣлаешь какой нибудь чепухи, въ родѣ нашей первой встрѣчи.

Онъ смолкалъ останавливая на ней долгій задумчивый взлядъ. Какъ было ей тогда хорошо и легко.

IV.

У воротъ дома остановился фургонъ, изъ него выходилъ кузенъ Алешинька. Гурли бросалась на встрѣчу передъ ней стоялъ Филиппъ Петровичъ.

Изъ чуднаго ребенка вы стали чудной женщиной Гурли! вы меня? Любите спрашивалъ онъ ее.

— О да! также какъ прежде.

— Также какъ прежде проговорилъ онъ выпуская ее изъ рукъ и повернулъ къ выходу.

— Какого дурмана подсунули вы, кузина, Филиппъ Петровичу. Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ когда бросился назадъ въ фургонъ... шутливо допрашивалъ Алешинька; сверхъ ожиданія одинъ оставшійся гостить.

Филиппъ Петровичъ не вернулся Гурли его больше никогда не видала. Какой же любви хочетъ онъ думала она; никогда вѣдь не забывала о немъ; вѣчно слушаю его скучную пѣсню, живу его умомъ Алешенка сбирается одинъ въ обратный путь.

Въ это время, Саничка пришелъ порадовать что купилъ домъ. Тамъ всѣмъ будетъ просторно и для барышни докончилъ онъ обращаясь къ Гурли съ улыбкой дотрогиваясь до ея щекъ.

— Какъ въ степи, припомнила въ слухъ Гурли.

— Въ степи живутъ только зайчики, отвѣтилъ онъ наставительнымъ тономъ.

— Отъ церквей далеко замѣтила Аня.

— За то отъ кладбища близко; пѣшкомъ можно дойти отвѣтилъ Саничка.

Пѣшкомъ и стану ходить, подумала Гурли и повеселѣла. Перебрались въ новый домъ. Никто не спросилъ чему она радовалась. Санички не проходило въ голову разбирать какія чувства волновали окружавшихъ. Онъ доволенъ былъ пріобрѣтеніемъ дома и удовольствіе всѣхъ приписывалъ тому же. А Гурли ждала случая бѣжать на кладбище. Случай этотъ представился. Всѣ сестры отозваны были на обѣдъ, за ними разбрелась и прислуга. Къ вечеру не ожидая скоро своихъ, закутавшихъ платкомъ вышла она изъ дому. Робѣя шла она мимо казармы, она прибавила шагу на площади неслась уже стрѣлой; сердце билось, духъ захватывало. Совсѣмъ задыхаясь добѣжала она къ могилѣ. Съ какимъ восторгомъ ее встрѣтилъ черноокій.

— Я думалъ что вы меня забыли? наконецъ прервалъ онъ молчаніе.

— Да таки и забыла отвѣтила Гурли а когда вспомнила предти было нельзя, но теперь мы живемъ близко—одна площадь. Да и страшно же было бѣжать чрезъ площадь, ну солдатъ пьяный пристанетъ.

— Да, отвѣтилъ онъ серьезно. Такъ рисковать вамъ нельзя. Нужно мнѣ отказаться отъ счастья видѣть васъ здѣсь.

— Какъ же не такъ! я съ тоски пропаду въ Саничкиной тюрьмѣ,—вѣдь тамъ дѣлать нечего любить некого.

Въ его глазахъ выражалось счастье подумавъ онъ отвѣтилъ. Я васъ буду ждать на плацѣ у казармъ; если не встрѣтите меня, дальше не идите.

Гурли снова чувствовала, что любима, снова была счастлива.

Какъ хорошо быть любимой, думала она часто возвращаясь домой, и какъ бы мнѣ не потерять этого счастія... Какъ бы не разлучаться? пойти къ нему... Саничка пожалуй задушитъ его за меня!... Выйти за мужъ? онъ согласится уже навѣрное, жены то ужъ никто не отниметъ. Какая же я жена? со мной ему еще будетъ тяжелѣе... Какъ поступить!—ломала она себѣ голову.

Выучиться работать, отвѣтила она себѣ направляясь къ кухню. Но, опрокидывался борщъ, жаркое прижигалось — не разъ кухарка гнала ее изъ кухни, грубила ей, она молчала, выучюсь же наконецъ думала она. За обѣдомъ нападали на Аню, какже это она смотритъ такъ...

— Ходишь бьешься, а придешь домой ѣсть нечего! говорилъ недовольно Саничка.

— Что же я сдѣлаю оправдывалась Аня. Призвали кухарку.

— Это не она, а я вступилась Гурли.

— Что же это такое наконецъ? обращался къ ней.

— Я хочу выучиться.

— Для чего? перебилъ сердито Саничка.

— Придется самой стряпать..... начала Гурли.

— Я не допущу васъ чтобы вы сами стряпали! горячился Саничка. Какъ вы дурно меня знаете? говорилъ онъ обидчиво. Изъ-за пустаго каприза заставлять всѣхъ ѣсть помои?..... доканчивалъ онъ хватая шапку и уходя.

— Да, ты Саничка ничего не понялъ сказала ему вслѣдъ Гурли.

— Да! я дуракъ ничего понять не могу ворчалъ онъ хлопая дверью.

Нѣтъ стряпать тутъ учиться нельзя, раздумывала Гурли. Увидѣвъ, однако, какъ собирались мыть бѣлье сама—взялась за это; и какъ она осталась довольна, что и это ей удалось,—только кожа на рукахъ была стерта...

— Отчего это спросилъ за обѣдомъ Саничка.

— Отъ горячей воды отвѣтила она спокойно.

— И когда это барышня перестанетъ шалить вѣдь уже невѣста! Кто же такія ручки захочетъ цѣловать.

Ну, что если въ самомъ дѣлѣ Саничка правъ подумала она; что если черноокому нравится только наружность какъ отъ тяжелой работы она испортится—онъ разлюбитъ. Да я совѣмъ забыла скучную пѣсню Филиппъ Петровича. Надо испытать; надо испытать твердила она, съ замираніемъ сердца бѣжала на плацъ. «Что какъ отвернется, что я буду дѣлать тогда?...» и все прятала руки пока не пришла на могилу; тогда она протянула ихъ къ нему. Съ невольнымъ порывомъ состраданія схватилъ онъ ее руки и въ первый разъ началъ сыпать ихъ поцѣлуями.

— Какъ же это могло сдѣлаться? спрашивалъ онъ недоумѣвая.

— Это я учалась стряпать и мыть отвѣтила она совсѣмъ счастливая.

Прижавши ея руки къ груди. долго долго глядѣлъ онъ на нее глазами полными любви.

— Такъ это ничего... ровно ничего незначитъ Саничка...

Теперь она съ увѣренностію принялась за работу; училась всему, что ни попадалось подъ руку; читала съ жадностію книги какія могла доставать; ей все хотѣлось узнать. Однажды неразобравъ какого то математическаго вывода, пошла спросить Саничку.

— Ахъ, какимъ серьезнымъ чтеніемъ занимается барышня. отвѣтилъ онъ шутливо; вотъ лучше бы волосы причесала. Какъ растрепалась!.. обратился онъ къ вошедшей Анѣ.

Ктожь мнѣ это объяснитъ; черноокій, рѣшила она. Съ тѣхъ поръ каждую книгу носила съ собой на свиданіе. Разсказамъ, объясненіямъ, спорамъ не было конца; Гурли жила полной жизнію но не долго...

V.

Настала осень. Гурли порывалась выбраться на плацъ но черноокій ее не встрѣчалъ тамъ, а дома семейныя сцены учащались. Саничка сталъ появляться только къ обѣду. Прислуга пользуясь этимъ своевольничала обманывала Саничка упрекалъ сестеръ что они не хотятъ ни за чѣмъ присмотрѣть, ему жаловались на прислугу; онъ дѣлалъ очныя ставки упрекалъ сестеръ, что неумѣютъ обходиться съ прислугой, что ему нѣтъ покоя, что онъ все отдаетъ всѣмъ жертвуетъ а кромѣ ссоръ и непріятностей ничего не видитъ. Какъ при отцѣ такъ и теперь каждая изъ сестеръ сдѣлаетъ только то, что ей нравилось не заботясь о прочихъ. Расходы увеличивались. У Санички изтощались, средства онъ мучился придумывалъ гдѣ взять средства а въ голову и не приходило объясниться съ сестрами. (Гурли пробовала доказывать ему, что онъ ничего толкомъ не разберетъ, онъ кричалъ свое, что видитъ и все понимаетъ). Подстрекаемый пустымъ самолюбіемъ онъ думалъ.. Я долженъ вынести и вынесу если не пропаду? Мнѣ у кого искать учиться....

Гурли знала и понимала это. Часто глядя чрезъ окно на

Саничку бѣгавшаго изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ далеко за полночь, она думала: чего онъ мучитъ и себя и другихъ, а тутъ какъ въ тюрьмѣ никому счастья нѣтъ. Каждой изъ насъ нужно и счастіе и любовь! а онъ хочетъ соединить несоединенное. Сѣмя раздора давно уже укоренилось а ты Саничка не вырываешь а ростишъ и поливаешъ это скверное зелье. Кромѣ вводимыхъ тобою лицъ никто не имѣетъ доступа въ домъ. Ты всѣхъ ревниво отстраняешь.. Какъ въ тюрьму вводишь столько воздуха и свѣта, чтобы не умереть живому человѣку а дверей не откроешь.

Пришли праздники и какъ въ отвѣтъ на мысли Гурли Саничка поставилъ часоваго чтобы отказывать всѣмъ пріѣзжающимъ знакомиться «барышни не принимаютъ». Гурли поглядывала въ окно. Сани различнаго вида подкатывались часовый бралъ карточку а сани спѣшили далѣе. Вотъ и черноокій.... Гурли бросилась на встрѣчу но пока шла за калитку его не было и слѣда.

— Карточку?! крикнула она стражу.

— Этотъ послѣдній-то не далъ... Шаромыга какой-то долженъ быть... да и сани жидовскія, смѣясь продолжалъ докладывать часовой.

Но Гурли больше не слушала. Печальная воротилась на свое мѣсто.

— О чемъ это барышня печалится? спрашивалъ Саничка увидѣвши ее.

— Ты думаешь Саничка что хорошее сѣно да теплый загонъ то и довольно... произнесла Гурли въ отвѣтъ.

— Что такъ мудрено барышня заговорили; кого-жь я въ загонѣ держу?..

— Всѣхъ!...

— Ну, сегодня барышня лѣвой ножкой съ постели встала; а я еще привезъ билетъ на балъ. Нужно будетъ бальное платье, обратился онъ къ Марусѣ. Обѣщался сестрицѣ генеральшѣ отпустить съ ней на балъ.

«Можетъ быть черноокій будетъ тамъ» Гурли начала приготовляться.

Сестрица генеральша ввела ее въ шумную залу. Много кавалеровъ толпилось, но между ними не было черноокаго. Уныло отзывалась ей веселая музыка и странно и дико казалось ей въ бальной залѣ. Много кавалеровъ танцовало съ ней но кромѣ

пустой безцвѣтной болтавни, ни кто, ничего не сказалъ. Утомленная воротилась она домой съ пустотой въ головѣ и сердцѣ. Съ каждымъ баломъ воскресала надежда встрѣтить черноокаго и послѣ каждаго бала все грустнѣй возвращалась.

Нѣсколько разъ ѣздила она на кладбище; но никто уже ее не встрѣчалъ; однажды только подошелъ къ ней незнакомый старикъ: «Извините,—началъ онъ. Я вѣдь знавалъ отца вашего, спасъ онъ меня отъ раззоренія, да не къ тому рѣчь... Вы то теперь однѣ тутъ грустите; а вотъ тотъ-то, что вы съ нимъ здѣсь такъ весело разговаривали, въ походъ ушолъ къ кавказскимъ берегамъ, родные тоже въ горе... Рѣшился говорить изъ уваженія, ни къ чему больше...»

Тоска овладѣла Гурли совершенно; работа валилась изъ рукъ; ни читать; ни думать. Подходилъ Саничка съ упрекомъ—«какъ не лѣнь хоть пыль то приказать стереть, у себя же подъ носомъ а зѣваетъ цѣлый день въ окно»... «Не видѣла» отвѣтитъ; а сама думаетъ—какъ бы узнать на какомъ суднѣ онъ ушолъ; живъ ли еще?... думаетъ и еще пристальнѣе всматривается въ безлюдную улицу.

Но вотъ показался какой-то офицеръ, поглядѣлъ на окно подозвалъ мальчика и указывая головой на Гурли далъ ему записку. Мальчикъ подбѣжалъ и воткнувъ записку на палку подалъ въ окно. Гурли окинула строки: — если хотите знать о судьбѣ человѣка, съ которымъ встрѣчались на кладбище,—пріѣзжайте въ собраніе!». Гурли собралась. Тотъ же офицеръ встрѣтилъ ее при входѣ въ бальную залу.

Утромъ вы приняли записку. По этому могу считать пріѣздъ вашъ отвѣтомъ, прямо начну объясненіе,—продолжалъ онъ, когда стояли они на мѣстѣ танцевъ.. Мы съ дѣтства еще друзья въ прошлую бурю онъ меня спасъ, а самъ утонулъ... Въ каютѣ я нашелъ записки гдѣ онъ говорилъ о васъ... Изъ этихъ записокъ вы узнали бы какъ сильно любилъ васъ! А съ вашей стороны пустое кокетство... И не договорилъ. Взглядъ его остановился на лицѣ Гурли—оно выражало такое глубокое страданіе; во всей позѣ столько отчаянія. Глаза обращенныя къ нему полны были безнадежной тоски, что слова его замерли.

— Умеръ, умеръ!... Шептала вникая въ ужасный смыслъ своихъ словъ.

*

— Успокойтесь! успокойтесь... заговаривалъ ея кавалеръ перемѣняя тонъ. Я ложно понялъ васъ; вѣроятно есть причина... Ради Бога успокойтесь! На васъ обратятъ вниманіе.... договорилъ онъ подвигая ей кресло. Она молча опустилась. Машинально слѣдила она фигуру за фигурой, говорила, улыбалась, вставала танцовать, снова садилась.... и вотъ наконецъ ее вызвали ѣхать домой.

Добравшись въ свою комнату, освободясь отъ наряда, прилегла; отчаяніе овладѣвало ею: боже мой! хотя бы умереть!.. Какъ тяжело, какъ невыносимо будетъ мнѣ жить; какія безотрадные дни начнутся для меня;—онъ погибъ!.. Она припомнила ночь, и эту бурю; воображеніе ея увлеклось; снова видѣла она море, въ волнахъ отчаянно бились люди, вотъ и черноокій.... Гурли забылась. Слышалось ей, что Саничка куда то сбирается ;будто Аня куда-то уѣзжаетъ; кто приходилъ въ комнату,что-то говорили?.. Но ей нидо чего не было дѣла; — она, вставала начинала ходить; вдругъ стѣны начинаютъ сходиться, близко, близко, вотъ сойдутся, вотъ раздавятъ ее; она быстро протягиваетъ руку, встрѣчая только воздухъ. Снова ложилась она, закрывала глаза, и руки ея начинаютъ рости, больше, больше— она вскрикивала, хваталась за руки, поднимала къ свѣту, ощупывала пальцы, и успокоивалась... То вдругъ чувствуетъ, голова ея становится громадной, вотъ ужъ не помѣщается—стѣны начинаютъ давить... ахъ какъ бы освободить голову, открываетъ глаза, предъ ней бронзовыя бра у зановѣсокъ начинаютъ шевелиться, какъ будто чьи желтыя руки въ бѣлыхъ руковахъ протягиваютъ ей свои объятія, ближе, ближе, вотъ хватаютъ; холодная дрожь пробѣжала по тѣлу. Куда-жь уйти онъ умеръ; умеръ!... въ отчаяніи бросалась на свою атаманку; опять вредъ ней плескало море, снова плылъ онъ по волнамъ, и снова она забывалась...

Гурли хотѣла подняться, но ея члены были такъ слабы что она опять спустилась.

— Вамъ можетъ кушать принести? Вѣдь восьмой день какъ ничего не ѣли оттого и ослабѣли.

— Ты больна? пришелъ спрашивать Саничька.

— Мнѣ Лія пишетъ, проситъ пріѣхать! Заговорила Гурли вмѣсто отвѣта. Одна она бѣдненькая, некому и слова сказать; отпусти къ ней...

— Почему же прямо не сказать, что хочется ѣхать, и не строить комедіи, неваляться по цѣлымъ днямъ... Вотъ на себя не похоже стала, лица на тебѣ нѣтъ! А все изъ капризовъ! Какъ будто я не стараюсь доставить все что возможно!.. И Саничка пошелъ съ важнымъ видомъ.

— Ничего ты незнаешь; ничего ты не видишь Саничка!—разсуждала Гурли опуская свою слабую голову на подушку. Ты думаешь, что только тебѣ нужно участіе; другіе могутъ жить и запертые, никого не любя.... Тѣхъ не полюбишь съ кѣмъ затрутъ по неволѣ.

VI.

Сестры скоро собрались, и поѣхали гостить у Ліи. На перепутьи завернули въ д. Трудолюбіе. Дяд–ки Б–въ давно уже тамъ не было; онъ выѣхалъ управлять имѣніемъ на Кавказѣ; свое же Трудолюбіе оставилъ на руки прикащику; который къ несчастію запилъ. А къ этому еще открылось бѣдствіе—падежъ, выморившій весь крестьянскій скотъ. Люди терпѣли страшную нужду; на ихъ огородахъ не росла необходимая овощь; отъ недостатка соли завелась цынга; не оставившая ни однаго здороваго человѣка. По близости не было ни одного города, пѣшкомъ никто не рѣшался пойти, чтобы не умереть на дорогѣ. Въ такомъ ужасномъ положеніи, сестры застали Трудолюбіе. Соль припасенная Аней, про случай, быстро исчезла, крестьяне отдавали ей дѣтей своихъ за горсть соли.

Берите ихъ себѣ; все равно пропадутъ! Объясняли они. Ужасающая апатія овладѣла всѣми.

Разсѣять тоску, освѣжить голову. Гурли вышла въ садъ.

— Барышня, барышня! Останавливая ее горничная.

— Что тебѣ?

— Не ходите; тамъ колдунъ! шептала она, пугливо поглядывая въ конецъ сада.

— Какой колдунъ? съ удивленіемъ спросила Гурли.

— Пасѣчникъ! Люди говорятъ, что онъ колдовствомъ то бѣду и наслалъ на всѣхъ.

— Какъ же онъ колдуетъ?

— А вотъ постойте, какъ стѣмнѣетъ, такъ увидите! Поясняла горничная. Разведетъ огонь, такой большой; а кругомъ огня туча, не туча стонетъ, а кто его знаетъ что, и все какъ будто двигается; а самъ все ходитъ, что-то шепчетъ, да чего то въ огонь подсыпаетъ......

— Это пустое! улыбаясь сказала Гурли. Колдуновъ нѣтъ; это выдумка людская; колдовства быть не можетъ! Я пойду погуляю; а послѣ посмотрю, что онъ дѣлаетъ.

— Да вы пропадете! трусилась горничная всплескивая руками. Его уже хотѣли убить; да никто не посмѣлится взять....

— Не безпокойся! «Не пропала въ Саничкиной тюрьмѣ; такъ на волѣ не пропаду»; доканчивала уже она про себя, поворачина дорогу.

Печальная долго она бродила въ степи мысли ея что то давило. Уже медленно возвращалась она домой; вдругъ-то необыкновенное ей представилось. На рву у сада ярко пылалъ огонь, окруженный какимъ-то разноцвѣтнымъ облакомъ: то блѣднѣвшимъ, то становившемся гуще. Пламя подымалось высоко; искры летели во всѣ стороны; столбъ дыму тянулся къ верху. «Какое-то существо мелькало тутъ же». Это пасѣчникъ колдунъ вспомнила Гурли и побѣжала къ костру.

— Что это дѣлаешь? спрашивала она останавливаясь предъ старикомъ, бросавшимъ въ огонь бурьянъ.

— Да вотъ дурманъ полю! Тутъ вѣдь со всей деревни въ этотъ ровъ падаль таскали. Солнцемъ то какъ прижгло вонь такая стала—дохнуть нельзя, червей развелось столько что ступить негдѣ, а потомъ вотъ эта моль, да мошка, отъ жары чтоль, тьмы тмущія. Погляньте — видимо, не видимо въ огонь сыпется...

Только теперь разглядѣла Гурли, что казавшееся издали облако—не что иное какъ неисчислимое множество бабочекъ, мотыльковъ и можки кружившаяся надъ огнемъ и попадавшихъ въ него милліонами...

— Я вѣдь имъ же добро дѣлаю! продолжалъ старикъ. Въ шутку сказалъ, что отъ бѣды на огнѣ ворожу, самъ то думаю воздухъ очистить, не пропадетъ-ли моль та эта, заберется въ хаты послѣднію одеженку подоточитъ, а имъ то взбрело, что на бѣду ворожу, и взъѣлись на меня всей деревней, куска хлѣба

не выпросишь. Давненько ужъ не полюбился я имъ, кампаніи съ ними не водилъ, безъ водки то съ мужикомъ не сдружишся. Еще мать покойница уговаривала меня не пить, — пьяный купецъ надъ ней насмѣялся, такъ весь вѣкъ и попрекали имъ, пряталась отъ людей, тѣмъ и меня не залюбили. Говорятъ завсегда у него деньги есть, ужъ что нибудь да знаетъ! А потому водились что не пропивалъ... Занадобиться что—ко мнѣ придутъ просить, а къ нимъ такъ и несуйся, осмѣютъ. Теперь-бы съ голоду пропалъ, когдабъ не медъ! Принесутъ тебѣ кусокъ хлѣба, помажешь ему въ горлѣ—легче станетъ. И опять таки бѣда! Для того-жь говорятъ болѣзнь на гналъ, чтобъ его кормили люди... Старикъ умолкъ и его совсѣмъ обнаженная голова печально опустилась. Весь былъ онъ сгорбленный, худой, руки дрожали.

— Какіе глупые люди! Ничего они незнаютъ!, говорила Гурли въ раздумьи.

— Да кто же ихъ чему училъ! замѣтилъ старикъ. Съ малолѣтства мать научитъ молитвамъ, отецъ косою махать; тутъ вся наука и кончилась. А вѣдь жизнь прожить нужно. Вотъ и учитъ горе, да нужда какъ умомъ раскинуть, что проминулось то знаютъ, разберутъ, а чего не встрѣчали такъ и въ толкъ невозьмутъ. Ни съ чего-жь себѣ бѣдѣ не быть, вотъ и придумываютъ на кого свалить. Зналъ бы чѣмъ помогать и невиненъ бы сталъ. Вѣкъ прожилъ всякія, ужъ болѣзни, и чуму видѣлъ, а такой неприводилось, — у живаго во рту гніетъ....

— Цынга это! поясняла Гурли. Видно въ зиму ни соленаго, ни кислаго не ѣли?

— Да и за чтобы покупали, какъ хлѣба зерна продать не было, а скотинка то пропала. Кто его знаетъ чѣмъ и горю помочь!

Огонь уже догорѣлъ Гурли пошла домой.—Дорогою ей все вертѣлось въ головѣ—какъ же пособить, какъ достать необходимые продукты, противодѣйствующіе заразѣ.

— Купите людямъ соли, и уксусу, обратилась она къ Анѣ.

— За какія-жъ деньги? отвѣтила Аня. На цѣлую деревню не пудъ понадобится, а намъ и такъ недостанетъ тѣхъ, что Саничка на дорогу далъ...

— Ну, я возьму тотъ уксусъ, что мы привезли! Спросила Гурли, послѣ нѣкотораго размышленія... Вѣдь медъ съ уксусомъ полощатъ отъ боли ворту?.....

— Да!

На другой день Гурли схватила бутылку уксусу, и понесла къ пасѣчнику. Тамъ развѣла она съ медомъ, и разсказала ему какъ употреблять. Послѣ того вынула изъ ушей свои золотыя серьги, назначила цѣну по чемъ ихъ продать, съ тѣмъ чтобъ на эти деньги купить соли и уксусу для лекарства. Старикъ долго глядѣлъ на нее, и задумался.

— Ну, если вы послѣднее отдаете, потрачу и я послѣднія силы, побреду! Може на дорогѣ кто подвезетъ, такъ и исполню вашъ приказъ, а не подвезутъ — куда-жь нибудь добреду. Только-бъ хлѣбца на дорогу...

Гурли побѣжала и тутъ утащила отъ Маруси цѣлый хлѣбъ и надѣлила старика.

— Что это нынѣ, изъ состраданія къ ближнему у своихъ воруете? Иронически колола ее Маруся.

— Нужно было, и взяла!

— Да, я скажу, что мнѣ нужно—и потащу съ тебя платье!

Чтобы не слушать дальше такіе доводы, Гурли поторопилась выпрыгнуть въ окно и отправилась въ степь. Ни о чемъ не думая; все шла она впередъ, ей хотѣлось бы уйти отъ самой себя. отъ этой неумолкающей тоски... Вдругъ раздался стукъ повозки, ближе, ближе и подогнавши телѣга поѣхала шагомъ. Нетерпѣливо поджидая ея проѣзда, Гурли не оборачиваясь продолжала свой путь. Докучливая повозка, продолжала медленный ходъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ оттуда послышался голосъ, съ хохлацкимъ акцентомъ!

— Дывице панычу що воно иде по дорози? Казать бы панночка та якъ же панночки самой буть уполи. У панночекъ, якъ бачивъ я и спидницы таки настарбучены; то довги, що по земли волочуться, и нимсь шуркаютъ, мовъ зерно на коши; ходють мовъ связаны—сяжь бижить якъ пташка! Та и дивчиною не нздается; наши дивчата нижечками, що колодочками, ступлятъ гаренько—земля угнется, вона жь ступа легенько, по слиду и травица немне!..

Этотъ монологъ заставилъ Гурли невольно улыбнуться. Вотъ похвала; что всѣ ваши комплементы передъ нимъ, мои гостин-

ные кавалеры,—неуспѣла подумать она, какъ услышала приближающіе шаги: сладенько произносимыя слова:

— Куда вы спѣшитс я васъ подвезу!...

Она оглянулась. Предъ ней уже рисовался панычь; въ красномъ жилетѣ, зеленый галстучекъ; желтой фурашкѣ; съ масляными глазками и сахарной улыбкой, все вмѣстѣ казалось до крайности пошлымъ.

— Вамъ нѣтъ дѣла—куда я иду! отвѣчала Гурли спокойно.

— О-го-го. Какія вы сердитыя! Какъ мнѣ дѣла нѣтъ, когда вы такая миленькая; за вашъ поцѣлуй готовъ на край свѣта везти!....

— Да края свѣта нѣтъ, поцѣлуями же я никому, и ни за что не плачу!... Какъ ни говорила она смѣло; но ей все же стало какъ то неловко, и страшно...

— Такъ я васъ такъ поцѣлую!—и панычь нѣжно заглянулъ ей въ глаза....

Она прыгнула чрезъ ровъ отдѣлявшій дорогу понеслась сколько было силъ... Сердце сильно билось, духъ захватывало—она продолжала бѣжать не видя куда. Вдругъ нога ея поскользнула, и сама она полетѣла въ яму, почувствовавъ сильную боль въ ногѣ: что-то шарпавое, теплое зашевелилось подъ рукой и заворчало. Волченки! волчья яма! вскрикнула Гурли; собравъ силы; упираясь руками на край ямы, выбралась она оттуда и снова понеслась.... Огонь разводимый пасѣчникомъ показался вдали, и весьма кстати служилъ ей маякомъ. Едва добравшись къ нему, безсознательно опустилась на руки старика, Прійдя въ чувство, она привстала; старикъ, печально обливавшій водою ей голову оживился;—радость засвѣтилась въ его померкшихъ глазахъ.

— Боялся я чтобъ вы неумерли! Люди на плели-бъ тогда, что васъ извелъ. Ну оно еще не страшно, пускай-бы брехали; а то васъ-то жаль было, молодая какая, душа у васъ рѣдкая! За сколько лѣтъ, а вотъ только душу отвелъ. По вашему дѣлу тоже справился. Иду это—все про васъ думаю, откуда и силы берутся! Добрелъ до села, тамъ жидовка за мужъ выходитъ, на серьги ваши такъ и накинулась. Уксусу, соли дала, еще сюда подвезла меня. Ждалъ того чтобы вы пришли; а тутъ Господи! что такое съ вами случилось?...

— Да оступилась въ волчью яму! кажется и ногу свихнула.

Нога дѣйствительно очень распухла. Съ помощью старика, опирась на палку Гурли едва дотащилась домой. Прощайте степи на долго!... думала она укладываясь въ постель.

По выздоровленіи Гурли, она съ сестрами выѣхала изъ «Трудолюбія» къ Ліи.

VII.

Помѣщикъ барствовалъ. Свои музыканты и хоръ пѣвчихъ каждый день оглашали его хоромы; привольно было дремать празднымъ лакеямъ въ передней; на кухняхъ толкались досужіе повара, многочисленная дворня не знала куда ей приложить руки. У С. была своя библіотека для которой выписывались лучшія сочиненія, своя оранжерея ростила ананасы. Въ обширномъ саду—пруды, мостики, лодки; лебеди, фазаны, дикія козы—ну словомъ все что могла придумать роскошь. Знавшіе его говорили, что развѣ въ царствѣ небесномъ лучше чѣмъ у С.

Нечувствовали однако счастія живущіе въ домѣ. Старикъ С. изнуренной болѣзнію, слѣдствія своей развратной жизни лежалъ въ постелѣ; покрытыя ранами ноги и руки гнили. Во время вечернихъ перевязокъ комнаты наполнялись его стенаніями но звуки музыки и говоръ гостей заглушалъ эти стоны. Такая обстановка, и пышность нужны ему были не потому, что это ему нравилось, а изъ пустаго тщеславія—чтобы имя его грѣмѣло въ околоткѣ. Весьма часто страданія его вызывали на покой, но тщеславіе брало верхъ, и пиры не прекращались.

Жена С., выданная замужъ четырнадцати лѣтъ, не встрѣчая ни ласки, ни любви, въ мужѣ видѣла только повелителя, ея слезы и упреки не имѣли значенія когда камеръ фрау ея требовали къ нему въ кабинетъ.... Получивъ свѣтское образованіе, она прекрасно болтала по французски и понѣмецки, хорошо играла и пѣла, легко танцовала, но о своихъ правахъ не имѣла ни малѣйшаго понятія. Проводя жизнь въ гостинной на диванѣ, отъ пустоты и сидячей жизни она отупѣла, и потолстѣла до безобразія: перейти изъ одной комнаты въ другую, для нее составляло подвигъ, она едва не задыхалась. Крѣпко она любила дѣтей своихъ, но они рано были отнимаемы у ней

и поручены гувернерамъ и гувернанткамъ. Ихъ учили всѣму только не любви и привязанности къ ней. Для нея невыносимы были гости и балы, но избавляться отъ нихъ ей и въ голову не приходило.

Коточикъ, старшій сынъ—полуидіотъ; былъ лѣтъ подъ сорокъ. Еще въ дѣдствѣ высѣченный отъ боли и страха лишился разсудка и памяти, и совершенно теперь находится въ рукахъ своего лакея Ваньки, который безсовѣстно его обкрадывалъ, а для потѣхи еще заставлялъ дѣлать тьму нелѣпостей, надъ которыми всѣ смѣялись. Такъ однажды Ванька увѣрилъ его, что мужики обманываютъ, вяжутъ неравные снопы, и что ихъ нужно повѣрить, а легче всего это сдѣлать руками. Коточикъ тотчасъ поскакалъ верхомъ въ полѣ, на мѣстѣ жатвы онъ бросился обнимать снопы, развернулъ всѣ копны, усталый до изнеможенія, мокрый, явился къ отцу съ докладомъ: что мужики жнутъ снопы ровные: а Ванька подлецъ вретъ! Старикъ осыпалъ его бранью и что—«онъ срамитъ его....» Несчастный Коточикъ становился еще несчастнѣе.

Другой сынъ Гринечка постоянно опасаясь, что отецъ проживетъ состояніе, и ему мало достанется наслѣдства, старался со всего выжимать деньги. Напримѣръ когда ему поручалось покупать вино для званыхъ обѣдовъ, онъ только на половину бралъ хорошее, такъ что въ той части стола, гдѣ предоставлялось угощать ему, всегда подавалось вино прескверное. Гости морщились, а Гринечка къ прежнимъ прикладывалъ еще сотенку. Изъ жадности къ деньгамъ онъ отказался и отъ любимой женщины: Сердце его было поражено красотой Фрози,—и въ самомъ дѣлѣ, что это была за чудная дѣвушка, кто видѣлъ ее въ саду съ кувшиномъ воды на плечахъ, граціозно изгибавшуюся подъ своею ношей не могъ не залюбоваться ею. Голосъ ея былъ чрезвычайно звучный, при томъ музыкальный слухъ, и великолѣпная память. Довольно раза было ей услышать самую трудную оперу, и потомъ уже она могла распѣвать ее своимъ голосомъ съ поразительною вѣрностью. Гринечка ей тоже полюбился. Ея ласки и любовь, такъ были сильны, что онъ готовъ былъ жениться на ней. Но чтобы избавиться отъ позорной женитьбы на горничной какъ выразился старикъ С., Гринечкѣ предложена богатая невѣста и нѣсколько тысячъ... Бѣдную же Фрозю ночью схватили и отвезли далеко въ имѣніе С. на

Кавказѣ: Тамъ прикащикъ предложилъ ей свою любовь, въ избавленіе тяжелой работы; но Фрозя любила со всей поэзіей молодости, надѣялась на любовь Гринечки, и ждала отъ него спасенія, рѣшилась лучше работать, чѣмъ измѣнить, и скоро изсохла въ трудахъ подъ жгучими лучами солнца.

Старшая дочь Дина грызлась со всѣми и преслѣдовала гувернантку музыки Анетъ, потому только, что та было хороша собою. Красота той нисколько ей не мѣшала; львы, привлекавшіе вниманіе Дины; и незамѣчали ничтожной гувернантки; сама Анетъ вѣчно курила ей фиміамъ лести, но всежъ Динѣ было досадно почему она сама не такъ хороша. Чувствуя пустоту свѣтской жизни, не имѣя ни о чемъ лучшаго понятія, не умѣя дать себѣ отчета чего ей недостаетъ,—вотъ и думалось ей, что именно красоты ей недостаетъ, чтобы быть вполнѣ счастливой. Въ свою очередь Анетъ сознавала, что для блеска ея красоты недостаетъ богатаго наряда, положенія въ обществѣ—ненавидѣли Дину, за что на каждый балъ той выписывалить богатые наряды. Ненавидѣла и всю семью, а самаго С за то, что онъ подтрунивалъ надъ нею, жену С. что та обращалась съ нею надменно, сыновей, что тѣ щипали и цѣловали, приговаривая «фрейлины же терпятъ все, а не хуже ее»... Плакала она часто отъ злости, не зная какъ отмстить. Поддержкой ее была другая гувернантка Лизетъ, переносившая все съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Терпѣливо толклась она цѣлыми днями съ меньшею дочерью С., которой вздумали дать обширныя познанія, а она не имѣя способностей, и нисколько желанія, была несчастлива тѣмъ; что ее надсаживаютъ ученіемъ, упрямилась и дѣлала дерзости...

Вотъ въ этой-то семьѣ, по милости дяд-ки Б-въ, росла и развилась Лія пышнымъ цвѣткомъ. Сѣмяна добра съ дѣтства брошенныя въ ея душу не заглогли. Здѣсь она жила какъ въ мрачной клѣткѣ, она знала, что за этой клѣткой, есть другія люди, другая жизнь... Она какъ будто чуждалась, боялась окружающаго, незабывала она прошлой жизни, ни Гурли, ни ея любви... Не привлекали не пышные балы, модные кавалеры, мечты уносились далеко, счастіе ожидалось не здѣсь.....

И съ какимъ восторгомъ она бросилась въ объятія Гурли, долго они не могли наглядѣться другъ на друга, съ какой

жадностью ласкали онѣ одна другую, и все казалось недовольно.....

— Ну, какъ-же ты тутъ жила Лiичка? спросила наконецъ ее Гурли.

— Да сперва училась все, цѣлый день, и все наизустъ. скучно было,—послѣ привыкла. Въ прошломъ годѣ кончила—нечего больше учить, такъ дѣдушка заставлялъ читать ему книги весь день. Всѣ пойдутъ гулять, а я сижу у него читаю, и это бы еше ничего, да воздухъ то тамъ такой спертый, тамъ и птицы разныя, свинки американскiя, лекарссва эти, мази да и раны..... Оконъ не отворяютъ, простуды боится, ну такъ иногда со мной дурно дѣлается. А еще какъ отпуститъ меня поздно вечеромъ, устану, приду съ свою комнату, упаду на постель, такъ и засну не раздѣвшись до утра; послѣ и бокъ заболитъ. Да ничего, отдохну и пройдетъ! Вотъ хотя бъ Дина этихъ ссоръ незаводила, расходиться ни съ чего, привяжется къ Анетѣ, крикъ несмолкаемый; развѣ гости помѣшаютъ, хорошо что рѣдкiй день ихъ не прiѣзжаетъ: тогда ужь занятiе ей любезничать съ ними!...

— Ну, а ты любишь Виктора?!..

— Кажется! краснѣла Лiя дѣлая пугливыя глазки.

— Когда любятъ, тогда не кажется а чувствуютъ; замѣтила Гурли, прижимая ее къ себѣ. Вѣрно онъ такъ много тебя любитъ, что и самой тебѣ кажется будто любишь, потому, что хорошо быть любимой.

— О, да, онъ меня любитъ! Надъ нимъ уже смѣялись, бранили, уговаривали, а онъ все же сдѣлалъ предложенiе, и поѣхалъ въ полкъ получить офицерскiй чинъ, теперь еще юнкеромъ служитъ... Когда вернется женится, тогда мы прiѣдимъ за тобой, я уже говорила съ нимъ объ этомъ, заживемъ вмѣстѣ, какъ весело будетъ!... Глазки Лiи за свѣтились счастьемъ; и долго еще сидѣли онѣ вмѣстѣ лаская другъ друга.

И ничто ихъ не разлучало, вездѣ онѣ были вмѣстѣ, вмѣстѣ гуляли вмѣстѣ танцовали.... И такъ дни неслись за днями. Гурли еще не успѣла и отдохнуть на свободѣ; не успѣла вдоволь наглядѣться на Лiю, какъ Аня уже стала сбираться домой. Нельзя же вѣкъ жить на чужомъ хлѣбѣ—убѣждала она....

XI.

Печальна и Гурли возвратилась въ деревню дяд-ки Б-вь. Первой встрѣчей была Ганна; больная, принесла она маленькую свою Настю, чтобы ее призрѣли.

— На себя я не надѣюсь; не смогу выздоровѣть помру! упрашивала она.

Гурли обнадежила ее словомъ, и успокоенная Ганна побрела домой, едва передвигая ноги.

Вскорѣ Гурли вздумала навѣстить ее; отправляясь на село, узнать гдѣ живетъ Ганна, зашла въ ближнiю хату и, какой грустью поразило представившееся ее глазамъ: На лавкѣ сидѣла крѣпко опухшая женщина, небольшая дѣвочька уныло пищала къ ней «мама, хлѣбца дай!» Взятый съ собою для Ганны бѣлый хлѣбъ Гурли отдала дѣвочкѣ; но сидѣвшая женщина быстро выхватила этотъ кусокъ изъ рукъ ребенка и жадно стала глотать; дѣвочка начала бить ее своими рученками, кусала, распиналась: Ни крики, ни плачь незаставили мать дать ей крошки хлѣба.

— Развѣ не твой ребенокъ? въ изумленiи спрашивала Гурли.

— Чтожь что мой? Черви его бъ съѣли вмѣстѣ съ отцомъ! Приневолили выйти за него,—и за что насиловали. Слава только что повѣнчали, теперь съ голоду сдыхаю онъ куска хлѣба не дастъ...

И сверкнувшiе ненавистью глаза снова отупѣли повернулись къ окну. Съ сжатымъ до боли сердцемъ удалилась Гурли... Проходя другую хату услышала она изъ нея стоны, не трудно было отворить дверь заставленную снаружи коломъ, внутри лежалъ умирающiй старикъ, томимый жаждой:—«Горитъ, охъ горитъ! языкъ изсхохъ, дайте воды!» Гурли нашла въ вѣдрѣ нѣсколько глотковъ и подала ему. Открывъ мутные слаза, старикъ водилъ имъ по хатѣ.

Ушли, въ полѣ всѣ ушли... Ты вѣрно ангелъ! когда Господь приметъ мою душу? Шепталъ старикъ и снова забылся. Медленно Гурли пошла дальше. Вездѣ пусто—на поле убирали хлѣбъ. Въ хатѣ Ганны лежалъ уже ея трупъ,

подлѣ нея грудной ребенокъ лежалъ мертвымъ, старшій сынъ еще умиралъ на печкѣ... Гурли воротитилась домой безконечная тоска надрывала ея душу, невыразимая тяжесть давила мозгъ. «И ни чему, ни чему не можетъ она помочь»...

Отпѣвать Ганну священника недождались, одна Гурли прочла ей отходную.

Наконецъ при всей бережливости Ани, деньги взятыя на дорогу выходили: она объявила о рѣшительномъ возвращеніи къ Саничкѣ. «Опять въ тюрьму» подумала Гурли садясь въ экипажъ...

Варвара провожала их со слезами. Старикъ пасѣчникъ издали поклонился до земли.

IX.

Какъ тоскливо, какъ безотрадно вѣяло на Гурли, когда она снова входила въ свою комнату, гдѣ провела столько мучительныхъ дней.

Вскорѣ кузенъ Алешинька привезъ печальную вѣсть о смерти Филиппъ Петровича.

— Отчего же и когда онъ умеръ? Грустно узнавала Гурли.

— От простуды, вѣроятно! Передъ моимъ выѣздомъ искалъ я попутчика, одному не выгодно; захожу къ нему, едва отыскалъ у какой то мѣщанки. Въ комнатѣ и гуси и свиньи, самъ отрепанный, грязный... «Ну какъ живется» спрашиваю я? «А вотъ самку пріобрѣлъ; нашлась же такая погонь и на мою рожу позарилась; въ умственныхъ способностяхъ недоступна такъ и жить изволимъ по закону природы; аки Ной процвѣтаемъ во всякомъ изобиліи и благѣ: всякія животныя съ любовію окружаютъ насъ... Впрочемъ я больше хожу за городъ, питаться чистымъ воздухомъ и воспоминаніями!» Предлагаю ему вмѣстѣ ѣхать сюда. «Незачѣмъ! и денегъ у меня нѣтъ, отъ всѣхъ уроковъ отказался. Учить какъ слѣдуетъ не допускаютъ,—а изъ за денегъ ходить не хочу! Да мнѣ ничего и не нужно теперь, моему то рылу о счастьи и мечтать то непристало.... А впро-

чемъ развѣ глянуть еще на рай зеленой, выползти на минуточку изъ этой грязи... Приходи! Можетъ быть приготовлюсь...» Но меня какъ-то дѣла задержали, и не вдругъ я заѣхалъ къ нему. Не засталъ уже! Говорятъ «ходилъ то гулять, промокъ на дождѣ, схватилъ горячку, лекарку прогналъ, слушать не хотѣлъ, и обругалъ еще..: Такъ и умеръ!» Миръ праху твоему товарищъ! Изрекъ я, и отправился къ вамъ — закончилъ Алешинька принимась за чай съ сухариками.

Низко, низко наклонясь къ окну раздумывала Гурли и его ужь нѣтъ! Пусто безотрадно вездѣ!.. Медленныя крупныя слезы скатывались изъ ея глазъ. А въ это время Алешинька пересказывалъ Марусѣ, какъ въ трактирѣ служанка приняла за собаку соннаго жида и выгоняла его изъ сѣней.

Въ этотъ пріѣздъ Алешинька чувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи, и подшучивалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Часто завидя Гурли, заглядѣвшуюся на полный ярко свѣтившій мѣсяцъ, подсѣдалъ къ ней подсмѣиваясь:

— Что это кузина о небесныхъ миндаляхъ мечтаете?

Кромѣ того съ ней былъ предупредительнѣе, чаще другихъ забавлялъ анекдотами, рисовалъ каррикатуры, сочинялъ даже для нее стишки. Чтожь онъ хочетъ подумывала Гурли. Любви тутъ нѣтъ, дружба что-ли?..... Желаетъ ли моего участія чтожь можетъ быть это чувство будетъ для меня счастливѣе любви...

— Вы другъ мой? спросила она его однажды.

«Другъ мой! Другъ мой!» повторялъ онъ цѣлуя ей руки. Съ этого уже времени она называла Алешиньку неиначе какъ другъ, и своей стороны старалась сдѣлать ему пріятное что могла.

Много ласкъ и нѣжности показывалъ ей Алешинька, но Гурли удивляло всегда то, что онъ тотчасъ же отставалъ отъ нея, какъ только кто другой входилъ туда гдѣ они сидѣли вмѣстѣ; перерывалъ начатый разговоръ, перемѣнялъ тонъ, даже начиналъ трунить надъ нею. Она впрочемъ принимала это шутливому настроенію его ума, и съ каждымъ днемъ привязывалась къ нему все сильнѣе. Въ ней чувствовалась, снова жажда любить, быть любимой...

Какъ то вечеромъ, когда Гурли по обыкновенію забилась въ уголокъ Алешинька подсѣлъ къ ней и началъ горячо цѣловать ея руки.

Что съ вами мой другъ? спросила она съ участіемъ.

Алешинька не отвѣчалъ: только обнявъ ее крѣпко сжималъ руками; отъ его прикосновеній жгло ей щеки.... Гурли вскрикнула: «Аня! дайте свѣчу посмотрѣть что съ нимъ дѣлается!» Алешинька вскочилъ какъ обданный.

Для чего звать... говорилъ онъ сердито.

На порогѣ со свѣчей показалась Аня. Оправляя жилетъ, съ комическими жестами и смѣхомъ раскланялся съ ней Алешинька.

Какія глупыя шутки! Кричишь—я и не вѣсть что подумала... Аня опять скрылась.

— Что это такое, съ удивленіемъ спрашивала Гурли!

— Ничего особеннаго! Ночью всякая кошка сѣрая, всякая женщина волнуетъ... говорилъ онъ уходя.

Отвѣтъ Алешиньки долго ломалъ голову Гурли, но всежь понять его она не могла; однакожь рѣшилась не оставаться больше съ нимъ одна. И на другой вечеръ, когда онъ пришелъ гдѣ она сидѣла въ темнотѣ, встала съ мѣста и не слышно отдалилась къ дверямъ, поискавъ ее на диванѣ и по стульямъ онъ отправился въ другую комнату, гдѣ тоже слышно было его шурканье по стѣнамъ. Наконецъ она замѣтила послѣ, что онъ поджидалъ ее на крыльцѣ. Она не вышла, почему? не могла дать себѣ отчета.....

X.

Гурли сидѣла одна Будто изъ пола выросла передъ ней М-мъ Лакъ. Еще вопросительно глядѣла на нее Гурли, когда та освѣдомилась — «что никто не услышитъ».....

— Никто! Вѣрно по дѣлу къ Саничкѣ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! именно къ вамъ. Вотъ такой молоденькой, такой хорошенькой—сладенько протягала она, усаживаясь подлѣ вянуть въ этой клѣткѣ!.. Саничка то вашъ кутитъ, о васъ не думаетъ, заперъ—и рукой махнулъ! Я вамъ хочу клѣточку отворить, жениха нашла! Домъ свой на Адмиральской улицѣ, подъ вѣнецъ двадцать тысячъ даритъ....Вы только согласіе свое дайте—устроить уже мое дѣло!...

— Никогда я не пойду за того, кого не люблю! перебила ее Гурли.

— А двадцать то тысячъ даритъ? Съ деньгами то любви сколько угодно найдете!... подговаривала М-мъ Ланъ.

— Я себя никому не продаю...

— Да я не о продажѣ! кажется понимаю кому, что предлагать; онъ женится я вамъ говорю, по закону все будетъ!.. Горячо вступалась М-мъ Ланъ.

— А я повторяю вамъ, что по законному акту, или какъ иначе—я ни кому себя не продамъ за деньги... За того выйду только, кого полюблю. И прошу васъ не являться больше съ подобными предложеніями!.. М-мъ Ланъ открыла на Гурли большіе глаза. Небрать двадцати тысячъ, за то чтобы ѣсть конфекты, ходить въ шелку, ѣздить въ каретѣ... Гнить тутъ въ этой клѣткѣ... Тьфу! Она плюнула, презрительно взглянула на Гурли и вышла.

Гурли отправилась къ сестрицѣ генеральши.

— Ну, ты на этихъ молокососовъ не смотри, что увиваются, они повиляютъ, повиляютъ, да уйдутъ Ты невѣста безъ состоянія, какой если и женится—работницей будешь!.. Ты выходи за человѣка серьэзнаго, въ чинѣ—лѣлѣять будетъ. Я сама вышла за старика!—а счастлива же, какъ онъ меня жалѣетъ!...

— Хороша жалость! Сегодня при мнѣ уже какъ неприлично ранилъ изъ такого пустяка какъ носовой платокъ,..

— Есть на что смотрѣть, уже характеръ у него такой! А все таки меня за жену почитаетъ и ни для кого мнѣ неизмѣнитъ,—все домой принесетъ, что получаетъ... Дѣтей какъ любитъ! А эти то франтики—на паркетѣ толкутся, сегодня женятся, а на завтра другой чередъ... Ты послушайка меня, полно тебѣ сидѣть на шеѣ у Санички, со скуки умирать, я жениха прибрала тебѣ выходи! Полковникъ чиномъ, свой домъ у него есть. Правда еще двое дѣтей, ну ихъ то онъ куда нибудь спихнетъ...

— Какъ же это, только что мужа своего хвалили за любовь къ дѣтямъ, а мнѣ предлагаете такого, который своихъ спихнетъ?..

— Ахъ, дѣти дѣтямъ рознь! Дочка то постоянно въ болѣзни, а сынъ до крайности глупъ...

— Тѣмъ болѣе то онъ имъ необходимъ! Что же они станутъ дѣлать безъ него...

— И какое тебѣ дѣло до этого? было бы самой хорошо...

— Съ тѣмъ не можетъ быть хорошо, кого не любишь; а такого нельзя полюбить... И никогда я не стану между отцемъ и его дѣтьми, я не хочу быть причиной чьего либо несчастія.

— Ну, романами голову набила? Загорячилась генеральша.

— Читала-бы, еслибъ гдѣ было доставать; съ прежнимъ спокойствіемъ говорила Гурли.

— Не хочешь выходить хорошаго человѣка предлагаютъ, ну сиди въ дѣвкахъ до сѣдой косы на Саничкиной шеѣ... Не думаешь ли, что хлопотать сталъ выдавать васъ замужъ, дожидайтесь! Онъ на Лизочкѣ самъ женится, а вы прислужницами ей ступайте...

Гурли вдругъ вспомнила эту высокую, худенькую молоденькую дѣвушку, на которой задумалъ Саничка жениться. Всегда она садясь склоняла голову, и потупляла глазки, поднимая ихъ какъ только рѣчь Санички обращалась къ ней, словомъ казалось очень кроткою; но случался споръ въ кругу сестеръ, и какъ быстро тогда пробѣгалъ ея взглядъ по ихъ лицамъ, и не такимъ кроткимъ, какъ поднимался на Саничку, а губы странно сжимавшіяся, при этомъ озарились улыбкой когда голова Санички поварачивалась въ ея сторону...

— Кто знаетъ что будетъ! Печально отвѣтила Гурли прощаясь съ сестрицей.

Почему же это такъ страшно оставаться въ дѣвкахъ? разсуждала она медленно возвращаясь домой. И замужъ надобно выйти для того, чтобъ было кого любить, а не любить, зачѣмъ и мужъ, непонимаю!

Дома Гурли застала горячій споръ. Маруся сердито нападала на Саничку, зачѣмъ онъ отказалъ ея жениху, не спросилъ ея согласія.

— Какое ты имѣлъ право! Я могу выдти за него...

— Это глупо! Онъ ободранецъ, нечѣмъ жить будетъ вамъ... кипятился Саничка.

— Онъ такой же офицеръ какъ и ты! Не ребенокъ, знаетъ что дѣлаетъ!.. настойчиво поддерживала Маруся,

— Какое тебѣ дѣло Саничка, вѣдь не тебѣ съ нимъ жить? вмѣшалась Гурли.

— Дѣвочкѣ нечего мѣшаться въ серьезныя дѣла, ее выдадутъ въ свое время за кого слѣдуетъ отвѣчалъ онъ шутливо и обращаясь къ Марусѣ добавилъ. Пока живъ, ни одну не отдамъ за нищаго офицера.....

— Вѣроятно за германскихъ князей выдавать будете! Колко замѣтила Маруся.

Но Саничка былъ уже за дверью Откуда же у него право распоряжаться нашей будущностью. Неужели жь есть такой безобразный законъ? Или объ присволъ себѣ это право; такъ зачѣмъ же слушаютъ его...

— Маруся! Что же ты слушаешь Саничку, а не поступаешь по своему желанію?

— Не идти же мнѣ на квартиру жениху сказать что согласна?..

— Отчего-жь не пойти? Я бы пошла!..

— Какъ это можно! перебила Аня. Что самъ то онъ подумаетъ? Боже тебя сохрани!

— А пусть себѣ говорили-бы, что хотятъ, возразила Гурли!

— Ну, пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ нельзя! замѣчала Маруся. Какъ сто ртовъ начнутъ плевать — будь совсѣмъ чистая, а въ тряпку заплюютъ... Еслибъ я перешла куда нибудь жить, то можно-бы еще, что нибудь сдѣлать. И надобно же было навязать этого Саничку на шею... Тотъ же дядинька, Со ь, да убѣжать только отъ него некуда...

с— Ну и какое дѣло этому обществу до того, кто, что дѣлаетъ? Вѣдь осуждать должно только дурное—разсуждала въ слухъ Гурли.

— Да неприлично же? Вѣдь не будутъ знать, почему она пошла; подумаютъ сама навязывалась, ну—и осудятъ Мало-ли дурнаго дѣлается; незнаютъ, и неосуждаютъ... убѣдительно разъясняла Аня.

— Такъ значитъ общественное мнѣніе—ложь! заключила Гурли. Чего-жь имъ дорожить?

— Да потому вмѣшалась Маруся, что съ волками жить, по волчьи надо и выть не то разорвутъ.

— Странно же передумывала Гурли оставаясь одна для того только нужно жертвовать своимъ счастьемъ чтобы говорили хорошо люди, которыхъ я не знаю, до которыхъ мнѣ нѣтъ дѣла....

XI.

— О чемъ это такъ призадумалась Гурли? Спрашивая вошедшая къ ней дальняя родственница Наталья; кряхтѣвшая волоча на костылѣ хромую ногу.

— Я думала зачѣмъ это дорожатъ общественнымъ мнѣніемъ, когда оно ложно.

— Да кто у насъ составляетъ общественное мнѣніе вѣдь я всѣхъ знаю, заговорила Наталья. Адмиральша положимъ, она изъ Петербурга, лицо неизвѣстное, да ни о комъ она не говоритъ, никого не знаетъ. Пересуды и всѣ сплетни отъ важныхъ то барынь этихъ. Вотъ хотя бы и эта К.; въ кухаркахъ была, вѣнчаться шла съ деньщикомъ, да генералу приглянулась столкнулъ онъ того съ мѣста, самъ и повѣнчался на ней; въ чепчикъ нарядилъ, теперь къ ручкѣ подходятъ, кто ее незнаетъ мнѣнія ее о другихъ спрашиваютъ... А генералъ Ю—, обвѣнчался молодымъ тайно. Отецъ то противился, брачнаго свидѣтельства не досталъ священникъ этотъ умеръ, дѣтей то и не признаютъ законными, ей дерзости дѣлаютъ, куда покажется, за фаворитку считали, бѣдненькая такъ съ чахотки умерла а ужъ скромнѣе и благороднѣе женщины я невидѣла. А генеральша З. такъ и теперь пользуется общеэтвеннымъ уваженіемъ... Молдаванка, молоко продавала, шла куда не позовутъ, какъ попала въ ключницы къ З., онъ и женился; поди-романы по складамъ читаетъ! Тоже дочерей сама воспитывала; своимъ же адъютантамъ навязала, да и больно хорошія—съ мужьями дерутся... И полковникъ Р—, самъ изъ кантонистовъ, жена мѣщанка рыбой торговала... И въ продолженіи двухъ часовъ Наталья разсказала біографію чуть не цѣлаго города. Тутъ родившись, и проведя всю жизнь, а ей уже было подъ 80, она знала каждаго до малѣйшей подробности, и охотно обо всемъ вспоминала.

— Теперь конечно мы лишнія въ обществѣ, продолжала словоохотливая Наталья. Каждой носъ утереть можемъ. Знаемъ что она такое была въ наше время...

— А въ ваше время, лучшее общество было? любопытствовала Гурли.

— О конечно! Управлялъ городомъ N—гъ. Жены его тогда не было; а онъ увезъ и выкупилъ жену у какого-то господина, красавицу, умницу,—дома у себя она представляла хозяйку, но въ обществѣ нигдѣ не показывалась. При немъ были двѣ дочери и племянница, хороша собой, образована, умна — совершенство, не женщина! Ну и на несчастіе влюбилась въ О. Въ него тоже влюблена была старшая дочь генерала Т—, Катерина, презлѣйшее созданіе. ревнивая, мстительная, дурна собой, только голосъ восхитительный, а на скрыпкѣ играла—всѣ заслушивались, воспитана, прекрасно да умница-жь была: домъ ихъ считался аристократическимъ. Вотъ когда она узнала, что объяснился уже Надеждѣ, то поклялась ей, что Надежла умретъ если только пойдетъ за него замужъ. Надежду испугало это, нолюбовь взяла свое; и пока влюбленные собрались открыться отцу, Катерина смастерила то, что назначили на судно отправляемое за границу. Пришлось ему бросить невѣсту, N—гъ, строгъ и не любилъ когда уклонялись отъ службы. Только же имъ и счастія было, до его ухода. Любовались всѣ это парочкой, одна Катерина все сдвигала брови, а ужъ это означало не добрый знакъ. Какъ только простился, Катерина принялась за дѣло; достала у какого старика, занимавшагося ядами, чего-то одуряющаго, горничная подмѣчала не разъ что Катерина давала нюхать сонной Надеждѣ; и каждый разъ та просыпалась блѣдная, изнуренная, боли-же никакой не ощущала... Замѣтно было какъ она съ каждымъ днемъ становилась слабѣе и чахла. Черезъ годъ уже возвратился О., прекрасной его Надежды оставалась одна тѣнь. Ихъ повѣнчали. Позвали докторовъ лечить ее, тѣ нашли болѣзнь слѣдствіемъ отравы, и что помощи сдѣлать нельзя никакой... Катерина признавалась, но родные дѣла не заводили, да О. не долго пришлось нянчиться съ больною, а послѣ похоронъ взядъ себѣ переводъ на службу въ Петербургъ. Катерина по немъ чуть съ ума не сошла, да послѣ вдругъ пристрастилась къ картамъ, и цѣлыя ночи проигрывала, въ игорные дома тайкомъ ѣздила,—горе-ли свое хотѣла заглушить... Узнавши это, отецъ не сталъ давать ей денегъ, надѣялся остановить, да остановить-то Катерину было не возможно, когда шли ей на

перекоръ, то еще сильнѣе настаивала на своемъ, тогда ей все было ни по чемъ... Нашла какъ и деньги добыть. Пріѣхалъ подрядчикъ милліонеръ, она сговарилась за свою меньшую сестру, однако убѣдить ту, выйти за подрядчика не успѣла, она привлекла ее въ садъ, усыпила тамъ чѣмъ-то, и оставила съ подрядчикомъ, а сама потомъ привела отца... Оставалось согласиться на предложеніе подрядчика бѣдняжку повѣнчали съ нимъ, а года черезъ два умерла въ чахоткѣ. Катерина устроила и свою свадьбу, вышла за полковника Ми—лова, человѣка рѣдкаго характера; прельстился онъ ея голосомъ, о будущности и неподумалъ. Катерина промотала его состояніе, и—начала красть. Страсть ея стала уже извѣстна, въ лавкахъ вездѣ оберегались, все что ловко было спрятать, уносила съ собою. Изъ уваженія къ Ми—лову, лавочники приходили говорить ему, когда замѣчали, что жена его на столько то унесла того-то, увѣрившись въ истинѣ онъ платилъ, платилъ много, вошелъ въ огромные долги и умеръ съ отчаянія. Не остановило и это Катерину, она дошла до того,что ее посадили въ тюрьму.Придумавъ еще оборотъ. Отправилась къ Архіерею на покаяніе, трогательно разжалобила его слезами, выпросила денегъ, а уѣзжая стащила мантію и митру, и въ архіерейскомъ облаченіи изъ кареты благословляла встрѣчающихся...

— Какъ-же въ обществѣ объ этомъ говорили?

— А что говорить! По ахали... Новое лицо пріѣхало; Катерину и забыли. Въ обществѣ какъ въ котлѣ, что прежде брось, прежде сварится и осядѣтъ; а свѣжее на верху плаваетъ.

